

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького
Исторический факультет
НПМП «ВОЛОТ»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Свердловского университета
1938 — 1945

Екатеринбург
2008

ББК Ч448.7(2Р36) + Т1-1(2Р36)
УДК [378.4(470.54-25).96:9](09) + 930(470.5)
Ч 494

Черноухов, А.В.
Ч 494 Исторический факультет Свердловского университета.
1938 – 1945. – Екатеринбург: Изд-во «ВОЛОТ», 2008. – 150 с.
ISBN 5-89088-046-2

В книге отражены основные вехи становления и функционирования в составе государственного университета исторического (историко-филологического) факультета в короткий, но очень сложный и героический период истории страны.

Книга адресована студентам, сотрудникам и преподавателям исторического факультета, университета в целом, широкому кругу читателей, интересующихся историей далекого и близкого периодов в развитии исторического образования.

© А.В. Черноухов, 2008

© НПМП «ВОЛОТ», 2008

ISBN 5-89088-046-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ЧАСТЬ 1. ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ	9
ЧАСТЬ 2. ВОЙНА.....	87
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	145
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	147

ВВЕДЕНИЕ

Медицинская наука определила рамки, ступени и периоды жизни человека. А какой возраст определить факультету, которому (пока – всего – уже) 70 лет? Трудный вопрос. Ответ должен знать читатель. Автор убежден, что факультет в любом возрасте будет молод, так как всегда молоды студенты, а с ними преподаватели и сотрудники. И в любом возрасте переживаются трудности, бывают успехи, неудачи. Но пасмурных дней все-таки всегда меньше.

Много проблем существует в вузовской системе, историческом образовании. Преподаватели и студенты и сегодня переживают очередной период преобразований. Закончится он не скоро. В поисках оптимальных вариантов решения необходимо обращаться к накопленному опыту. У истфака он есть. Поэтому данная книга, которая состоит из двух частей, преследует цель – отразить основные вехи становления исторического образования в Свердловском (с февраля 1945 г. – Уральском) университете в предвоенный период и функционирование подразделения в годы Великой Отечественной войны.

Литературы по изучаемому периоду немного, ее можно разделить на три группы¹. Первую составляют работы, в которых рассматриваются общие проблемы развития высшей школы во второй половине 1930-х гг. и в военные годы. Здесь представлены основные цели и задачи, которые ставились и решались руководством страны в деле подготовки специалистов. Вторая группа исследований посвящена непосредственно университетам – структуре университетского образования, роли факультетов в формировании

¹ Перечень анализируемых работ представлен в списке литературы и источников.

нового поколения студентов. Третья, самая малочисленная группа, посвящена непосредственно историческим факультетам. С сожалением констатируем, что за исключением Московского и Санкт-Петербургского вузов, историки пока не создали цельных работ по проблеме в целом и по изучаемому хронологическому периоду в частности.

По истории исторического факультета УрГУ можно отметить очерк, написанный 40 лет назад (период 1938–1945 гг. отражен в нем на шести страницах), а также фрагментарные материалы о кафедрах и видных преподавателях, изданные в сборниках трудов. В книгах по истории университета истфаку изучаемого периода также отведено очень мало места.

С удовлетворением отметим, что некоторые факультеты УрГУ в последнее время создали книги об основных вехах своей истории. Автор прочитал их, в его задачу не входит анализ этой опубликованной продукции. Заметим лишь, что подобную работу необходимо начинать и другим факультетам, а солидная архивная база есть (например, обнаружены важные документы о химическом факультете 1930-х годов). Автор специально не читал электронный вариант рукописи В.А. Мазур о ректорах университета. Причина проста – возможны расхождения в оценке деятельности руководителей вуза. А дискуссия в данной книге не уместна. Рукопись В.А. Мазур выходит в свет одновременно с книгой по истории истфака.

Серьезной базой исследования стали опубликованные источники. Сборники законодательных документов, нормативные акты издавались регулярно и в большом объеме. Естественно, из большого потока приказов и инструкций автор выбирал лишь те, которые объемно отражают процесс преобразований в историческом образовании изучаемого периода. Немаловажным обстоятельством включения источника в книгу являлась его «живучесть» – функционирование многих положений и в настоящее время.

Две серьезные попытки сбора документов по истории факультета дали результаты – на призывы активистов откликнулись преподаватели и выпускники. Наиболее плодотворная, сделанная в 1960-е годы, завершилась оформлением комплекса материалов о фронтовиках Великой Отечественной войны, публикацией серии статей в университетской газете и очерком о факультете в общевузовском издании.

Здесь необходимо отдать дань уважения Галине Александровне Кулагиной¹. С истфаком она с 1938 года! Ее вклад в создание истории факультета невозможно отразить абзацем, страницей. О ней необходимо написать очерк. Истфаковцы, прочитайте внимательно изданную в 2005 г. ее книгу «Свидетель века»². Поставлено столько проблем и задач, что нынешнее поколение истфаковцев без работы не останется.

В 1986–1988 гг. под руководством декана Ю.С. Кирьякова работала комиссия по подготовке празднования 50-летия истфака. Для выпускников была разработана анкета, авторами которой были О.Е. Вайнер, М.Н. Дудина, Г.А. Кулагина, А.Г. Чевтаев. Разослали 59 писем. Воспоминания прислали 34 человека (из них 21 выпускник истфака УрГУ и 13 выпускников пединститута). То есть был собран обширный комплекс различных по объему и ценности воспоминаний. Но до их обработки и публикации дело не дошло – в итоге материалы попали в университетский музей. Некоторые воспоминания будут цитироваться в этой книге.

Несколько слов о воспоминаниях. Этот исторический источник был и останется для исследователей сложным. Симпатии-антипатии авторов воспоминаний часто противоречивы, в архивных документах иные оценки. Один пример. В воспоминаниях о А. И. Виноградове только положительная высокая оценка его лекторской и иной деятельности. Однако в документах 1930-х годов часто фигурируют иные сведения; документы о взаимоотношениях в коллективе в 1944–1945 гг., когда он был деканом факультета, также отражают его противоречивый характер. Так что, используя в тексте воспоминания, для более объективного представления проблемы, автор одновременно цитирует и документы.

И все-таки необходимо отметить, что руководство факультета и кафедр должны приложить усилия по собиранию личных фондов преподавателей и студентов. Они являются хорошим подспорьем для будущих исследований. Истфак должен иметь свой архив-музей.

В 2007 г. Д. А. Дмитриева защитила дипломную работу по истории факультета 1938–1945 гг. Научный руководитель привел ее

¹ Когда книга готовилась к набору, 4 октября 2008 г. Галина Александровна скончалась.

² Электронная версия доступна по адресу: hist.usu.ru/books/kulaginabook.exe

в государственный архив Свердловской области, университетский архив, совместная работа дала результат – рецензент, декан В.А. Бабинцев, рекомендовал ГАК оценить сочинение на «отлично». Комиссия мнение рецензента поддержала. Естественно, Дарья Андреевна внесла вклад в написание книги.

Отмеченные архивы, а также Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) явились базой для работы. Без преувеличения можно сказать, что университетский и областные архивы (до центральных автор не добрался, но в перспективе работа в них необходима) сохранили огромное количество документов об истфаке. Не будем здесь характеризовать их виды и разновидности. Отметим главное – при желании все основные направления работы факультета можно восстановить даже по дням и месяцам. Для этого необходимо время. Серьезный труд требует много усилий. При написании данной работы автору не хватило времени. Остались неизученными многие архивные документы, а некоторые, чтобы не «утяжелять» книгу, были сознательно опущены. Они ждут авторов обобщающего труда к 75-летию истфака.

Хронологические рамки книги определены четко, обосновать их просто – от времени начала функционирования факультета до начала занятий студентов в первом послевоенном учебном году. В некоторых случаях требовался экскурс в более ранние 1930-е годы.

Определить территориальные рамки сложнее. Факультет являлся частью университета. Поэтому автор не имел права замыкаться в рамках факультета, игнорировать университетскую жизнь. Но он пытался не увлекаться описанием общего фона, старался привлечь только необходимое и обязательное. Этим правилом он руководствовался и при привлечении важнейших общегосударственных документов.

Необходимо особо отметить, что в книге приводятся биографии преподавателей и некоторых сотрудников истфака. Здесь автор не ставил задачу описания всего процесса учебной, научной и иной работы отдельных членов коллектива историков. Включая в текст биографии, он преследовал только одну цель – убедить сегодняшних заведующих кафедрами, лабораториями, кабинетами начать работу по изданию энциклопедии истфака. Она должна быть издана к 75-летию. Ни один преподаватель и сотрудник, когда-

либо работавший на истфаке, не должен остаться забытым. Структуру построения энциклопедии необходимо утвердить на Ученом совете и безотлагательно начать работу над ее созданием.

Кто-то из мудрых людей сказал, что после 60-ти творческий потенциал снижается, а критическое чувство нарастает. Автор с этим полностью согласен. Книга рождалась тяжело, «в душевных муках». И не только потому, что другой мудрый человек верно подметил, что «пишут два перста, а болит все тело», но и потому, что автор 43 года ощущает себя частичкой исторического факультета. Как получилось – судить читателю.

Автор уверен, что историки, да и все читающие эту книгу, разберутся в общепринятых сокращениях. Расшифруем только одно, часто употребляемое в тексте: ВКВШ при СНК СССР – Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР.

В заключение необходимо выразить слова благодарности сотруднику исторического кабинета О.В. Замятиной, которая с содроганием взялась за набор текста, который был представлен ей, мягко говоря, в неудобочитаемом виде. Она отлично справилась с работой, хотя, уверен, ругала автора за многочисленные дополнительные вставки в уже набранный текст.

Автор по личным мотивам (и от нехватки времени) отказался от редакторской правки. Он несет полную ответственность за написанное. А корректирование рукописи проведено заведующей историческим кабинетом И.В. Земсковой, за это ей большое спасибо.

Искреннюю доброжелательность к любой просьбе автора о помощи в поиске документов проявили директор музея УрГУ В.А. Мазур и заведующая архивом Л.К. Хамзина. Помощь была большой, поэтому им и большая благодарность. Искренняя благодарность также директорам, сотрудникам областных архивов – ГАСО и ЦДООСО.

И последнее. Автор благодарит спонсора – Георгия Лонияевича Гозалишвили, который не учился на историческом факультете, имеет иное высшее образование, но дружен со многими преподавателями истфака уже почти 20 лет. С его помощью книга обрела солидную обложку, художественное оформление которой выполнил Р. В. Каптиков.

А. В. Черноухов, выпускник истфака 1969 года

Часть 1

ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Во введении было отмечено, что по истории исторического образования написано очень немного и фрагментарно. Но все авторы единодушны в том, что новый этап его развития связан с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», которое было опубликовано в газете «Правда» 16 мая 1934 года. Но удивительно, что текст Постановления в работах не цитируется¹. Это пробел. Необходимо представить хотя бы преамбулу, так как его претворение в жизнь, в конечном итоге, дало начало многим историческим факультетам страны. Нужно отметить и то, что в этот же день было опубликовано и другое важное Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О структуре начальной и средней школы в СССР».

СНК СССР и ЦК ВКП (б) констатировали, что преподавание истории в стране «поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме, с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами. Решающим условием прочного усвоения учащимися курса является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только та-

¹ Примечателен момент – даже в «Летописи исторического факультета МГУ» (М., 1994) на с. 7 неверно цитируется «шапка» Постановления: «ЦК ВКП (б) и СНК СССР», а не наоборот.

кой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»¹. Постановление определяло подготовку новых учебников по всем периодам всеобщей истории и истории СССР. А в «целях подготовки квалифицированных специалистов по истории» восстанавливались исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах.

Начало стабильному историческому образованию в столицах было положено. Не заставили себя ждать и крупные регионы страны.

Университет в Свердловске в 1931 г. возобновил работу после шестилетнего перерыва. Летом этого года Президиум облисполкома обсудил предложение Наркомпроса РСФСР об открытии на Урале университета с отделениями математики, физики, химии, биологии, геологии и географии и принял решение: есть «настоятельная необходимость ... учебного заведения, в задачу которого входила бы подготовка а) исследовательских кадров в области естественных наук и б) преподавателей высшей школы по общеобразовательным дисциплинам»². Подготовка преподавателей в этот год стала особо острой проблемой, так как если в начале 1930 г. Свердловск имел лишь политехнический институт с «рядом карликовых факультетов», то к осени 1931 г. здесь появилось 13 высших учебных заведений.

Борьба за право открыть университет развернулась между Пермью и Свердловском. Она закончилась победой последнего, облисполком констатировал, что «именно этот город обеспечит постоянное и неослабное методологическое руководство его научной и учебной работой», и решение облисполкома об открытии Свердловского университета было утверждено Постановлением СНК РСФСР № 1085 от 13 октября 1931 года³.

Главная беда, которая будет преследовать университет все последующие годы, заключалась в том, что новому вузу не было вы-

¹ О преподавании гражданской истории в школах СССР: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Правда. 1934. 16 мая.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1058. Л. 176.

³ Там же. Л. 112–119, 176 об.; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 3. Л. 8.

делено ни солидного готового здания, ни площадки для строительства подлинного университетского городка. И горсовет, и облисполком, отмечая «чрезвычайно напряженное положение с наличным фондом учебной площади», постоянно делили между вузами каждый метр свободных площадей. В комплексе зданий Втузгородка университету места не нашлось, он временно разместился в здании строительного института. И 25 декабря 1931 г. при 80 студентах и 12 преподавателях начались занятия в новом вузе¹. Были открыты физико-математическое, химическое и геологическое отделения (на факультетскую систему все вузы страны перейдут в 1933/34 учебном году).

С 1934 г. историков начал готовить педагогический институт. Университет же, не имея учебного здания, общежитий, лабораторий и оборудования, переживал нелегкие времена. Через год было выделено здание бывшей духовной семинарии (8-е Марта, 62). Но и оно требовало коренного ремонта, надстройки, реконструкции.

Об этом здании и о ректоре З.Ф. Торбаковой, которая руководила вузом в 1935–1937 гг., женщине со сложной и трагической судьбой, необходимо сказать хотя бы потому, что заявления от первых абитуриентов-историков принимались именно в этом учебном корпусе. Здесь они учились (с некоторыми перерывами) до лета 1966 года. В общежитиях, которые были построены под ее руководством, жили многие поколения студентов и преподавателей истфака.

Учебный корпус З.Ф. Торбакова реконструировала с громадным трудом. И работа по надстройке, возможно, была одним из пунктов кляуз, в итоге которых она была исключена из партии, снята с должности, позднее – арестована и 8 августа 1938 г., во время проведения вступительных экзаменов абитуриентов-историков, была расстреляна. Недавно опубликованные документы проливают дополнительный свет на ее роль в становлении вуза.

Протицируем фрагмент из подборки документов о ее труде на благо университета, и, естественно, будущего исторического факультета: «Я приняла университет в конце июня 1935 года. Учебного здания не было, общежитий для студентов, кроме 3 щитовых неблагоустроенных, барачного типа домов за городом, также не

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 3. Л. 8–10.

было, не было и никаких квартир для научных работников; свыше 70% научных работников были совместителями... Университет был создан в конце 1931 года без всякой материальной базы и кадров и развивался чрезвычайно медленно... Несмотря на тяжелые условия, обстановку и срывы сроков окончания строительства университета, исключительно благодаря своему упорству я, все же, за период своей работы выстроила: к 1 января 1936 года, при полном отсутствии фондов на стройматериалы, благоустроенное общежитие для студентов и научных работников по ул. Малышева; в 1937 г. – студенческое общежитие на 250 человек (принятое Стройконтролем на «хорошо»), шестизэтажное учебное здание (строившееся на 50% фондов) и подготовила строительную площадку для 24-х квартирного профессорского корпуса, заготовив ряд материалов»¹.

В задачу исследования анализ «расстрельного» дела З.Ф. Торбаковой не входит. Заметим лишь, что проблемы репрессий необходимо изучать строго индивидуально. З.Ф. Торбакова – человек своего времени. С высоты сегодняшнего дня можно только удивляться, как «при полном отсутствии фондов» можно строить. Где же она, по каким связям «добывала» нужные материалы... Ее выступления на закрытых партсобраниях 1936 – первой половины 1937 г. не отличались от других. В них звучали слова о том, что в университете «слабая классовая бдительность – до сих пор мы вскрываем классово-чуждых студентов», и одобрение решения обкома ВКП (б) о карающих мерах в адрес председателя облизполкома, «вокруг которого орудовали враги народа – троцкисты»...²

Но уже 3 сентября 1936 г. на закрытом собрании, где обсуждался доклад Ленинского райкома ВКП (б) «Об ошибках в партийной организации университета», прозвучал, хотя и косвенно, первый «звонок» в адрес ректора: «Судебный процесс над контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группой показал, что лик-

¹ *Вертлецкая Е.В., Реброва Е.Ф., Федорова М.А.* Репрессии в среде преподавателей высших учебных заведений города Свердловска в 1937–1938 гг. // Архивы Урала, 2006. № 9-10. С. 260–281.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2, 8, 81 и др.

видирована только головка ее, низы этой группы еще не ликвидированы»¹.

С сожалением необходимо констатировать, что в это время в университете появились одиночки и группы людей – помощников-добровольцев, которые сигнализировали в соответствующие органы о «контрреволюционных надписях в уборных», «неправильных высказываниях преподавателей на лекциях» и т. п. Стукачество всегда являлось одной из черт российского общества. И очень трудно отбиваться от всех этих «стуков». Когда-то даже родилась страшная шутка: страна от «стуков» только выигрывает... Увы, стукачество было и в 1930-е годы.

К этому злу добавилось большее горе – противостояние дирекции вуза и партийной организации, большинство которой составляли в то время, как ни удивительно, студенты. Споры, «перетягивание каната», привлечение на свою сторону всех недовольных, привели, в конечном итоге, к трагедиям 1937–1938 и последующих годов. О многом свидетельствует фраза студента, секретаря парткома, на партсобрании в сентябре 1937 г. в адрес нового директора вуза – «Раньше сидели здесь враги, а теперь еще хуже»². Через год, в 1938 г. уже четко звучали слова: «партком есть руководящее ядро всего университета и разделения здесь не должно быть», директор «должен быть его помощником», «партком есть голова всего университета, а не просто исполнитель воли директора»³. Противоборство всегда приводит к несчастью. В списке жертв и З.Ф. Торбакова.

Новым руководителем университета был назначен С.М. Евминов. В годы его директорства и был открыт истфак.

В то время, когда исключенная из партии и снятая с должности ректора З.Ф. Торбакова ходатайствовала о восстановлении и пыталась найти новую работу, в университете был поставлен и практически решен вопрос об открытии исторического факультета. Дело заключалось в том, что в октябре 1937 – марте 1938 г. в высших эшелонах власти и ЦК партии жестко обсуждался вопрос об уточнении профилей высших учебных заведений. Для университета эта

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 10. Л. 74–75, 78.

² Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 57–58.

³ Там же. Л. 49, 57–59, 69–70.

реорганизация обернулась не только потерей геологического факультета (он был переведен в Пермь), но и расширением за счет факультетов по подготовке кадров гуманитарных специальностей.

В апреле – мае 1938 г. Наркомпрос РСФСР рассмотрел и принял решение об открытии истфака, в июне официально был объявлен набор студентов, а 20 июля партийное собрание впервые рассмотрело проблемы, которые ждали новый факультет.

Вступительные экзамены прошли в августе 1938 г., в последний день месяца был опубликован приказ о зачислении. На первый курс было зачислено две группы студентов¹:

Группа «А»

1. Адамов В.В.	12. Обвинцев А.И.
2. Вахлов С.С.	13. Пелегова И.В.
3. Гитин В.Г.	14. Пестова Л.Д.
4. Давыдов Е.Н.	15. Сергеев П.К.
5. Дышлова Н.А.	16. Сергейчик Г.Ф.
6. Жеребцов Б.А.	17. Сторожев Б.П.
7. Калачев В.И.	18. Султанов В.П.
8. Козлов В.Г.	19. Тарасевич Б.А.
9. Комм Д.Л.	20. Тюменцева Е.Т.
10. Махнев А.К.	21. Филатов И.П.
11. Мосина А.Ф.	

Группа «В»

1. Бузановский Л.Ф.	12. Назаров А.П.
2. Бычков П.В.	13. Обухова П.А.
3. Донец З.И.	14. Остренко А.Ф.
4. Захар-Невский Г.Ф.	15. Печатальщикова Н.С.
5. Зыкова К.И.	16. Попов В.П.
6. Ибрагимов И.И.	17. Ручнова А.К.
7. Ключева Н.А.	18. Сергеева А.Ф.
8. Кравцова З.М.	19. Федосеева Е.П..
9. Макаров А.У.	20. Чемпалов И.Н..
10. Матвеев В.М.	21. Шнейдер Н.М.
11. Менгель Н.П.	

Набор состоялся. Первые истфakovцы получили студенческие билеты и зачетные книжки. Единая форма этих документов была

¹ Архив УрГУ. Д. 71. Л. 56.

утверждена СНК СССР 25 октября 1936 г.¹ Студенческий билет почти не отличался от современного. Форма зачетной книжки, требования к ее заполнению за 70 лет также практически не претерпели существенных изменений.

Удивительно, но уже в сентябре последовали приказы об отчислении только что поступивших студентов по различным причинам, а также по дополнительному зачислению. Поэтому трудно дать точный ответ, сколько же было студентов в первом семестре. Но если сравнить первый приказ о зачислении с приказом о первом выпуске, то только 10 человек из первоначального набора завершили свое обучение в 1942 году. Вот их фамилии: Л.Ф. Бузановский, В.И. Калачев, З.М. Кравцова, А.П. Назаров, А.Ф. Остренко, И.В. Пелегова, Л.Д. Пестова, Н.С. Печатальщикова, В.П. Попов, В.П. Султанов. Остальные 13 первых выпускников (всего в 1942 г. было выпущено 23 человека) в первом приказе о зачислении не фигурировали, то есть к учебному процессу они присоединились позднее. Многие студенты первого приказа закончили истфак позже, а иные вообще не получили диплома. О них еще будет рассказано.

Университетом руководил

Евминов Семен Матвеевич. Родился в 1896 году в Новочеркасске. Член ВКП (б) с 1918 г. Закончил механико-математический факультет МГУ, в 1930–1934 гг. — аспирантуру. Работал в должности старшего научного сотрудника МГУ, выполнил кандидатский минимум, готовил диссертацию, владел немецким и английским языками. 19 сентября 1937 г., на основании приказа Наркомата просвещения РСФСР, приступил к исполнению обязанностей директора. Через год, 8 октября 1938 г. был утвержден в должности, но уже 28 мая 1939 г. был отозван в Москву. Исполнение обязанностей директора временно было возложено на Н. И. Шатагина.

Удивительно, что в портретной галерее ректоров на втором этаже главного здания университета не представлен

¹ Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957. С. 139–140.

его портрет. Он был ректором недолго, но в очень сложное время. И восстановить справедливость просто необходимо. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 35]

А сейчас, перед изложением основных событий первого учебного года исторического факультета Свердловского государственного университета, необходимо хотя бы коротко остановиться на важнейших документах истории высшего (в том числе и гуманитарного) образования в стране, состоянии университета второй половины 1930-х годов.

Сегодняшние студенты общаются с профессорами, докторами наук, доцентами, кандидатами наук, ассистентами, поэтому имеет смысл представить хотя бы краткие сведения о появлении этих степеней и званий. Это важно, потому что с 1938 г., с момента появления истфака, главное внимание руководства вуза всегда было направлено на подготовку и привлечение к работе из других вузов именно высококвалифицированных преподавателей.

Впервые ученые звания и степени появились в 1934 г., порядок присуждения оказался не очень совершенным, поэтому 20 марта 1937 г. было опубликовано новое Постановление СНК СССР. Оно обширно, поэтому представим лишь некоторые фрагменты: «В целях поощрения научной работы и повышения квалификации научных и научно-педагогических кадров СНК СССР постановляет:

1. В зависимости от квалификации в области определенной научной дисциплины – по объему знаний, степени самостоятельности научной работы и ее значению – научным работникам присваиваются ученые степени:

- а) кандидата наук;
- б) доктора наук.

2. В зависимости от выполняемой научно-педагогической или научно-исследовательской работы научным работникам присваиваются ученые звания:

- а) ассистента;
- б) доцента;
- в) профессора.

3. Для получения ученой степени кандидата наук требуется успешное прохождение аспирантуры в течение установленного сро-

ка и публичная защита кандидатской диссертации на избранную диссертационную тему.

4. Для получения ученой степени доктора необходимо иметь ученую степень кандидата и публично защитить докторскую диссертацию на избранную диссертантом тему.

Диссертация должна обнаружить самостоятельную исследовательскую работу, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно-обоснованная постановка новых проблем, представляющих значительный научный интерес...

12. Звание ассистента присваивается лицам, окончившим высшие учебные заведения, имеющим достаточную квалификацию для преподавательской или научно-исследовательской работы и ведущим такую работу под руководством профессора или доцента.

Звание ассистента присваивается приказом директора вуза на основе решения Совета.

13. Звание доцента присваивается лицам, имеющим степень кандидата наук и ведущим соответствующую преподавательскую и научно-исследовательскую работу в вузах под руководством профессора.

14. Звание профессора присваивается лицам, имеющим ученую степень доктора и ведущим основную преподавательскую или руководящую исследовательскую работу в вузах.

15. Звания профессора и доцента присваиваются высшей аттестационной комиссией Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР по представлению соответствующих народных комиссариатов на основе решений Советов вузов»¹.

В эти же годы изменилась кадровая система и оплата труда преподавателей вузов. Постановлениями СНК СССР от 11 ноября 1937 г. и 21 апреля 1938 г. отменялась почасовая оплата труда профессоров, доцентов и других преподавателей высшей школы и вводилась система штатных должностей и должностных окладов для преподавателей и учебно-вспомогательного персонала, определялись надбавки за заведование кафедрой, административную работу. Примечательны следующие пункты о ведении хоздоговор-

¹ Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957. С. 308–309.

ных работ: «Допустить в высших учебных заведениях, проводящих научно-исследовательские работы по поручениям хозорганов, выполнение таких работ штатными работниками за дополнительную плату в размерах, не превышающих 50% должностного оклада, с соблюдением следующих условий:

а) план научно-исследовательских работ, проводимых по поручениям хозорганов, особо утверждается народным комиссаром, которому высшее учебное заведение подчинено;

б) выполнение научно-исследовательских работ по поручениям хозорганов производится штатными работниками на основе индивидуальных договоров с директором учебного заведения, причем эта работа ни в коем случае не должна идти за счет времени, предусмотренного для работы по штатной должности»¹.

С 1 сентября 1938 г. во всех высших учебных заведениях СССР вводилась четырехбалльная система оценок знаний студентов при сдаче экзаменов: «отлично», «хорошо», «посредственно», «неудовлетворительно». До этого существовала трехбалльная система оценок: «отлично», «удовлетворительно», «неудовлетворительно»².

1938 год ознаменовался еще двумя важными событиями: 29 августа было опубликовано Постановление СНК СССР «О высшем заочном обучении», по которому разрешалась заочная подготовка на исторических факультетах, а 1 октября была введена новая форма диплома для лиц, окончивших вузы. Эта форма просуществовала до 1952 года.

Вот некоторые пункты итогового документа выпускника вуза:

«1. Окончившим высшие учебные заведения после 1 сентября 1936 г. и не получившим диплома, а в дальнейшем всем оканчивающим вузы, выдавать дипломы, изготовленные и заполненные согласно прилагаемой инструкции.

2. Окончившие высшие учебные заведения до 1 сентября 1938 г. и удовлетворяющие прежним условиям для получения диплома 1-й степени (75% отличных оценок по всему учебному плану и госэкзамен или защита дипломного проекта на «отлично») получают диплом нового образца с отличием.

¹ Собрание законов СССР. 1937. № 73. С. 354.

² Высшая школа. Основные постановления и инструкции. М., 1948. С. 141–142.

Окончившие высшие учебные заведения после 1 сентября 1938 г. получают диплом с отличием, если они за время своей учебы до 1 сентября 1938 г. удовлетворяют старым условиям, то есть имеют 75% отличных оценок, а за время учебы после 1 сентября 1938 г. удовлетворяют новым условиям, то есть имеют 100% отличных и хороших оценок и сдадут госэкзамен или защитят дипломный проект на «отлично»¹.

Но самым главным событием 1938 года для историков все-таки явилось появление следующего приказа:

«СНК СССР. Всесоюзный Комитет по делам высшей школы.

Приказ № 2336. 8 сентября 1938 года.

В целях устранения параллелизма в подготовке специалистов в двух университетах Свердловской области, а также для укрепления Свердловского государственного университета, установить в составе Свердловского государственного университета следующие факультеты:

- а) физико-математический;
- б) химический;
- в) исторический;
- г) филологический (с 1 сентября 1939 г.).

Председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР – С. Кафтанов»².

На основании этого документа исторический факультет начал свое официальное существование. В поздравлении университету было отмечено: «Открытие исторического факультета является знаменательным фактом, ибо таких факультетов в Союзе насчитывается пока единицами»³.

Первыми штатными работниками факультета стали секретарь деканата А.С. Белозерова, заведующий кафедрой древней истории А.И. Виноградов, лаборант объединенного исторического кабинета Г.А. Кулагина. Исполнение обязанностей декана временно было возложено на А.А. Ковалева.

¹ Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957. С. 191.

² Архив УрГУ. Д. 71. Л. 115.

³ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 72. Л. 8 об.

Факультетом руководил

Ковалев Александр Алексеевич. Родился в 1908 г. в Башкирии, член ВКП (б) с 1931 г., в 1938 г. окончил аспирантуру МИФЛИ и направлен работать в СГУ, назначен и.о. заведующего кафедрой социально-экономических наук. С 15 августа 1938 г. до 10 декабря исполнял обязанности декана. С ноября 1939 г. — кандидат философских наук. В августе — сентябре 1940 г. стал доцентом и утвержден в должности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма.

С февраля 1942 г. по лето 1944 г. на фронтах Великой Отечественной войны. После тяжелого ранения был демобилизован, в Свердловск не вернулся. В последние годы жизни работал заведующим кафедрой философии Львовского государственного университета. Умер в 1970 году. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 83. Л. 120]

В сентябре 1938 г. состоялся праздник открытия истфака. А далее начались будни. Была организована первая кафедра — истории древнего мира, составлен план учебной, методический и научной работы. Но большего сделать не удалось. И уже 1 октября 1938 г. университетское партийное собрание констатировало, что «истфак является слабым факультетом, он не обеспечен кадрами, и необходимо поставить вопрос перед соответствующими организациями о ненормальном положении на историческом факультете в связи с невыполнением Наркомпросом ряда обязательств, принятых на себя по реорганизации госуниверситета»¹.

На этом собрании прозвучал еще один итог-вывод: «прием студентов был проведен совершенно неудовлетворительно, было принято очень много детей репрессированных, в особенности на истфак»². На справедливую реплику директора университета С.М. Евминова о том, что «по Конституции все имеют право учиться», секретарь парторганизации резко отреагировал: «директор не учитывал, что группировать в одном месте большое количество людей вредно настроенных — есть политический акт, и это

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 7. Л. 81–83.

² Там же. Д. 9. Л. 16 об.

вредно для дела. Мы должны в ближайшие же дни составить план ликвидации последствий вредительства»¹.

Необходимо еще раз отметить, что в первом семестре 1938/39 учебного года в университете было три факультета – физико-математический, химический и исторический. Училось всего 663 студента (меньше, чем сегодня студентов дневного отделения истфака!). Историков было 42, штатных преподавателей в университете было 48, совместителей – 24. То есть практически все университетские кадры «были на виду» у администрации, партийной, комсомольской и профсоюзных организаций преподавателей и студентов.

Занятий по расписанию в первый год учебы у студентов было не так уж много. Сказывались нехватка преподавателей и отсутствие четкого учебного плана. Недостаток в те годы учебников и хрестоматий по истории для вузов восполнялся студентами чтением разнообразной исторической литературы. Первый собственный учебник по отечественной истории на факультете появился благодаря тому, что студенты, увлеченные лекциями Н.И. Шатагина, застенографировали их и сброшюровали.

Как ни удивительно, но при всех проблемах становления исторического факультета, успеваемость историков по итогам весенней экзаменационной сессии оказалась лучшей среди студентов всех факультетов. Внутри самого факультета наибольшее количество неудовлетворительных оценок приходилось на историю СССР и историю средних веков. Любопытен тот факт, что при анализе итогов экзаменационных сессий учитывался критерий принадлежности к партии. Так, было отмечено, что члены и кандидаты ВКП (б) успешнее других студентов сдавали экзамены и «выполняли свою авангардную роль в учебе». А вот комсомольцы сдавали экзамены «несколько хуже беспартийной части студентов».

Первый учебный год для исторического факультета заканчивался выборами на заседании Ученого совета университета на должности заведующих кафедрами и доцентов. Для истории, видимо, будет интересна и сама форма баллотировочного листа, поэтому приводим ее копию²:

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 9. Л. 18.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 312. Л. 25. Лист заполнял Н.И. Шатагин, поэтому и отсутствуют слова «да» или «нет» против его фамилии. В документе нет названия кафедры, на которую претендовал Комар.

Баллотировочный лист

№ п/п	Фамилия имя и отчество	Представлен и утвержд. зав. кафедрой	Решение
1.	Конторович	доц. каф. матем.	да
2.	Комар	зав. каф.	да
3.	Крылов	зав. каф. неорг. химии	да
4.	Есафов	зав. каф. орг. химии	да
5.	Шатагин	зав. каф. истории СССР	
6.	Иванов	зав. каф. средней истории	—
7.	Ивашин	доц. каф. средней истории	да
8.	Иваненко	зав. каф. теор. физики	да
9.	Страхов	зав. каф. физ. химии	да

Из документа видно, что на конкурс подавал документы и Ю.А. Иванов (кандидат наук, доцент из Казани). Он не прошел по конкурсу, так как требовал от директора неременного согласия вести за собой «хвосты» — ассистента и лаборанта, всех их обеспечить жильем. У вуза не было таких возможностей.

На факультете работала

Белозерова Антонина Семеновна. Работала в университете до открытия истфака, а с 17 сентября 1938 г. стала лаборантом кабинета истории СССР. Именно этой женщине принадлежала большая заслуга в организации учебного процесса на новом факультете. «Хорошее знание истории, осведомленность в дореволюционной историографии, знание документов, общая эрудиция, большой такт в отношениях с людьми и любовь к молодежи позволили Антонине Семеновне стать вскоре не только квалифицированным лаборантом кафедры истории СССР, но и другом студентов, их постоянным советчиком и авторитетным консультантом. Более 20 лет, вплоть до выхода на пенсию в 1958 г. она отдала факультету, и в памяти поколений студентов сохранился облик этой скромной, но чрезвычайно требовательной к себе и людям женщины». [Кулагина Г.А. Исторический факультет //Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967. С. 110—111]

Так в сложных условиях создавался исторический факультет. Это видно из одной фразы, сказанной на Ученом совете вуза 11 апреля 1939 г. деканом исторического факультета и одновременно проректором по учебно-научной работе Н.И. Шатагиным. Когда встал вопрос об открытии филологического факультета, он сказал, что филологический факультет должен быть утвержден, но нет гарантий в том, что он будет обеспечен кадрами и есть опасность, что с ним получится более худшая история, чем произошла с историческим. И действительно, факультет этот был позднее открыт, более того, объединен с историческим.

Необходимо отметить, что с первых дней на факультете большое внимание уделялось самостоятельной работе студентов. На это были веские причины. Еще 23 июня 1936 г. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) отменило так называемый бригадно-лабораторный метод обучения. Оно требовало: «в целях развития у студентов навыков самостоятельной работы над учебным материалом, ликвидировать все еще практикуемые в ряде вузов, несмотря на категорическое запрещение, групповые занятия для проработки лекционного материала, представляющие пережиток осужденного в свое время так называемого бригадно-лабораторного метода обучения... При организации учебного процесса основное внимание должно быть направлено на самостоятельную работу студентов, проводимую в читальнях, библиотеках, архивах, лабораториях, кабинетах или на дому, с обеспечением консультаций студентам»¹.

На факультете работала

Кулагина Галина Александровна. Родилась 17 апреля 1913 года в г. Троицке Оренбургской губернии. В 1929–1933 гг. работала учительницей начальных классов, русского языка и литературы в поселке Амурский Уральской области. В 1937 г. окончила исторический факультет Свердловского пединститута. В 1937–1938 гг. — учитель истории базовой школы СГПИ и по совместительству ассистент кафедры истории. С 31 октября 1938 г. — в СГУ старший лаборант

¹ Собрание законов СССР. 1936. № 34. С. 308.

кабинета истории древнего мира. Прodelала огромную работу по организации кабинета, обеспечению нормального хода учебного процесса, помогала студентам в подготовке к экзаменам. 3 декабря 1941 г. стала ассистентом, вела курс методики преподавания истории на кафедре педагогики. В годы войны работала секретарем Ученого совета СГУ. В 1945 г. выбыла из УрГУ в аспирантуру пединститута. Позднее — ассистент, преподаватель, старший преподаватель, декан исторического факультета, заместитель директора по учебной и научной работе пединститута. Защитила кандидатскую диссертацию. После объединения исторических факультетов УрГУ и СГПИ — доцент кафедры истории СССР. С 1968 г., со времени ухода на пенсию, не прерывает связь с факультетом. [Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 1239. Л. 2]

Г.А. Кулагина, отмечая тягу к знаниям и боевой задор первых студентов в постижении большего, нежели только лекции и практические занятия, писала: «Первые студенты проявляли большую инициативу, сами оборудовали аудитории и кабинет, активно пополняли книжный фонд, ведя поиск дублетов в библиотеках города и в букинистических магазинах, оформляли витрины и стенды, и очень много спорили. Трудно вспомнить, чтобы официально организовывались какие-то тематические диспуты, но споры, горячие и убежденные, с книгой и документом в руках, были постоянным явлением студенческой жизни»¹.

Неудивителен поэтому тот факт, что одним из определяющих моментов стала проблема формирования кабинетов и библиотечного фонда. Помощь оказал коллектив библиотеки им. В.Г. Белинского — фундаментальной библиотеке университета были переданы дублетные книги по общественно-историческим дисциплинам. Покупались и книги из личных библиотек. Так в 1939 г. заместитель директора С.М. Тарг писал в Москву: «Исторический факультет совершенно не имеет литературы. Наркомпрос ничего обещанного не прислал. Нам на месте удалось купить ценную библиотеку (2000 книг) у местного гражданина Каценбогена. Но сейчас гос-

¹ Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967. С. 111.

банк отказывается произвести расчет по счету, заявляя, что покупку книг у частных лиц нельзя производить без специального разрешения. Убедительно прошу срочно выслать (телеграммой или фототелеграммой) такое разрешение, иначе мы книги упустим, без литературы срывается вся работа»¹. В конечном итоге библиотека была куплена. И сегодня в книгах библиотеки можно увидеть факсимиле ее бывшего владельца.

Литературы все-таки катастрофически не хватало. К счастью, пединститут разрешил пользоваться историкам своим читальным залом. Ректорат университета выделил значительные средства на приобретение литературы. Сотрудники библиотеки и кабинетов ездили в Пермь, Москву и Ленинград для закупки из государственных книжных хранилищ необходимых изданий.

Библиотека университета начала функционировать практически «на пустом месте» с января 1932 г. и имела на время открытия истфака всего 67 тысяч книг. Она работала ежедневно с 9 утра до 11 вечера. Существовало четыре отделения библиотеки: фундаментальная часть, абонементно-учебный отдел, читальный зал и отдел обработки. Штат состоял из 11 человек. Поскольку полного подбора научной литературы по специальностям не было, приходилось широко использовать получение книг в порядке межбиблиотечного обмена.

В 1938 г. в фундаментальном отделе библиотеки помимо 6 тысяч томов общественно-политической литературы, имелось и 588 книг по истории. С появлением истфака началась серьезная борьба за возвращение библиотеки бывшего Александровского лицея из Уральского индустриального института.

Кратко ее история такова. В 1920 г. по распоряжению СНК РСФСР из Петроградских книжных хранилищ и ряда частных библиотек в открывшийся Уральский университет был отправлен в основном гуманитарный книжный фонд в составе 60 тыс. томов. В его состав входила и библиотека бывшего Александровского лицея. С временным закрытием университета и разделением политехнического института на ряд самостоятельных вузов, библиотека была выделена в самостоятельную единицу – межвузовская областная фундаментальная библиотека. Она находилась в горном

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 73. Л. 10, 18, 75.

институте, вела комплектование фонда по всем отраслям знаний за счет получения обязательных экземпляров всей книжной продукции. Студенты и научные работники имели возможность здесь работать. Но в 1939 г. горный институт отказался держать у себя непрофильную библиотеку, она была перевезена в индустриальный институт. В то время это был автономный «втузгородок» в 8 км от города.

С открытием истфака ректор университета С.М. Евминов поставил в вышестоящих инстанциях вопрос о возвращении гуманитарных фондов. Москва согласилась с доводами университета. 19 августа 1940 г. был издан приказ ВКВШ при СНК СССР, которым индустриальный институт обязали передать фонды гуманитарной литературы. Полгода ушло на перебранку – директор института под различными предлогами отказывался выполнять приказ. Только в январе 1941 г. началась работа по отбору гуманитарной литературы. К весне был составлен список литературы, но работа вновь застопорилась. Директор института, ссылаясь на закон о неделимости библиотечных фондов, вновь отказался выполнить приказ. Перебранка затянулась. Начавшаяся война поставила иные проблемы, и только в 1945–1946 гг., при ректоре И.Д. Седлецком, фонд Александровского лицея и часть книг дореволюционных частных библиотек все-таки переехали в университет¹.

В 1938/39 учебном году университет и факультеты сотрясали проверки комиссий различных уровней. Председатель итоговой комиссии, заместитель начальника главного управления вузов, тов. Усачев 8 июня высказал очень тревожную мысль членам Ученого совета: «Самым слабым звеном в работе университета является организация научного коллектива. Нет коллективизма. Взаимное недовольство, взаимная неприязнь, подсиживание, недоверчивость, подозрительность. Господствует подчеркнутое неуважение к человеку, дух провинции в отношениях людей друг к другу»².

Действительно, 1938–1939 годы были, наверное, самыми неспокойными в работе молодого факультета. Представим некоторую канву событий этих лет.

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 84. Л. 55–57, 65–66 и др.

² Там же. Д. 312. Л. 29–35.

Конец апреля 1938 года. Создание истфака в составе университета еще только намечалось. А в годовом отчете партийного бюро впечатаны убийственные фразы об итогах искоренения «недостатков» и новых задачах. Эта работа будет проводиться постоянно, ее результаты не обойдут и истфак. Процитируем выдержки из документа:

«Враг народа Торбакова создала в университете такую обстановку, при которой все контрреволюционное отребье, отъявленные шпионы могли проникнуть в стены университета под видом научных работников или под видом студентов...

Все эти наймиты фашизма, во главе с Торбаковой, которая покровительствовала им, безнаказанно проводили шпионскую работу.

Партийная организация Свердловского госуниверситета, просмотрев все свои научно-педагогические, студенческие и административно-технические кадры, пришла к выводу, что университет сильно засорен чуждыми нам элементами, кроме того в университете оказалось много эмигрантов-перебежчиков из соседних буржуазных государств, подозрительных в своем поведении, ... которые разоблачены впоследствии как шпионы.

Не без участия партийной организации были разоблачены как враги народа... Всего изъято из университета с конца 1936 года по настоящее время 28 человек.

Несмотря на такую чистку кадров университета, на сегодня мы имеем все же порядочное засорение чуждыми элементами. Как среди научно-педагогического состава, а также и среди студентов.

Наша партийная организация должна всегда чутко прислушиваться и быстро реагировать на антисоветские разговоры среди работников и студентов университета...»¹.

Комментарии к документу излишни. Отметим лишь, что партийная прослойка университета была в то время очень скромной – не более 30 человек, причем необходимо повториться – большую ее часть составляли студенты! А на трагедийном партийном собрании 23 июня 1937 г., хотя в протоколе (единственном написанном карандашом, с многочисленными правками и без подписей председателя и секретаря) не указано количество присутствующих, можно смело сказать, что их было не более 20. Именно они,

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 7. Л. 23–24. Опушены фамилии «изъятых».

записав в решении о своем ректоре З.Ф. Торбаковой, что «... в партии она быть не может и от руководства университетом должна быть отрешена», фактически решили судьбу человека¹. И долго еще на последующих собраниях возмущались, что «многие сотрудники жалеют врага народа Торбакову»². Поэтому настрой апрельского 1938 г. годового отчета партбюро вполне закономерен.

Главные задачи поставлены – университет засорен чуждыми элементами, значит нужно «прислушиваться и быстро реагировать», «не выпускать из своего поля зрения и следить за тем, чтобы...». Следить и реагировать, следить и доносить...

Отношения между новым ректором С.М. Евминовым и парторганизацией также были очень сложными. Прекрасно были видны и все «конфликтующие группировки», регулярно в нужных местах организовывался компромат на неугодных, обобщались материалы о «нездоровой обстановке». Так, например, в марте 1939 г. Ленинский райком ВКП (б), хотя и констатировал, «что политическое и моральное состояние студентов университета в основном здоровое», но точно знал, что из принятых на I курс 217 студентов было «детей, происходящих от классово-чуждых элементов – 14, имеющих репрессированных родителей и родственников – 36, родившихся и приехавших из-за границы – 4». А всего на I–V курсах из 663 человек насчитывалось 143 «неблагонадежных» студента.

К этому необходимо добавить, что «из административно-управленческого и обслуживающего аппарата университета 5 человек имели репрессированных близких родственников и 6 человек – происходящих из классово-чуждых элементов»³. А если еще этот перечень дополнить характеристикой преподавателей – картина покажется совсем мрачной. Поэтому отметим лишь один факт: «из 4 человек старших преподавателей кафедры основ марксизма-ленинизма один арестовывался органами НКВД и один человек два раза исключался из ВКП (б) за сокрытие социального происхождения и за замалчивание троцкизма»⁴.

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 1. Д. 10. Л. 182–190.

² Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 82.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 34. Д. 241. Л. 28–30.

⁴ Там же.

Так что поле деятельности для борьбы с кем-либо и выкорчевывания «последствия бывшего вражеского руководства» было обширным в период подготовки открытия и первого года функционирования истфака. А кадры для такой борьбы всегда находились. Даже на партийных собраниях звучали слова о том, что некоторые преподаватели «слушают иностранные радиопередачи и каждый день обсуждают их, при этом комментарии даются неправильные... Скоро СССР с Германией будет делить Индию»¹.

Вот строки из характеристики одного борца. Прочитайте их внимательно. Родился в 1911 г., сын кустаря-сапожника, социальное положение – рабочий-слесарь. Член ВКП (б) с 1931 года. «Учась в Свердловском государственном университете с сентября 1936 года был редактором общеуниверситетской газеты «За научные кадры», 5 апреля 1937 г. выбран членом парткома, 16 сентября – секретарем парткома. Политически грамотный и устойчивый большевик. Вместе с парторганизацией разоблачал врагов народа и их прихвостней в стенах университета»². Это студент. А вот преподаватель, 1907 года рождения, беспартийный, из комсомола «выбыл как переросток», кандидат наук. Послужив в погранвойсках НКВД, поработал в Алма-Ате и Барнауле, не ужился, переведен в Свердловск. Он также «активно участвует в общественной жизни», председатель месткома (профсоюза преподавателей), один из руководителей оппозиции ректору³. А вот сотрудника принимают кандидатом в члены ВКП (б) и особо отмечают в характеристике – «она помогала разоблачать врагов народа как работник секретной части»⁴. Можно этот список продолжить. Но и так картина начала 1939 года явно пасмурная.

Вот два совершенно разных документа февраля 1939 года. Письмо о руководителе вуза в райком ВКП (б): «наличие целого ряда научных работников... справедливо критикующих дирекцию и возмущавшихся безобразиями, творимыми Евминовым и тем вызвавшим со стороны дирекции игнорирование, издевательства и травлю к себе. Один из этих научных работников Вартанов дове-

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 7. Л. 21.

² Там же. Оп. 1. Д. 10. Л. 213.

³ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 36. Л. 7, 14, 28 и др.

⁴ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 7. Л. 37.

ден до сумасшествия и смерти... Зажим самокритики, окрики, возвышенность тона, нетактичность и нечуткое отношение к научным работникам и студентам... Игнорирование парткома, месткома, комсомольских и депутатских групп...»¹.

Директор о ситуации на имя наркома просвещения РСФСР пишет: «Условия для моей работы в качестве директора университета создались совершенно невыносимые. Председатель месткома доцент Ельшин на заседании РКК бездоказательно обвинил меня в развале работы... По университету муссируются слухи о том, что кто-то собирает против меня какие-то материалы, но со мной никто не говорит. Я обращался в партком и другие организации с просьбой призвать к порядку организаторов этого похода, но безрезультатно... В интересах университета прошу Вашего распоряжения о срочном командировании в Свердловск Вашего инспектора с поручением выяснить создавшееся положение и навести порядок в университете, т.к. я, в данном случае, сам справиться не могу... Если я совершил какое-то преступление, то надо привлечь меня к ответственности, но нельзя допустить, чтобы университет трепала лихорадка»².

Здесь уместно заметить, что на последнем партийном собрании, когда уже практически был решен вопрос о переводе С.М. Евминова в Москву, А.А. Ковалев заявил, что ректор «учтет свой опыт работы в госуниверситете и не будет допускать те ошибки, которые он допускал». Но С.М. Евминов ответил репликой: «Не в этой партийной организации мне учиться, учиться мне у Вас нечему»³.

Читатель, возможно, удивлен – к истфаку эти события не относятся. Уверяю – относятся. Студенты-первокурсники «впитывали дух» университетской жизни. И даже через 40 лет вспоминали: «Невозможно забыть историю с ассистентом Вартановым. По распоряжению ректора вахтер его не пустил в здание, где в это время мы все сидели на общеуниверситетском комсомольском собрании. Вартанов же был комсомольцем. Но он все-таки прорвался на собрание и обратился ко всем нам с просьбой вступить за него, т. к.

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 7. Л. 16.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 35. Л. 2–3.

³ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 9. Л. 53.

он не был еще исключен из рядов комсомольцев. Но что мы могли сделать, каждый в отдельности? Вартанов, потрясенный всем, заболел психически и вскоре умер. Несмотря на запреты, его хоронил почти весь университет. Все это забыть нельзя»¹.

Действительно, студенческая акция потрясла университет. Н.И. Шатагин, декан истфака и одновременно заместитель директора, на партсобрании открыто подтвердил, что «политическая демонстрация имела место... Такой демонстрации, вернее сбора на демонстрацию, не было и в период общегосударственных политических демонстраций»².

Факультетом руководил

Шатагин Николай Иванович. Родился в мае 1906 г. Член ВКП (б). В 1926 г. окончил совпартшколу, позднее академию коммунистического воспитания, институт красной профессуры, аспирантуру МИФЛИ. 15 июня 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию «Начало самодержавия в России». Ученое звание доцента было присуждено 17 апреля 1939 г. С 1 декабря 1938 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории народов СССР. 10 декабря назначен деканом факультета, одновременно работал проректором по научно-учебной части.

26 июля 1941 г. был призван в РККА. Закончил войну в войсках 1-й Краснознаменной Дальневосточной армии, дошел до Харбина. Писал о себе скромно, хотя его грудь украшали боевые ордена и медали. На факультет после войны не вернулся. Работал в Москве. Умер в 1971 г. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 83. Л. 42; Д. 312. Л. 5]

Только к концу летней сессии 1939 г. обстановка в университете относительно стабилизировалась. Был назначен новый директор, а исторический факультет даже стал лидером по итогам социалистического соревнования. Партбюро отметило, что «в учебе комсомол на истфаке занимает ведущую роль». Летом был успеш-

¹ Из воспоминаний студентки первого набора Л.Д. Боголюбовой – музей УрГУ, рукописный фонд истфака.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–3.

но проведен новый набор студентов. Никто не предвидел новых неприятностей. Но они случились. И возмутителем спокойствия уже оказался истфак.

Осенью 1939 г. проходила избирательная компания по выборам депутатов областного, городского и районных Советов. От университета в ней было задействовано около 300 человек, в их числе практически все преподаватели и более половины студентов истфака. 11 ноября в актовом зале университета 740 участников собрания единодушно выдвинули кандидатом в депутаты облсовета профессора горного института Н.А. Старикова. Была даже направлена телеграмма на имя И.В. Сталина. В ней, в частности, отмечалось:

«Мы, коллектив студентов, научных работников и служащих Свердловского государственного университета им. А.М. Горького, шлем Вам, нашему любимому учителю, творцу самой демократической в мире конституции, наш пламенный привет... Вместе со всей партией, страной, мы обещаем еще более улучшить качество нашей учебной и научной работы, повысить юридическую и производственную активность нашего коллектива»¹.

Собрание 21 ноября 1939 г., «где решался вопрос о кандидатах в депутаты в городской Совет и по 95-му избирательному участку Ленинского райсовета, пошло по совершенно непредсказуемому сценарию. В городской Совет истфак абсолютным большинством голосов рекомендовал коллегу – преподавателя З.С. Попову. А вот по кандидатуре в депутаты райсовета началась долгая дискуссия, завершившаяся, в конечном итоге, скандалом. Далее последовали многочисленные решения с оргвыводами партбюро и комсомольского бюро университета, райкома и горкома ВКП (б), горкома и обкома ВЛКСМ, докладные записки в управление НКВД Свердловской области.

На факультете работала

Попова Зоя Степановна. Начала работать в первый учебный год в должности старшего лаборанта кабинета кафедры истории СССР. В краткий срок ей удалось создать необходимый фонд учебной литературы и методических по-

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 13. Л. 17.

собий. Одновременно вела практические занятия со студентами I курса. Август – ноябрь 1941 г. – ассистент кафедры истории СССР, с ноября – кафедры марксизма-ленинизма. С 16 мая 1942 г. – инструктор Свердловского горкома ВКП (б). На факультет не вернулась. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 86]

Прежде чем перейти к изложению хода собрания, а также последующих событий, необходимо отметить, что в опубликованных работах об истфаке, воспоминаниях студентов и преподавателей, эти факты практически не зафиксированы¹. А попытка напрямую связывать собрание ноября 1939 г. с арестами июня 1941 г., как это делает В.А. Мазур, на наш взгляд, малоубедительна. Малоубедительна хотя бы потому, что из всех фамилий, фигурирующих в событиях ноября – декабря 1939 г., в июне 1941 г. пострадал только Н.П. Индукаев. Остальные арестованные к итогам собрания не имели никакого отношения.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы (в том числе любезно предоставленные В.А. Мазур) позволяют восстановить общую картину событий.

Ход и итоги собрания. Только документы. В Президиуме П.А. Шалаев, председатель, секретарь комитета комсомола университета, Н.И. Шатагин, декан истфака, заместитель директора, Н.П. Индукаев, студент II курса истфака, З.С. Попова, ассистент кафедры истории СССР истфака, А.Ф. Мосина, студентка II курса истфака. В повестке дня один вопрос – выдвижение кандидата в депутаты Ленинского райсовета. Первой выступила А.С. Белозерова, лаборант кафедры истории СССР. Она предложила кандидатуру, которая была «подроботана» в партбюро, – А.Ф. Мосиной. Следующей должна была выступить член комитета ВЛКСМ, студентка II курса, П. Обухова, но «она отвернулась, а вместо нее вы-

¹ Исключение составляет фраза из воспоминаний 1988 г. студентки первого набора Л.Д. Богомоловой: «С грустью вспоминаю, как у нас в 1941 году прошли аресты среди студентов», а также две публикации директора музея УрГУ В.А. Мазур (первая в газете «Уральский университет», декабрь 1994, вторая – в сборнике материалов конференции, посвященной 50-летию Победы, Екатеринбург, 1995).

ступил тов. Адамов (студент II курса, – А. Ч.) и выдвинул кандидатуру тов. Индукаева...»¹.

Сценарий собрания был нарушен. Началась дискуссия. Трижды выступил Н.И. Шатагин, где в первом слове, поддерживая кандидатуру А.Ф. Мосиной, сказал: «Несмотря на недостаточную подготовку до университета, она упорно овладевает наукой. Кроме того ведет большую работу в качестве общественного обвинителя: работники суда и прокуратуры дают блестящие отзывы... Районному Совету много придется заниматься революционной законностью и т. Мосина здесь будет незаменимой. Тов. Мосина вышла из гущи самого народа и это уже есть гарантия того, что т. Мосина не пойдет в лагерь врагов трудящихся»².

Следом выступил секретарь партбюро В.И. Старцев³. Он пояснил собранию, что кандидатура одобрена партийной, профсоюзной и комсомольской организациями университета, а «тов. Индукаев еще не вырос и не показал себя на работе». Эти же тезисы повторил следующий выступающий – П.А. Шалаев. Но студенты II курса истфака не согласились с деканом, секретарем партбюро, руководителем комсомола. Выступили З. Донец, И. Палатовский, В. Попов, Г. Захар-Невский. Они агитировали за Н. Индукаева, «как живущего в гуще студенчества, как живущего его интересами, а т. Мосина в университете держится обособленно от студентов»; И. Палатовский прямо заявил: «Она действительно находится особняком от студентов исторического факультета и всего университета. Я не знаю деятельности т. Мосиной в органах прокуратуры и суда... У Мосиной нет товарищеских отношений к студентам исторического факультета»⁴.

Дискуссия развивалась вполне демократично. Но очередное выступление В.И. Старцева взорвало ситуацию. Он обвинил сторонников Н. Индукаева в групповщине, мелкобуржуазной распу-

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 13. Л. 23; Д. 10. Л. 83, 103. В документах отсутствуют инициалы фамилий выступавших.

² Там же. Л. 24.

³ Старцев Владимир Иванович, 1901 года рождения, член ВКП (б) с 1925 г. В 1935 г. окончил Свердловский институт марксизма-ленинизма, с сентября 1937 г. – в университете, преподавал политэкономии, диалектики, основы марксизма-ленинизма. – Там же. Д. 16. Л. 116.

⁴ Там же. Д. 13. Л. 24–25.

щенности, чуть ли не в контрреволюции... Страсти накалились, в выступлениях зазвучали уже грубые фразы. В протоколе собрания они подробно не зафиксированы. Но на расширенном заседании партбюро 23 ноября отражены ярко. Особо выделялся З. Донец. Он один понесет наказание в 1939 г. Поэтому необходимо его два выступления на партбюро представить практически дословно (так, как зафиксировано в протоколе).

В первом он сказал: «Я себя не умею держать, но меня возмущает нечестное отношение Николая Ивановича Шатагина. Мое предложение о кандидатуре тов. Поповой З.С. в горсовет прошло потому, что я знал, за кого выступал. А Мосину не поддержал потому, что она не пользуется моим доверием. Я считаю, что выступление тов. Старцева с обвинением собрания в групповщине, что у нас существует мелко-буржуазная распушенность – неправильно. Нельзя, чтобы Старцев покрывал свою тупость партбилетом. Я отстаивал свое и буду отстаивать впредь, заставить меня говорить нечестно даже и партбюро не может... Считаю, что тов. Старцев в отношении групповщины и мелко-буржуазного настроения говорил глупость. Вот почему и не стали голосовать за его предложение. Сколько Мосину не разукрашивали, голосовать за нее не стали... мы шли против предложения Старцева и Шалаева, а Старцев и Шалаев – не партия»¹.

Во втором своем выступлении, после директора Н.П. Попова, З. Донец заявил следующее: «Почему вы говорите, что все были грубы? Это я был только груб. Палатовский был исключен из комсомола, но он восстановлен. Вы ко всем, товарищ Старцев, относились с отзывом о мелко-буржуазном настроении. Мы были против Мосиной не потому, что это личная неприязнь, а потому, что она недостойна. Тов. Старцев недоволен 2-м курсом истфака потому, что его он выгнал с урока, как плохого преподавателя. Мы будем критиковать, и нам никто рта не зажмет. Я еще раз настаиваю, что Старцев и Попов – не партия, и вовсе не означает, тов. Попов, что если вы утверждены ЦК, то мы должны вам целиком верить, это для нас не закон. Мы знаем, что и в ЦК были враги народа. Для меня авторитет только товарищ Сталин. Для меня не

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 85. Далее ссылки на заседание партбюро не даются, см. Л. 84–87.

авторитетны ни Попов, ни Шатагин, ни Старцев. Ко всему нужно подходить критически»¹. Неудивительно, что приглашенные на заседание партбюро работники райкома ВЛКСМ Фишельсон и обкома ВЛКСМ Гительман потребовали «записать в постановлении и осудить товарища Донца и его выступление как антипартийное». Это было сделано, но остановимся на постановлении партбюро несколько позднее. А пока идет собрание...

Студент В. Попов в выступлении сказал: «Мы выдвигаем кандидатов и должны их обсуждать. Тов. Шалаев и Старцев приписывают чуть ли не контрреволюцию выступавшим против т. Мосиной товарищам». Его поддержал студент Г. Захар-Невский: «Если выдвижение от имени профсоюзной, комсомольской организаций, то почему эти организации об этом ничего не знают?»².

Чтобы смягчить ситуацию, в очередном выступлении декана Н.И. Шатагина прозвучали следующие слова: «Тов. Палатовский просто оговорился, когда говорил, что, дескать, здесь выступает декан, секретарь партбюро и дело ясное. Здесь собрались серьезные люди и независимо от того, кто выступает, каждый имеет свое мнение и голову. Я не пытался пустить пыль в глаза. Условия советской демократии дают избирательные права каждому советскому гражданину. Но товарищи позволили себе резкости. Я бы просил избегать этого»³.

Дискуссия зашла в тупик. Было решено перейти к голосованию. Оно дало следующие результаты: за Мосину – 32, за Индукаева – 39. Четыре человека не голосовали. Формально последний оказался победителем. Перестраховщики (в протоколе нет фамилий) высказали мнение «о незаконности предложений». Но Н.И. Шатагин высказался более дипломатично: «Речь идет не о законности принятия решения, а о том, что окружная избирательная комиссия может не зарегистрировать нашу кандидатуру»⁴.

В конечном итоге спор решило выступление Н. Индукаева (в документах есть косвенные сведения о том, что оно было вызвано давлением на него со стороны директора, но для этого ут-

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 90.

² Там же. Д. 13. Л. 25.

³ Там же. Л. 25–26.

⁴ Там же. Л. 27.

верждения нет прямых доказательств). Он сказал: «Я прошу касировать выборы и наметить другую кандидатуру ввиду того, что моя кандидатура не получила единодушной поддержки»¹.

На этом и разошлись. Собрание было решено провести на следующий день. Оно состоялось, но уже совместно с коллективом физмата, а фактически как общеуниверситетское, так как присутствовало около 500 человек. Здесь все прошло гладко (правда, истфаковцы также резко выступили), была предложена новая кандидатура – В.П. Коноплевой, студентки II курса физмата. Она и получила практически единодушное одобрение². История с выдвижением кандидата в депутаты завершилась. Но не успокоились все участвовавшие в дискуссии стороны.

Вернемся на расширенное заседание партийного бюро, куда были приглашены и студенты-активисты. Здесь Н.И. Шатагин, осуждая студентов, заявил, что «отвод Мосиной заключается только в том, что существует личная антипатия со стороны т.т. Донца, Попова, Палатовского и т.д. Мосина отличается прямоотой, искренностью и честностью, чего не хватает у руководителей профсоюзного и комсомольского бюро на историческом факультете».

С таким заявлением студенты не согласились. Выступления 3. Донца процитированы выше. Студент В. Попов вновь повторил: «Говорить о том, что кандидатура Мосиной обсуждалась на комсомольской и профсоюзной организациях – это неверно; нигде в этих организациях эту кандидатуру не обсуждали. Ход собрания был нарушен тов. Старцевым. Он сказал, что у нас групповщина и почти что контрреволюция. И тогда масса была оскорблена и не пошла за выдвинутую кандидатуру... Групповщины не было и вторая кандидатура была выдвинута стихийно. Украшали Мосину, но это уж слишком яркие краски. Если у нас есть групповщина, то вы очень поздно хватились, но на самом деле ее нет. Мосина ни в профсоюзной, ни в комсомольской организации – нигде она у нас не работала. К ней существует большая антипатия – это верно».

Эту же позицию отразила и студентка П. Обухова: «Я не выступала за Мосину. Потому что она не пользуется авторитетом и

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 13. Л. 27.

² Там же. Л. 32–34. В работе В.А. Мазур вкралась неточность – кандидатура Мосиной на собрании не предлагалась, естественно, она не могла быть выбрана.

голосовать я за нее не буду, а тем более поддерживать. У меня была кандидатура – это Индукаев, он очень хороший товарищ, а Мосина – плохой товарищ. Мосина ни о ком не отзывалась хорошо, она злорадствует на горе студентов. Она всех старается унижить и осмеять».

Это же подтвердил студент Б. Сторожев: «Партбюро не подработало хорошо кандидатуру Мосиной, она у нас на факультете чужая, а Индукаева мы все уважаем. И я не считаю, что у нас есть какая-то группировка».

Вновь выступила другая сторона. Особо строгими были представители райкома и обкома ВЛКСМ. Так тов. Фишельсон сказал о студентах: «Ваши выступления как на собрании истфака, а также и на сегодняшнем партбюро, я не могу иначе назвать, как только антипартийным поведением». Так же высказался тов. Гительман.

Не выдержали нервы и у директора университета Н.П. Попова. Он грозно заявил: «Вы, товарищи комсомольцы зарвались. Для вас не оказалось авторитета ни в партбюро, ни в дирекции, ни в деканате, вы ставите себя выше всех. Вы, наверное, забыли, товарищи комсомольцы, что вас сейчас будут облеплять, как людей недовольных парторганизацией, вас могут использовать враги народа. Вы стоите сейчас на плоскости довольно скользкой. Нужно сейчас поставить вопрос перед комсомолом, можно ли оставить у руководства и в комсомоле таких людей»¹.

Университетом руководил

Попов Николай Павлович. Родился в 1903 г. в деревне б. Бузнецово Ярославской губернии. В начале 1920-х гг. закончил губсовпартшколу. На комсомольской и партийной работе с 1923 г. В 1936–1937 гг. учился в институте красной профессуры, в мае 1938 г. направлен работать в Свердловский обком партии.

С 15 июля 1939 г. начал исполнять обязанности директора университета (утвержден 28 сентября). 26 ноября 1941 г. был освобожден от должности в связи с призывом в РККА. Передача дел и другие обстоятельства продлили срок его пребывания в должности, окончательно приказ был

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 83–90.

оформлен 30 января 1942 г. (по другим документам — 20 апреля 1942 г.). В армии был на партийно-политической работе, награжден медалью «За Отвагу!».

После демобилизации некоторое время жил и работал в Краснодаре. С 6 мая 1946 г. по 23 июля 1949 г. вновь в Свердловске, работал проректором по учебной работе УрГУ, писал диссертацию, но защитить ее не сумел. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 151]

После тяжелых обвинений, которые особенно ярко прозвучали в трех последних выступлениях, естественно, последовали суровые выводы. Не признавая своих ошибок, партбюро всю вину переложило на студентов. Нет необходимости цитировать все 10 пунктов постановления партбюро, отметим лишь один, седьмой по счету: «Партбюро считает, что отдельные руководители комсомольской организации – т.т. Донец, Попов, Обухова и зам. председателя профкома – комсомолец тов. Индукаев встали на неправильный, некомсомольский путь непризнания партийного руководства комсомольскими организациями, на путь противопоставления партийной организации комсомольской организации, не останавливаясь перед дискредитацией отдельных руководителей и рядовых членов партии университета»¹.

Комсомольцы истфака и после такого решения партбюро не утихомирились. Через три дня, 26 ноября на университетском заседании комитета ВЛКСМ, убежденные в своей позиции, они вновь попытались отстоять свою точку зрения. А их лидеры – З. Донец и В. Попов – вновь не удержались от резких слов в адрес дирекции, партбюро и комитета ВЛКСМ.

З. Донец: «Старцева я не назвал тупым, я назвал выступление его тупым. Старцев предупреждал нас в том, что мы собираем вокруг себя элементы недовольные партией... Старцев не имеет авторитета на историческом факультете, а больше того боится потерять его... Все дело заключается в том, что надо признать неверным тактику партбюро или обвинить нас».

В. Попов: «Поведение Старцева политически не выдержано. Его слова: мелкобуржуазная распушенность и групповщина. Он не

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 92.

имел права оскорблять... Вы ввели собрание в заблуждение, нас обманывали, запугивали, неминуемо по вас должна плакать скамья подсудимых»¹.

В итоге обстановка накалилась до предела. 3 декабря 1939 г. состоялось заседание бюро горкома ВКП (б). Оно приняло суровое постановление. Представим только некоторые фрагменты: «На предвыборном собрании студентов исторического факультета имели место антипартийные, демагогические выступления, которые не получили должного отпора со стороны партийного бюро и коммунистов... Бюро партийной организации университета при обсуждении итогов предвыборного собрания студентов исторического факультета допустило ряд политических ошибок: на заседании бюро парторганизации была допущена группа беспартийных студентов, которая сознательно провалила решение партийной организации. Этим самым товарищ Старцев – секретарь партийной организации – и члены бюро принизили роль руководящего органа партийной организации.

На этом же заседании бюро Донец выступил с антипартийными, антисоветскими клеветническими выпадами, партийное бюро не дало большевистского отпора зарвавшимся клеветникам и демагогам. Больше того, после заседания бюро эта группа усилила свои выпады против партийной организации, а партийное бюро спасовало и сняло кандидатуру тов. Мосиной, выдвинутой в депутаты райсовета.

Комитет ВЛКСМ университета вместо разоблачения группы демагогов, оклеветавших выдвинутого кандидата, пошел на поводу у них и пытался противопоставить комсомольскую организацию партийной организации университета»².

В этот же день, выполняя поручение бюро горкома ВКП (б), состоялось заседание бюро горкома ВЛКСМ. Сюда были приглашены активисты истфаковского собрания. Все они понесли моральное наказание, а З. Донец был исключен из комсомола. Решение горкома через четыре дня было утверждено и обкомом ВЛКСМ³.

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 104.

² Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 717. Л. 16–17.

³ Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 82. Л. 85–87 об.; Ф. 161. Оп. 2. Д. 962. Л. 157.

Заключительным аккордом нашумевшей на весь город эпопеи (даже в газете «Уральский рабочий» была опубликована статья) стало закрытое собрание партийной организации университета. Нет нужды расписывать покаянные речи выступавших. Предельно точно их сформулировал Н.И. Шатагин: «Имевший место факт на историческом факультете говорит о неблагополучии на нем. Но это не значит, что на других факультетах все обстоит хорошо. На историческом факультете нет ни одного штатного преподавателя, благодаря чему недостаточно обращается внимания на воспитательную работу. Нужно, чтобы на истфаке работали штатные преподаватели. Декан факультета формально есть, а фактически нет, так как работает в дирекции. Я физически не в состоянии все охватить, а факультет фактически без руководства. Если бы этот факт был только на одном факультете, это бы еще было полбеды, но ведь и на других факультетах есть также нездоровые настроения»¹.

Особо напутствовали партийцев университета руководители райкома, горкома и обкома ВКП (б). Они четко рекомендовали: «Необходимо заняться изучением настроений студентов, наладить информацию комсorghов комитету ВЛКСМ как о жизни в стенах университета, так и в общежитиях. Очень скверно в университете поставлена агитационно-разъяснительная, воспитательная работа среди студентов, особенно при ваших условиях, когда среди студентов имеется около 1/3 детей репрессированных, спецпереселенцев и т.д. Об этом говорит такой факт: не отмечена годовщина злодейского убийства С.М. Кирова, далее, выходила стенгазета без надписи-клича: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Состав студентов – 245 человек выходцев – говорит о том, что нужно особо следить за их влиянием, за проведением ими среди студентов классово-враждебных идей»².

На этом можно поставить точку. Но необходимо коротко представить судьбу основных фигурантов тех далеких дней. 3. Донец «за грубость и оскорбления директора университета, декана исторического факультета, преподавателя военной подготовки и руководителей общественных организаций» из числа студентов был

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 9. Л. 97.

² Там же. Л. 96–100.

исключен¹. Он уехал из города, был участником Великой Отечественной войны, член партии с декабря 1941 г., позднее закончил другой вуз, трудился на педагогической, хозяйственной, советской и партийной работе. В музее УрГУ хранятся его письма.

Фамилия В. Адамова не фигурировала ни на собраниях, ни на заседаниях, он продолжил учебу, был на фронте, после ранения вернулся в университет, будучи студентом, возглавлял партбюро, закончил истфак в 1944 г. В. Попов и Г. Захар-Невский со студенческой скамьи ушли на фронт и погибли.

Иван Палатовский (в его свидетельстве о рождении в фамилии вторая буква – «а», а в аттестате об окончании школы – «о») из Ростовской области, закончил школу только с отличными оценками, поступал в МГУ, не прошел по конкурсу, принят на истфак в Свердловске. В заявлении обосновал тяжелое материальное положение и написал, что «остро нуждается в стипендии и общежитии». После собрания продолжал учиться, но с введением платы за обучение был отчислен 15 октября 1940 г. «по семейным обстоятельствам с правом восстановления с 1 сентября 1941 г.». Это был стандартный приказ на тех, кто в создавшихся условиях не мог продолжать учебу². Так что и его к пострадавшим причислить нельзя.

Личное дело П. Обуховой обнаружить пока не удалось. Но она не была отчислена из университета. В 1941 г. ушла добровольцем на фронт. Судьба ее пока не известна.

А. Мосина ушла из университета по личным мотивам (читателю, думаю, они вполне понятны) и уехала из Свердловска.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что репрессивной политики по итогам собрания к студентам не проводилось.

Трагичнее всех сложилась судьба Н. Индукаева. По итогам собрания и заседаний он также не пострадал. Но он не знал, или не учел, наказа руководителей горкома и обкома, высказанного на закрытом партсобрании университета – «необходимо заняться изучением настроений студентов...», «нужно особо следить за их влиянием...».

¹ ЦДООСО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 120. Л. 31–32.

² Архив УрГУ. Личные дела. Связка № 35.

Да, можно с уверенностью сказать, что за студентами был установлен серьезный надзор. Заведующая секретной частью обширной запиской в НКВД Свердловской области убедила органы в том, что «такая обстановка в университете создает широкое поле деятельности для всякого рода антисоветских разговоров». А осведомители нашлись в рядах студентов.

В истфаковских аудиториях, кабинетах, общежитских комнатах учились и жили многие поколения студентов. Воспоминания и чувственное восприятие у каждого свои. Но, наверное, все студенты единодушны в одном – время, проведенное в вузе забыть невозможно. Недаром еще М.Ю. Лермонтов написал в нравственной поэме «Сашка» строки:

И, наконец, в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый храм науки.
Святое место! Помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их скрутки, висящие клочками¹.

Действительно, дискуссии и «заносчивые споры» всегда являлись неперенными атрибутами студенческой жизни, а «гордый вид пред гордыми властями» приводил и к печальным последствиям. Органы регулярно получали информацию о студенческих посиделках². А предметов споров в 1940 – первой половине 1941 г. было много: советско-финская и японо-китайская войны, агрессия Гитлера в Европе, введение платы за обучение в вузах, назначение И.В. Сталина председателем СНК СССР и многие другие.

Отправной точкой для действий органов НКВД, видимо, явилась информация о дискуссии студентов по начавшейся 22 июня войне. 26 июня 1941 г. три студента-историка III курса – Н. Индукаев, В. Козлов, Н. Менгель – и студент V курса химического факультета И. Райхер были арестованы. А еще через 43 дня – 8 августа – решением областного суда Н. Индукаев, В. Козлов,

¹ Лермонтов М.Ю. Стихотворения. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1955. С. 426.

² ГААОСО. Ф.1. Оп. 2. Д. 15800. Л. 33–34, 133–178 и др.

И. Райхер были приговорены к 10 годам лишения свободы, а Н. Менгель – к 8 годам. Верховный суд РСФСР 8 сентября 1941 г. оставил приговор в силе. В. Козлов и Н. Менгель умерли в заключении, Н. Индукаев вышел на свободу в 1951 г., но сведений о его дальнейшей судьбе нет. Известно лишь, что постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 28 июля 1955 г. приговоры 1941 г. в отношении четырех студентов были отменены¹.

... Но вернемся в 1939/40 учебный год. Очередной набор студентов прошел успешно. Еще 63 человека пришли на истфак. По-прежнему оставалась тяжелой ситуация с преподавательскими кадрами. Обещанные Наркомпросом РСФСР специалисты-историки в Свердловске так и не появились.

Осенью 1939 г. директор писал в Москву: «Вновь открытый в сентябре 1938 г. исторический факультет совершенно не обеспечен кадрами. Нарком Просвещения РСФСР только в декабре 1938 г. прислал кандидата исторических наук, доцента кафедры истории СССР Шатагина Н.И. По другим же кафедрам не было прислано ни одного человека. Поэтому СГУ вынужден был прибегать к полумерам и приглашать на кафедры исторического факультета бывших преподавателей средней школы без ученых степеней и званий. Разумеется, что эти полумеры не могут удовлетворить полностью требований, предъявляемых к университетскому образованию»².

Вразумительного ответа не последовало. Поэтому не удивительно, что в январе 1940 г. директор направил в различные инстанции, вплоть до отдела школ ЦК ВКП (б), жалобно-кричащее послание: «На исторический факультет, несмотря на наши неоднократные просьбы, ни один из научных работников прислан не был. Вследствие этого курсы древней истории и истории средних веков читаются малоквалифицированными преподавателями-совместителями, не имеющими ни ученой степени, ни ученого звания. При таком положении с кадрами научных работников ис-

¹ Документы о суде и реабилитации – Музей УрГУ, рукописный фонд истфака. Примечательно, что в копии документа о реабилитации работники архива «опустили» вторую, главную, страницу – сведения о свидетелях, которые выступали на судебном процессе.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 89. Л. 4.

торический факультет дальше нормально развлекаться не может». Он вновь просил «при распределении оканчивающих аспирантуру весной 1940 г. учесть острую потребность в кадрах и прислать в наше распоряжение для работы в качестве доцента одного человека по кафедре новой истории; одного человека по кафедре истории колоний и зависимых стран; одного человека по кафедре истории СССР»¹.

Это послание сыграло важнейшую роль в становлении факультета. В 1940 г. прибыли на работу сразу три кандидата наук — Н.А. Бортник, Х.Г. Шуляковский, Н.Х. Юдикис, а также окончивший аспирантуру МГУ Ф.И. Сурин.

На факультете работал

Бортник Наум Абрамович. Родился 22 августа 1911 г. в Винницкой губернии. После окончания рабфака при Московском педагогическом институте, поступил в 1933 г. на исторический факультет, а в 1937 г. в аспирантуру при кафедре истории средних веков. 30 июня 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию «Средневековые ереси (преимущественно в Италии), их социальные и политические основы». Осенью 1940 г. начал работать исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории средних веков, 6 февраля 1941 г. утвержден в должности. С 15 февраля 1941 г. — доцент. Был проректором университета по учебно-научной работе (1941—1943), проректором по учебной работе (1944—1946), заведующим кафедрой всеобщей истории (1946—1949). В 1968 г. защитил докторскую диссертацию, с 1970 г. утвержден профессором кафедры всеобщей истории. Умер в 1977 г. [Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 206]

С открытием истфака началась и научная деятельность сотрудников. Это объясняется просто — 23 июня 1936 г. было опубликовано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой».

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 75. Л. 1—2.

Пункт 14 четко определял: «СНК СССР и ЦК ВКП (б) осуждают распространенные среди известной части работников наркоматов и учебных заведений взгляды, что кафедры вузов не должны заниматься научно-исследовательской работой, а ограничиваться только учебно-педагогической деятельностью.

СНК СССР и ЦК ВКП (б) указывают, что без научно-исследовательской работы не может осуществляться вузами подготовка специалистов на уровне требований современной науки и немыслима подготовка научно-преподавательских кадров и повышение их квалификации.

СНК СССР и ЦК ВКП (б) предлагают всем наркоматам и директорам высших учебных заведений обеспечить на деле развертывание научно-исследовательской работы по кафедрам»¹.

Необходимо отметить, что эта проблема находилась и позднее в поле зрения руководства страны. Уже через год, 11 ноября 1937 г., в Постановлении СНК СССР вновь подчеркивалась обязанность профессоров, доцентов и ассистентов заниматься научными исследованиями. Отмечалось, что и учебно-вспомогательный персонал нужно привлекать к исследовательской работе. И поощрения предусматривались – «за доброкачественное выполнение квартальных планов научно-исследовательских работ директор вуза имеет право премировать профессоров, доцентов, ассистентов и учебно-вспомогательный персонал в размере до месячного оклада, а Наркомпрос за особо выдающиеся работы может премировать в размере до 2-месячного оклада»².

Постановлений было много, но реализовать их вновь образованному истфаку было очень сложно. Поэтому неудивительно, что на протяжении всех предвоенных лет в отчетах более фигурируют трудности, объективные обстоятельства, недостатки, нежели успехи.

Так, в отчете о научно-исследовательской работе за 1940 год отмечалось, что планы работы кафедр факультета, за исключением кафедры истории СССР, полностью не были выполнены. Главную причину слабой работы (а также перспективных начинаний) четко обрисовал Н.И. Шатагин: «Исторический факультет Свердловского государственного университета существует только третий год, а

¹ Собрание законов СССР. 1936. № 34. С. 308.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 82. Л. 24.

филологический факультет начал функционировать только с сентября 1940 года. Поэтому и кадры научных работников этих факультетов являются молодыми. Это почти исключительно товарищи, закончившие аспирантуру и получившие ученую степень кандидата наук лишь в 1940 году. Отсюда естественно – оба эти факультета не имеют, да еще и не могут иметь, своего резко выраженного научного лица, а научные работники факультетов в своем большинстве сами нуждаются в научном руководстве. И тематика научно-исследовательской работы по историческому и филологическому факультетам неизбежно носит следы той научной направленности, которую получили товарищи от своих научных руководителей, будучи в аспирантуре московских и ленинградских вузов. Поэтому большинство тем, намеченных к разработке в 1941 году, представляет собою продолжение начатой работы научными работниками в прошлом. Между тем, сама тематика, являясь разносторонней, представляет собой значительный научный интерес с точки зрения разработки основных проблем исторической науки.

В 1941 году исторический и филологический факультеты намечают темы и по изучению Урала, что нельзя не признать положительным явлением в научной работе университета. В дальнейшем – изучение местного края, разработка местных архивных фондов, будет являться основным в научно-исследовательской работе работников исторического факультета, а в 1941 году кладется этому лишь начало»¹.

Конкретно по кафедрам научная работа ведущих преподавателей выглядела следующим образом.

Кафедра истории СССР.

Заведующий кафедрой доцент Н.И. Шатагин на основе местных архивов провел работу по подготовке спецкурса про истории крепостного Урала, подготовил доклад о промышленности Урала в XVIII веке, написал три научно-популярные статьи для газеты «Уральский рабочий», выступил с докладом на конференции, посвященной 35-летию революции 1905–1907 гг.

Доцент Х.Г. Шуляковский поместил в «Ученых записках Ленинградского университета» за 1941 год статью «Из истории осво-

¹ ГАСО. Ф. 211. Оп. 2. Д. 82. Л. 24.

бодительной борьбы белорусского народа», подготовил для «Ученых записок СГУ» статью «Война России с Польшей за освобождение Белоруссии и участие белорусского народа в этой войне». Выступил с докладом на научной конференции в Москве, разработал библиографию и подобрал материал для спецкурса по истории революционного движения на Урале, принимал участие в организации и проведении конференции, посвященной революции 1905–1907 гг., опубликовал в газете «Уральский рабочий» две статьи.

Факультетом руководил

Шуляковский Ханн Гердевич. Родился в 1906 г. Окончил аспирантуру при Ленинградском госуниверситете. 24 сентября 1940 г. присвоена ученая степень кандидата исторических наук. В октябре 1940 г. приехал в Свердловск — и. о. доцента кафедры истории народов СССР. В конце 1940 г. стал исполнять обязанности декана историко-филологического факультета.

16 июля 1941 г. был призван в РККА, назначен командиром разведроты 201-го отдельного разведбатальона. С августа 1941 г. воевал на Ленинградском, Волховском, Прибалтийском и Первом Белорусском фронтах. Был ранен. Закончил войну в мае 1945 г. на Эльбе. Награжден двумя орденами «Красного знамени», «Отечественной войны» II степени, «Красной звезды» и четырьмя медалями. На факультет после войны не вернулся. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 83. Л. 56–58; Кулагина Г.А. Исторический факультет // Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967]

Кафедра древней истории.

Доцент Н.Х. Юдикис сдал в редакцию «Ученых записок СГУ» статью «Колонат поздней Римской империи», начал подбор материала для сборника «Маркс – Энгельс о древнем Риме», написал статью «Маркс и Энгельс о некоторых специфических особенностях истории Древнего Рима».

Кафедра истории средних веков.

Доцент Н.А. Бортник подготовил к печати две статьи: для журнала «Историк-марксист» и «Ученых записок СГУ». Выступил

с докладом на конференции, посвященной Ф. Энгельсу и научной конференции в Москве, сделал доклад на совещании научных работников факультета по теме «Методика чтения лекций по историческим дисциплинам в связи с выходом в свет новых учебников».

Кафедра новой истории.

Исполняющий обязанности доцента Ф.И. Сурин закончил диссертацию на тему «Теодор Рузвельт и политика США на Дальнем Востоке и в отношении стран Латинской Америки». Выступил с докладом на конференции, посвященной Ф. Энгельсу, опубликовал в местной печати три статьи.

На факультете работал

Сурины Федор Иванович. Родился в 1902 г. Член ВКП (б) с 1926 г. Окончил аспирантуру при Московском государственном университете. На факультете с 20 сентября 1940 г. исполнял обязанности доцента и заведующего кафедрой новой истории. 21 января 1944 г. Ученый совет СГУ присвоил ученую степень кандидата исторических наук, а 30 сентября 1944 г. ВАК утвердил в ученом звании доцента по кафедре новой истории. Продолжал работать на факультете и в послевоенное время. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 83. Л. 89–90; Д. 1239. Л. 10]

Из обзора видно, что успехи все-таки были. Планировалось даже издание специального сборника статей объединенного историко-филологического факультета. Приехавшие из Москвы и Ленинграда молодые ученые сразу же обратились к проблеме научного изучения истории Урала. Н.И. Шатагин, специалист по истории России XVI–XVII вв., отмечал уникальность уральских документов XVIII века. А Х.Г. Шуляковский в аннотации к плану научной работы справедливо заметил, что «история революционного движения на Урале почти совершенно не разработана, а архивные фонды почти совершенно не подвергались изучению со стороны историков»¹. На середину 1941 г. планировалось проведение в университете специального совещания по ураловедению с привлечением историков г. Молотова (Перми), Челябинска, Магнитогор-

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 77. Л. 59; Д. 82. Л. 15 и др.

ска, Уфы и Тюмени. К сожалению, этим важным начинаниям не суждено было осуществиться. Углубленное изучение истории Урала, волей обстоятельств, было отложено на послевоенные годы.

Необходимо также отметить, что со второй половины 1930-х гг. в этот вид деятельности стали внедряться канцелярищина и бюрократизм. Все преподаватели были обязаны составлять квартальные, годовые, перспективные планы научно-исследовательской работы и отчитываться по их выполнению. В архивных документах такие всевозможные планы хранятся в изобилии, в разнообразных формах. Их составление, видимо, занимало уйму времени, которое могло быть потрачено на иные цели.

Молодость и отсутствие достаточного опыта преподавателей были, очевидно, причиной того, что в предвоенные годы слабо привлекались к научной работе студенты. Например, после объявления в 1940 г. университетского конкурса на лучшую студенческую работу, от истфака было представлено всего три работы. Студенческие кружки существовали при всех кафедрах, но студентов здесь было немного. Кружки занимались, в основном, углубленным изучением какой-либо проблемы в соответствующей области науки. Главным недостатком кружковой работы было отсутствие научно-исследовательского направления в подлинном смысле этого слова.

В 1940/41 учебном году только четыре студента – Г. Анциферова, Б. Сторожев, Л. Пестова, Е. Давыдов – выступили с докладами на конференциях, посвященных Ф. Энгельсу и 35-летию революции 1905–1907 гг.

Серьезных успехов в довоенные годы истфак не добился и в деле повышения квалификации. Пополнение кандидатами наук и доцентами шло только за счет вновь приезжающих специалистов, а не за счет местных кадров.

С первого года существования истфак критиковали на различных уровнях по разным упущениям. На партсобрании 3 февраля 1939 г. прямо был поставлен вопрос о том, «почему на истфаке существует кружок по древней истории, но нет кружка по политической экономии, по углублению изучения истории ВКП (б)»¹.

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 9. Л. 23.

Сразу нужно отметить, что в данной книге автор сознательно не углубляется в историю общеуниверситетских кафедр и судьбы их преподавателей. Это должно стать предметом отдельных исторических исследований. Но некоторые моменты, тесно связанные с истфаком, вниманием все-таки обойдены не будут. Как, например, проблема, поставленная на партсобрании.

Да, уже в первый год функционирования факультета начал работать студенческий кружок по древней истории. Это закономерно и легко объяснимо – на первом курсе в основном читались дисциплины этого периода. Студентка набора 1939 года А.Г. Рахманова почти через 40 лет написала в воспоминаниях о тех далеких временах: «А.И. Виноградов, читавший курс древней истории, был преподавателем старой школы. Он был, бесспорно, весьма эрудированным преподавателем, хорошо знал языки (впоследствии он преподавал латынь). В его лекциях было много фактического материала, но значительно меньше аналитического начала... У наших предшественников, студентов набора 1938 г. – первого набора – он вел исторический кружок. План работы этого кружка и писанные доклады имелись в кабинете древней истории и истории средних веков. Помню я, работая в этом кабинете, с изумлением узнала темы докладов, состоявшихся в этом кружке «Сущность христианства по Ренану», «Сущность христианства по Штраусу» и пр. Видимо, А.И., памятуя о своем дореволюционном образовании, предлагал такие темы. В предвоенные годы за такие темы можно было получить по меньшей мере серьезное взыскание за пропаганду буржуазно-либеральной идеологии. Партийная организация университета вероятно особо не интересовалась истфаком и не была компетентна в вопросах идеологии. Даже мне, зеленой первокурснице, знавшей понаслышке, кто такие Ренан и Штраус, было удивительно. Тем более, что в лекциях, особенно по истории СССР, неукоснительно громились всякие буржуазные школы...»¹.

Автор воспоминаний немного неправда – парторганизация интересовалась всем, но что-либо изменить в лучшую сторону была не в силах. Проблема состояла в том, что в предвоенные годы именно кафедра общественных наук (с 1939 г. – кафедра марксизма-ленинизма) была слабой по составу преподавателей. Перед

¹ Музей УрГУ. Рукописный фонд истфака.

войной здесь числилось 10 человек – 3 штатных преподавателя (один имел ученую степень), 4 аспиранта, заведующий кабинетом и 2 совместителя. В годовом отчете за 1940/41 уч. год прямо отмечалось – «учебная и научно-исследовательская работы кафедры по-прежнему является самым слабым участком...». А самым сильным участком работы являлась, как всегда, общественная – преподаватели непременно входили в состав парткома, месткома, являлись пропагандистами и агитаторами¹.

На факультете работал

Виноградов Александр Иванович. Родился 27 августа 1888 года в г. Орша. В 1914 г. закончил историческое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1914–1920 гг. работал учителем географии и истории в школе Иркутска. В 1920–1923 гг. – аспирантура Иркутского университета. Диссертацию не защитил. С 1934 г. – в Свердловске. Работал в Уральском индустриальном институте заведующим кафедрой учета, статистики и финансирования промышленности. С 1937 г. доцент в педагогическом институте. Вел курс древней истории.

С 31 августа 1938 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой древней истории университета. 19 декабря 1939 г. освобожден от обязанностей заведующего, но за ним сохранили преподавательскую работу по совместительству в качестве старшего преподавателя. 1 февраля 1940 г. был уволен из СГУ поскольку имел основную работу в педагогическом институте и не переходил в штат университета.

В годы войны вернулся в университет. Им было прочитано в госпиталях и школах около 300 популярных лекций по истории античности. В 1944/45 учебном году был деканом факультета, заведовал сектором древних языков кафедры русского языка. Владел французским, латинским, греческим языками. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Умер в 1951 г. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 40. Л. 1–6, 25; Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 212–213]

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. Л. 118–119.

В 1939/40 учебном году наибольшее количество неудовлетворительных оценок, как и в предыдущий год, было по курсам истории СССР и истории средних веков. Обидно писать, но дисциплина на факультете была на низком уровне. Студенты, особенно I курса, регулярно отчислялись за прогулы или же уходили из вуза по собственному желанию. В итоге на 1 июля 1940 г. на факультете было 99 студентов: I курс – 59, II курс – 40¹.

Третий набор студентов истфака проходил сложно ввиду того, что новые правила приема были опубликованы только 11 июля 1940 г. Они установили, что «поступающие в вузы должны подвергаться вступительным экзаменам в зависимости от специальности вузов. На исторические факультеты – по следующим предметам: а) история народов СССР, б) география, в) русскому языку и литературе». К тому же поступающие в университеты должны были подвергаться вступительным экзаменам (кроме вышеперечисленных) по одному иностранному языку независимо от специальности. Студенты, окончившие среднюю школу на «хорошо» и «отлично», принимались в университеты без экзаменов². В сентябре 1940 г. истфак пополнился еще 63 студентами.

1 сентября 1940 г. в университете начал функционировать филологический факультет. Но уже 25 октября начальник управления по делам университетов Наркомата просвещения РСФСР прислал ректору письмо, где предлагал обсудить в коллективах исторического и филологического факультетов вопрос о том, следует ли сохранять раздельное существование двух самостоятельных факультетов или целесообразнее, учитывая наличие многих общих дисциплин и желательность тесного сотрудничества научных работников – историков и филологов – объединить оба факультета в один – историко-филологический, с двумя отделениями – историческим и филологическим, как это уже имело место в Казанском университете.

В ноябре 1940 г. состоялось совместное собрание научных работников. Было принято следующее решение: «Считая принципиально необходимым сохранить в системе университетов самостоятельное существование исторических и филологических факульте-

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 74. Л. 4–6, 34–35.

² Сборник постановлений СССР. 1940. № 18. С. 433.

тов, для Свердловского университета (исходя из конкретных условий) признать необходимым объединить исторический и филологический факультет в один историко-филологический факультет с двумя отделениями – историческим и филологическим»¹.

Через месяц состоялось юридическое оформление решения коллектива, который, судя по тексту, не желал объединения, но и перечить Москве не стал. С 1 января 1941 г. официально стал функционировать историко-филологический факультет. Такое содружество, с кратковременными изменениями, продолжалось 15 лет.

Нет необходимости рассуждать о всех плюсах и минусах объединения. Отметим лишь, что исследователю этого периода придется очень сложно – документы часто составлялись единые, «вычленишь» сведения по отделениям трудно, в приказах по личному составу также часто не указывалась «принадлежность» студентов к специальности.

Октябрь 1940 г. преподнес студентам и преподавателям истфака и филфака более серьезные проблемы. 2 октября было опубликовано постановление СНК СССР № 1860 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначений стипендий». Представим преамбулу и основные пункты:

«Учитывая возросший уровень материального благосостояния трудящихся и значительные расходы советского государства на строительство, оборудование и содержание непрерывно возрастающей сети средних и высших учебных заведений, совет народных комиссаров СССР признает необходимым возложить часть расходов по обучению в средних школах и высших учебных заведениях СССР на самих трудящихся и в связи с этим постановляет:

1. Ввести с 1 сентября 1940 года в 8, 9 и 10 классах средних школ и высших учебных заведениях плату за обучение...

3. Установить следующие размеры платы за обучение в высших учебных заведениях СССР:

а) в высших учебных заведениях, находящихся в городах Москве и Ленинграде и столицах союзных республик, – 400 рублей в год;

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 76. Л. 51.

б) в высших учебных заведениях, находящихся в других городах, – 300 рублей в год.

4. Плата за обучение вносится в соответствующие учебные заведения равными долями два раза в год: к 1 сентября и к 1 февраля.

5. Плата за заочное обучение в средних и высших учебных заведениях взимается в половинном размере»¹.

Студенты, не внесшие плату за обучение, отчислялись из высших учебных заведений. Им предоставлялось право перевода на вечерние и заочные отделения (здесь оплата составляла 50% от стоимости дневного обучения) или в другой однотипный вуз. Ввиду того, что этой формы обучения на истфаке не было, в Наркомат просвещения РСФСР была отправлена экстренная телеграмма (о причинах экстренности будет сказано ниже) об открытии заочного отделения или экстерната. В ней прямо отмечалось, что «многие студенты в связи с установлением платности за обучение, не могут учиться на дневном отделении и просят зачислить на заочное или вечернее отделение»².

Положительное решение по открытию заочного отделения и экстерната было получено. Но до войны удалось реализовать только экстернат.

В связи с настоятельными просьбами уходящих не по своей воле из вузов студентов, Наркомат просвещения РСФСР уже 11 октября 1940 г. вынужден был издать приказ об их трудоустройстве – направлении на практическую работу учителями в школу. Ректора обязали выдавать таким студентам специальные командировочные удостоверения с указанием курса, специальности и органа, в распоряжение которого направлялся студент³.

Эти экстренные меры были проведены потому, что Постановление дало серьезный повод для стихийных собраний и митингов студентов. Чтобы избежать субъективного анализа событий, предоставим слово заместителю ректора Н.И. Шатагину. Отметим лишь, что он, будучи одновременно деканом истфака, видимо соз-

¹ Сборник постановлений СССР. 1940. № 27. С. 637, 676; Высшая школа. Основные приказы и инструкции. М., 1948. С. 547 и др.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2, Д. 81. Л. 87.

³ Там же. Д. 83. Л. 37, 83–84.

нательно не привел фактов о родном детище. А, возможно, их на факультете не было, хотя в это верится с трудом.

Его докладная записка с грифом «не подлежит оглашению» была одновременно направлена в обком ВКП (б), Комитет по делам высшей школы, Наркомат просвещения РСФСР. Пр процитируем только некоторые выдержки из этой записки.

«Первые дни после опубликования постановления СНК СССР были днями напряженной разъяснительной работы. На разъяснение смысла и значения постановления СНК СССР была мобилизована вся партийная организация и лучшая часть комсомольцев.

Разъяснительная работа началась с политинформаций, которыми были охвачены все студенты университета и на которых проректором университета т. Шатагиным был разъяснен смысл и значение не только Постановления СНК о платности обучения, но и значение Указа Президиума Верховного Совета СССР о создании государственных трудовых резервов. Затем был проведен инструктаж агитаторов, после чего центр тяжести разъяснительной работы был перенесен в академические группы и общежития.

Кроме того, были проведены закрытые комсомольские собрания академических групп и партийное собрание.

Вся разъяснительная работа была подчинена следующим задачам: а) добиться правильного понимания студентами смысла постановления СНК СССР; б) преодолеть нездоровые настроения среди части студентов; в) ликвидировать растерянность среди некоторой части студенчества; г) закрепить контингент студентов и предостеречь некоторых из них от поспешного решения об уходе из университета; д) не ослаблять дисциплины учебного труда; е) организовать своевременное внесение студентами первого взноса за обучение.

Основная масса студентов уже в первый день опубликования постановления поняла его смысл и значение и увидела в этом постановлении могучее средство борьбы за резкое повышение качества высшего образования... Но наряду с этими здоровыми настроениями пришлось встретиться в первые дни и с наличием некоторой паники и растерянности у незначительной части студенчества. Кроме того, были случаи и антисоветских выпадов со стороны явно враждебно настроенных отдельных студентов. Это сказалось в ряде анонимных записок проректору во время его высту-

плений на политинформациях и в высказываниях во время бесед с агитаторами.

В некоторых записках проректору указывалось на противоречие, в котором якобы находится постановление СНК СССР с Конституцией, спрашивали – что теперь будет с 10-ю тысячами студентов г. Свердловска, которые якобы вынуждены будут оставить учебу; указывалось и на то, что Постановление СНК СССР якобы лишает детей рабочих и крестьян возможности учиться в вузе.

В беседе с секретарем парторганизации т. Рештейном... студент IV курса химфака Лебедев высказывался в том духе, что теперь нет никакой разницы между образованием в СССР и в фашистской Германии, что советская власть попирает передовые педагогические идеи и что теперь необходимо пересматривать всю педагогику..., студент того же курса Неволин говорил о том, что студентам надо теперь организовать забастовку. Были нездоровые настроения и среди преподавателей.

Всем нездоровым настроениям и антисоветским выпадам партийная организаций университета дала должный отпор.

Повторяем, что основная масса студентов правильно оценила постановление СНК СССР... Но некоторые студенты оказались неподготовленными к учебе в университете в новых условиях в этом учебном году и вынуждены были оставить университет. Из университета в октябре месяце вышло 184 студента.

Выбывшие по курсам распределяются следующим образом: выбыло с I курса 82 человека, со II курса 41 человек, с III курса 47 человек, с IV 12 человек и с V курса 2 человека.

По факультетам выбывшие распределяются следующим образом: физмат 96 человек, химфак 45 человек, истфак 35 человек и филологический факультет 19 человек.

Отчисление из университета проходило организованно. С каждым из выбывших беседовал декан факультета, а затем ректор. Выбывшие из университета, как правило, в качестве мотива указывали на то, что в их семье учится несколько человек и в новых условиях учиться всем одновременно затруднительно, и что через год-два они снова вернутся на учебу.

Плата за обучение начала поступать с 15 октября. Но приток платы усилился лишь с 23 октября в результате специально прове-

денной разъяснительной работы. К 1 ноября внесло плату за обучение полностью 695 человек, освобождено от платы 56 человек.

Сведения о количестве стипендиатов на 6 ноября:

I курс	II курс	III курс	IV курс	V курс	Всего
86	11	19	19	32	167

Свободное посещение занятий студентами по некоторым дисциплинам введено с 4 ноября. Студентам предоставлено право выбора для свободного посещения лекций не более 1/3 всех дисциплин учебного плана данного курса. Обязательное посещение занятий всеми студентами установлено по физкультуре, военной подготовке, иностранным и древним языкам, всех практических, семинарских и лабораторных занятий»¹.

Уверен, что даже неподготовленный читатель заметил некоторое лукавство и неискренность Н.И. Шатагина. Она проявляется во многих моментах. На партийном собрании 29 октября Н.И. Шатагин с горечью говорил, что «не выяснено дело о 300 студентах (а это около половины общей численности студентов вуза – А. Ч.), останутся они в университете или нет»². Он прекрасно чувствовал перспективу развития событий. И она сбылась – в течение учебного года количество студентов университета катастрофически снижалось. По истфаку картина выглядела следующим образом:

Дата	I курс	II курс	III курс	Всего
1 сентября 1940 г.	68	57	39	164
10 ноября 1940 г.	40	41	35	116
30 июня 1941 г.	28	31	31	90

За год истфак потерял почти половину контингента (к 30 июня 1941 г. только единицы еще были призваны в РККА).

Сумма платы за обучение была солидной – 150 рублей в семестр. Одновременно, согласно шестому пункту Постановления, практически все студенты теряли стипендию. Ее могли получить только круглые отличники (пункт отменен лишь 15 сентября 1943 г.) и небольшой круг особо нуждающихся студентов. А стипендия всегда была важнейшим моментом в жизни студенчества.

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 81. Л. 49–56.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 16. Л. 102.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 11 ноября 1937 г., она составляла на I курсе 130, на II курсе – 150, на III и IV курсах – 175, на V курсе – 200 рублей. В изучаемый период эти суммы не менялись. Так что студентам было о чем горевать и высказывать недовольство – с ноября 1940 г. только 167 человек (из них лишь 19 истфаковцев) оказались со стипендией¹.

Коснувшись стипендий, необходимо отметить, что помимо обычных стипендий студенты 1930-х годов могли получать и именные – имени 15-летия ВЛКСМ, имени Молотова и «имени товарища Сталина» (две последние, как отмечено в документах, не облагались «подходящим и культурным налогом»). Стипендия «имени товарища Сталина» была учреждена 20 декабря 1939 г. в размере 700 рублей. Студенты, зачисленные на эту стипендию и продолжавшие отвечать всем требованиям Положения, переутверждению не подлежали. Лишение стипендии могло быть произведено только приказом Наркома просвещения «в случае допущения стипендиатом порочащих его проступков или ухудшения без уважительных причин качества академической работы»².

Именных стипендиатов в университете было немного. В 1940 г. из пяти сталинских стипендиатов один был историком – Н. Князев, студент II курса. Он и закончил обучение с этой персональной стипендией.

И, наконец, о свободном посещении занятий. Оно вводилось на основании приказа Комитета по делам высшей школы от 12 октября 1940 г. Николай Иванович Шатагин в записке отметил права и обязанности студентов. Забыл лишь написать о наказаниях за «лишние» прогулы – вплоть до отчисления. Да, свободно посещение занятий явилось «пряником» в отмеченной выше политике. Но студенты (они всегда студенты!) с лихвой воспользовались этим правом. Частенько аудитории оказывались полупустыми, а иногда и вообще пустыми.

Е. Давыдов, студент первого набора, в записной книжке объективно и с юмором зафиксировал ситуацию тех дней:

¹ Архив Урл У. Приказы за 1940/41 уч. год; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 81. Л. 41; Д. 83. Л. 102.

² Сборник постановлений СССР. 1940. № 1. С. 6; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 81. Л. 49, 288.

«Хочу, чтоб для новой истории было свободное расписание. Все равно Сурин 8 часов шпарит по учебнику. Сами умеем читать Италия

И та ли я...

4 ноября 1940 года.

Сегодня первый день т.н. «свободного расписания». Новую историю взяли все поголовно»¹.

В итоге, уже в зимнюю сессию 1940/41 учебного года, первую с правом свободного посещения занятий, удовлетворительные оценки и «неуды» получили более 25% студентов истфака. Ректор на партсобрании констатировал: «Многие студенты используют право на свободное посещение лекций не для усиления работы над учебным материалом, а для пустого времяпровождения». На истфаке «самостоятельная работа студентов в течение семестра пущена на самотек. Труддисциплина расшатана, в комсомольской организации нет большевистской борьбы за высокое качество учебы, не развернута борьба за отличничество, за Сталинскую стипендию»².

А доцент истфака Н.Х. Юдикис конкретизировал это положение: «Упорядочение дела в общежитиях в значительной степени могло бы улучшить учебную работу студентов. А то нередко бывает, что отдельные студенты, пользуясь свободным расписанием, спят до 9-10 часов утра, а потом стирают и пр., день проходит, а работой над собой не занимаются и на лекции утренние не ходят»³.

Партийная организация предложила три способа выхода из трудного положения: ужесточение системы наказаний, создание партгрупп «по производственному принципу» на факультетах – «быть ближе к людям», вновь развернуть широкое индивидуальное и групповое социалистическое соревнование среди студентов, а среди преподавателей – соревнование за лучшую постановку учебной, методической и научной работы. Партгруппы на факультетах не были созданы, преподаватели «ближе к людям» не стали,

¹ Евгений Давыдов: 1920–1944. Дневники и письма. Екатеринбург, 2005. С. 102, 108.

² ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1009. Л. 174.

³ Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 7. Л. 6–7.

поэтому из отмеченных трех способов действовали два – отчисления за прогулы и соцсоревнование.

Автор не располагает комплексом данных о проведении соцсоревнования между группами и отдельными студентами. Известно лишь, что составлялись письменные документы с обязательством учиться на повышенные оценки, упорно заниматься военно-спортивной подготовкой, общественной, агитационной работой. Не обнаружено подробных документов и о подведении итогов – архивные фонды университетского и районного комитетов комсомола по данному периоду очень малы по объему и скромны по содержанию информации. Но все-таки можно утверждать, что студенческое соревнование во многом было формальным, пункты обязательств писались практически «под копирку». Поэтому при подведении итогов постоянна фраза (менялся только процент): «Из всех проверенных договоров выполнено 39%, а то все невыполненные...».

О социалистическом соревновании среди сотрудников и преподавателей факультета материала сохранилось вполне достаточно. Так как сегодняшнее поколение студентов имеет смутное представление об этой важной составной части жизни советского общества, приведем без сокращений два документа. Первый был принят в марте 1939 г.

Соцобязательства

лаборантов истфака Поповой З.С. и Кулагиной Г.А.

В целях лучшего обслуживания студентов истфака в период подготовки к весенней экзаменационной сессии и обеспечения бесперывной работы кабинетов обязуемся:

1. Сдать заблаговременно в библиотеку заявки на всю необходимую литературу.

Составить каталоги на все имеющиеся в кабинетах книги и журнальные статьи по истории СССР и истории древнего мира.

Обеспечить читаемые курсы лекций необходимыми историческими картами и другими наглядными пособиями.

2. Для повышения своего идейно-политического уровня систематически изучать историю ВКП (б).

3. По линии общественной работы прочитать по одной лекции для трудящихся Ленинского района города Свердловска, пионеров и школьников подшефных школ¹.

Договор социалистического соревнования
заключенный между зав. кафедрой истории СССР
Шатагиным Н.И. и зав. кафедрой древней истории
Виноградовым А.И. 20 сентября 1939 года.

В целях выполнения решений XVIII партсъезда о повышении качества высшего образования мы, включаясь в социалистическое соревнование, берем на себя следующие обязательства:

1. Читать лекции в соответствии с программными требованиями университетского образования на высоком идейно-теоретическом уровне и в понятной и доступной для студентов форме. Проверка этого осуществляется посредством взаимного посещения лекций.

2. Оказывать систематическую помощь студентам в приобретении навыков самостоятельной работы.

3. Систематически (посредством консультаций, коллоквиумов, изучения читаемости литературы через кабинеты и т. п.) контролировать работу студентов над своим курсом.

4. Оказывать помощь ассистентам в подготовке к проведению учебных занятий и к сдаче ими кандидатского минимума.

5. Прочитать цикл лекций (6-8) из истории СССР в помощь изучающим историю ВКП (б) и несколько лекций (2-3) по узловым вопросам древней истории студентам университета.

6. Систематически работать над изучением основных произведений классиков марксизма-ленинизма.

7. Систематически работать над докторской (Шатагин) и кандидатской (Виноградов) диссертацией, так чтобы диссертация Виноградова была готова к защите в конце 1940 года, а диссертация Шатагина – в конце 1941 года.

8. Обеспечить систематическое руководство научным студенческим кружком.

Итоги соцсоревнования подводить четыре раза в году...²

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 85. Л. 116.

² Там же. Л. 109.

С позиций сегодняшнего времени к приведенным документам можно относиться с улыбкой. Для живших в те годы, даже при многих формальностях, это был поиск активного вклада в общее дело вузовской работы. Недаром в отчете за 1939/40 учебный год ректор отмечал: «Большая работа была проделана по организации социалистического соревнования среди студентов и профессоров. Почти все студенты, все научные работники были охвачены индивидуальным социалистическим соревнованием. Были также заключены договоры по социалистическому соревнованию между группами, курсами и факультетами. Университет в целом заключил договор на социалистическое соревнование со Свердловским государственным педагогическим институтом... Однако, в организации социалистического соревнования в Свердловском государственном университете были допущены ошибки, свойственные многим вузам страны и подвергнутые заслуженной критике в передовой статье газеты «Правда» за 19 мая 1940 года. Как бы то ни было, индивидуальное социалистическое соревнование помогло наладить трудовую дисциплину в университете среди студентов, сократились прогулы занятий, случаи нарушения правил внутреннего распорядка»¹.

Чтобы закончить вопрос о введении платного образования, необходимо отметить, что в предвоенные и военные годы увеличилось количество категорий студентов, которым предоставлялись льготы. Уже на основании декабрьского 1940 г. Постановления СНК СССР от платы за обучение освобождались:

«1. Инвалиды-пенсионеры, персональные пенсионеры, пенсионеры по старости и за выслугу лет, пенсионеры-Герои Труда и их дети в том случае, если получаемая ими пенсия является для них единственным источником к существованию.

2. Дети, получающие пенсию в связи с потерей кормильца.

3. Учащиеся-инвалиды, не получающие пенсию и направленные на учебу органами социального обеспечения». Этой категории студентов выплачивалась стипендия.

Со 2 июля 1941 г. от оплаты за обучение освобождались дети рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии и ВМФ, с 8 ноября 1943 г. – дети лиц, награжденных Орденом Сла-

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 77. Л. 27.

вы всех трех степеней, с 6 июля 1944 г. – дети лиц высшего и старшего офицерского состава Красной Армии, ВМФ, войск и органов НКВД СССР, зачисленных на пенсию, с 7 декабря 1944 г. – дети офицеров-инвалидов и дети офицеров, погибших на фронтах Великой Отечественной войны¹.

... Трудно было. Но коллектив преподавателей и студентов истфака продолжал работать. В справке, представленной ректором в Наркомат просвещения в начале 1941 г., отмечалось:

«Исторический факультет готовит преподавателей истории в старших классах средней школы, ассистентов вузов по гражданской истории и научных работников для краеведческих музеев, государственных и местных архивов.

Первые три года студенты изучали общие курсы, цикл социально-экономических дисциплин – основы марксизма-ленинизма, политэкономию, диалектический и исторический материализм, с четвертого курса начиналась специализация по кафедрам и педагогическая практика в школах города. Обязательными были иностранный язык, латинский язык, военное дело, физкультура.

На факультете имелось пять кафедр:

1. Кафедра древней истории вела подготовку по истории первобытного общества, древнего Востока, Греции и Рима.

2. Кафедра средних веков – по истории европейских стран до конца XVIII века. Студенты специализации, кроме общей исторической подготовки в области средневековья отдельных стран, получали необходимую филологическую подготовку.

3. Кафедра истории СССР специализировалась на отечественной истории с древнейших времен и истории народов СССР.

4. Кафедра истории нового времени основное внимание уделяла истории экономики, культуры и внешней политики стран Европы и Америки XIX–XX веков.

5. Кафедра истории зависимых и колониальных стран специализировалась на истории складывания колониальной системы в мире и ее функционировании в эпоху империализма.

¹ Сборник постановлений СССР. 1940. № 31. С. 785; 1941. № 16. С. 311; Сборник приказов НКПС РСФСР. 1941. № 5/6. С. 15; Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 48; Бюллетень ВКВШ. 1944. № 7.

В составе кафедр функционировали следующие кабинеты: истории СССР, новой истории, истории средних веков, древней истории»¹.

Наверное, необходимо представить учебные планы и преподавателей предвоенных лет².

Для I курса план представлял собой следующий набор дисциплин и отчетностей:

Дисциплины	Количество часов					
	I семестр			II семестр		
	Лекции	Практические занятия	Отчетность	Лекции	Практические занятия	Отчетность
Основы марксизма-ленинизма	54	18	зачет	34	20	экз.
Введение в языкознание	54	90	экз.			
Иностранный язык		72	зачет		68	экз.
Латинский язык					68	зачет
Физкультура		36	зачет		34	зачет
История доклассового общества и древнего Востока	90		экз.			
История древней Греции и Рима				85		экз.
История народов СССР	90	36		34	34	экз.
Основы археологии				68		
Итого	288	252	2/3	221	224	4/2

Исходя из шестидневной рабочей недели, 6-часового рабочего дня, загруженность аудиторной нагрузкой вполне умеренная. Такая же картина и на II-III курсах. А количество отчетностей даже ниже нормы. То есть студентам вполне хватало времени для самостоятельной работы и отдыха.

Представить объективную характеристику преподавателей значительно труднее. Протоколы заседаний кафедр за этот период практически не сохранились, в распоряжении исследователя оказались только строго официальные документы – характеристики,

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 81. Л. 2–4.

² Там же. Д. 78. Л. 14–16.

фрагменты анализов работы, высказанные коллегами на собраниях и заседаниях Ученого совета. Немного, а если принять во внимание, что официальные характеристики все-таки часто не объективны, то основывать мнение только на них опасно.

Есть и другие документы – воспоминания выпускников истфака¹. Но и к этим сведениям нужно относиться критически. Совершенно точно выразилась А.Г. Рахманова, студентка набора 1939 года: «Историки, учившие нас в университете, были очень разные и по своей профессиональной подготовке, по опыту работы, по своим знаниям, по методике чтения лекций. Нам, первокурсникам, после средней школы многое было ново, интересно и на первых порах не было такого критического настроения, с каким обычно студенты воспринимают любого преподавателя. Мы честно записывали лекции, усердно занимались, читали рекомендуемую литературу».

Не менее ярко написала О.Е. Вайнер: «Решая поступать на исторический факультет, мечтала, как, наверное, все поступающие, о научной работе. Какой? Неважно. Но о научной... Чему научилась? Слушать и записывать лекции, читать и работать с книгой. Сколько споров было об этом! Работа над документами на семинарах. Доклады... Чтение и лекции позволяли «увидеть» событие и героев истории.

Понимать и видеть историю, прежде всего, учили лекции и семинары. Семинары по «Русской Правде», по истории партии, истории древнего мира и средних веков. Какие споры! Уже тогда у многих определялись исторические пристрастия. А лекции? Как много научили и сделали нас учителями лекции Н.П. Руткевича, Н.Е. Застенкера, Н.П. Попова, Н.А. Бортника, Н.И. Шатагина, А.И. Виноградова, С.З. Каценбогена.

Теперь, когда мой собственный преподавательский стаж уже больше сорока лет, думается, что в становлении учителей, правильное сказать преподавателей, в более широком смысле этого слова, из тех, кто учился в довоенные и первые послевоенные годы на истфаке и потом преподавал в университете, в школе, огромную роль сыграло само преподавание и отношение к преподава-

¹ Музей УрГУ. Рукописный фонд истфака. Далее ссылки на воспоминания не даются.

тельской работе во всех ее проявлениях (лекция, семинар, экзамен, собеседование, практика) не только лучших и ярких преподавателей УрГУ, но всех, включая энтузиастов-работников кабинетов. Мы начинали свою работу с подражания им».

Но все-таки отношение к преподавателям было разным... Поэтому у автора выход только один – объединить официальные документы и воспоминания. Это будет, наверное, более объективно, так как солидные по объему воспоминания написали пока три студентки: Л.Д. Боголюбова – староста группы первого набора, А.Г. Рахманова, будущий преподаватель высшей школы, и О.Е. Вайнер – блестящий педагог и методист школьного образования.

Начнем с представленного уже первого курса. И сразу отметим – будут пробелы, тем более, что характеристика преподавателей общеуниверситетских кафедр не входит в задачу данного исследования (или же очень коротко, если это крайне необходимо).

Историю народов СССР до XIX в. читал Н.И. Шатагин. Его курс лекций был застенографирован, перепечатан: получился первый на истфаке собственный учебник (к слову сказать – прошел цензуру!). Оценка вполне убедительная. А еще Л.Д. Боголюбова написала: «Я очень хотела посвятить себя музейному делу, но все кончилось нашей замечательной поездкой в 1939 году всем курсом в музей Ленинграда, которую нам организовал наш замечательный декан – Николай Иванович Шатагин».

Практические занятия по истории СССР вела З.С. Попова, не специалист, не историк, а партийный работник. «Эти занятия были необыкновенно примитивны, читали «Русскую правду», писали рефераты по разным темам», – такова характеристика А.Г. Рахмановой. С ней вполне можно согласиться, добавим лишь, что это была активная женщина-общественница. Она была избрана депутатом городского Совета.

Были проблемы с курсом древней истории. Руководство неоднократно высказывало претензии к А.И. Виноградову. У студентов иное мнение: «Мы прослушали у А.И. Виноградова весь курс истории древнего мира и истории Греции и Рима. На лекции и дополнительные занятия, на которых студенты делали доклады по курсу лекций, ходили все».

От себя лишь отметим, что документы зафиксировали факт того, что А.И. Виноградов первым на истфаке предложил читать

обособленно от других курс истории Византии. Об этом он писал в различные инстанции Москвы и даже лично И.В. Сталину. И этот курс в предвоенные годы начали читать в МГУ и ЛГУ. В Свердловском университете предложение не было реализовано.

Другим преподавателям оценки одинаковы – много нареканий, причем к Н.Х. Юдикису они были постоянными, вплоть до его ухода с истфака. «Очень слабо, непрофессионально читал историю Древней Греции и Древнего Рима Мулин. Этот курс никакого интереса не вызывал и мной лично осваивался вполне самостоятельно. Он куда-то исчез перед самым экзаменом, и его принимал эпизодический персонаж».

На факультете работал

Мулин Владимир Иванович. Прибыл из Томского педагогического института, где работал преподавателем истории. В период с 1 октября 1939 г. по май 1940 г. был исполняющим обязанности доцента, временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой древней истории. Во втором квартале 1940 г. был уволен «за появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии». [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 83. Л. 4, 10, 93]

«Совершенно не удовлетворял нас семинар по истории Древнего Рима, который вел Юдикис. Мы и бунтовали, и жаловались в деканат, и даже в факультетской газете критиковали этот семинар. Так все было сумбурно, бестолково, порой доходило до анекдотических случаев! Доклады наши обсуждались на таком уровне, что кроме протеста с нашей стороны ничего не помню».

На факультете работал

Юдикис Нахман Ханмович. Родился в мае 1899 года в г. Смела Киевской губернии. Член ВКП (б) с 1919 г. До 1926 г. — в РККА. Окончив в 1927–1928 гг. краткие курсы по специальности история, провел 7 лет на педагогической работе в Тамбове и Курске. В 1935–1938 гг. — слушатель института красной профессуры, после окончания работал в немецком государственном пединституте (г. Энгельс). В 1939–1940 гг. — аспирант в Московском институте ис-

тории, философии и литературы. 28 июня 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию и 15 августа этого года, по направлению Наркомпроса РСФСР, прибыл на истфак. Назначен исполняющим обязанности доцента и заведующего кафедрой истории древнего мира.

В феврале 1942 г. стал заведующим кафедрой всеобщей истории, в годы войны кратковременно дважды исполнял обязанности декана, был председателем местного комитета университета, лектором-агитатором, парторгом на многочисленных хозяйственных работах преподавателей и сотрудников. Но, одновременно, необходимо отметить, что к его преподавательской и научной деятельности было много претензий, он часто был инициатором конфликтных ситуаций на факультете и в университете. В итоге, чтобы мирно разрешить очередную ситуацию, он был 5 мая 1945 г. откомандирован в Вологодский пединститут. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 96; ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 26. Л. 5–11 и др.]

С 1940 г. историки начали слушать курс археологии. Он всегда был занимательным, и посещаемость была вполне солидной. Да и преподаватель, Н.Н. Бортвин, хотя и не имел ученой степени и звания, но имел почти 30-летний опыт археологических изысканий. И критиковали его лишь за либеральность во время приема экзамена. Но студенты ему симпатизировали.

На факультете работал

Бортвин Николай Николаевич. Родился в с. Бердюжском Тобольской губернии в 1892 г. В 1911 г. поступил на историческое отделение Петербургского университета, избрал в качестве основной профессии археологию, принимал участие в раскопках в Западной Сибири, на Алтае, в Казахстане. С осени 1923 г. — в Свердловске, работал в краеведческом музее, занимался раскопками. В 1940 г. приглашен работать на истфак преподавателем археологии. Болезнь и недоедание, характерное для военного времени, привели его к преждевременной смерти от дистрофии 21 апреля 1943 г. [Викторов В.П. Н.Н. Бортвин — уральский археолог // III Берсовские чтения. Екатеринбург, 1999. С. 18–20]

Сложно читался и еще один важный в то время курс. «Историю партии – тогда курс называли «Основы марксизма-ленинизма» – читал ректор университета Н.П. Попов. До поста ректора он работал в обкоме партии и, если память мне не изменяет, вообще не имел высшего образования». Образование у него действительно было скромное.

Учебный план II курса представлялся в следующем виде:

Дисциплины	Количество часов					
	III семестр			IV семестр		
	Лекции	Практические занятия	Отчетность	Лекции	Практические занятия	Отчетность
Основы марксизма-ленинизма	36	20	экз.	34	20	экз.
Иностранный язык		54	зачет		54	экз.
Латинский язык		72	экз.		68	зачет
Военная подготовка		72			68	экз.
Физкультура		36	зачет		34	зачет
История древней Греции и Рима		96	зачет			
История средних веков	126		экз.	85	34	экз.
История народов СССР	53			51		экз.
Основы археологии	72		экз.			
Итого	287	350	4/3	170	278	5/2

«Историю СССР, вторую часть, читал Хаим Герцевич Шуляковский. Предмет свой он знал, сообщал много подробностей из времени предреволюционной России. Мне его имя и отчество запомнилось хорошо благодаря курьезному случаю: я, как староста, по какому-то торжественному случаю преподносила ему букет цветов и обратилась: «Дорогой Хаим Герцогович!». Он поблагодарил и ответил, что у него был отец Герц, но не был герцогом. У Шуляковского я писала курсовую работу, он заставил меня переделывать ее несколько раз, не очень объясняя, что его не устраивает».

Историю средних веков читали два преподавателя – И.Ф. Ивашин и Н.А. Бортник. Иван Федорович «красиво говорил, обладал

блестящей памятью и, кажется, придавал много значения чисто внешнему — даже своей одежде, галстукам, позе. Он советовал своим слушателям принимать участие в научной работе и начать печататься. При этом он красочно подносил к носу только что полученный печатный листок с его работой и говорил, что ничего не может быть лучше и дороже, чем запах свежей типографской краски. В этом он был очень искренен». (Л.Д. Боголюбова)

Он уехал в Москву. Его преемник «впоследствии стал крупным медиевистом. Но, будучи начинающим, он умел привлечь и удерживать внимание аудитории и его лекции нас вполне удовлетворяли, тем более, что и учебник и литература по средним векам имелись. Н.А. Бортник сам вел семинар по средним векам. Доклады мы готовили со всем тщанием и усердием, и семинар шел хорошо». (А.Г. Рахманова)

На факультете работал

Ивашин Иван Федорович. Родился в 1908 г. Член ВКП (б) с 1929 г. В 1935 г. закончил Московский институт истории, философии и литературы. Получил специальность научного работника II разряда истории средних веков, преподавателя вуза и втуза, а также преподавателя техникумов, рабфаков и старших классов средней школы. После окончания института работал в Свердловском педагогическом институте, а с 25 августа 1939 г. по совместительству — в СГУ. 13 октября 1939 г. утвержден в должности заведующего кафедрой истории средних веков. Освобожден от работы с 1 июля 1940 г. в связи с переездом в Москву. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 42. Л. 12]

На III курсе набор дисциплин был следующим:

Дисциплины	Количество часов					
	V семестр			VI семестр		
	Лекции	Практические занятия	Отчетность	Лекции	Практические занятия	Отчетность
Основы марксизма-ленинизма	26	54	экз.		20	экз.
История народов СССР	42	36	зачет	68	54	зачет
История нового времени	126		экз.	85	68	экз.
История колониальных и зависимых стран				90	34	зачет
Основы археологии	72		экз.		34	
Латинский язык		36	экз.		68	экз.
Иностранный язык		36	зачет			
Политэкономия				36		
Итого	266	162	4/2	279	278	3/2

Все авторы, написавшие воспоминания, единодушно отмечали, что «невозможно забыть такого чудесного лектора, как Наум Ефимович Застенкер. Он читал у нас «Историю колониальных и зависимых стран», обладал замечательной памятью и умением заинтересовать своим предметом слушателей»; «курс истории стран Востока и Латинской Америки вызывал у нас большой интерес и новизной материала и самой манерой чтения лекций. Н.Е. Застенкер вызывал уважение своей несколько сдержанной по тону речью, но всегда строго логичной, законченной формой изложения».

На факультете работал

Застенкер Наум Ефимович. Родился в апреле 1903 г. в Воронеже. В 1923 г. окончил лекторский факультет Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, в 1931 г. — Институт красной профессуры. В 1931—1932 гг. заведовал кафедрой всеобщей истории Белорусского коммунистического университета. Защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента.

В 1938—1947 гг. работал в Свердловском педагогическом институте. 2 февраля 1941 г. зачислен преподавателем истории колониальных и зависимых стран на истфак СГУ на условиях почасовой оплаты. С 1 августа 1941 г. — доцент кафедры новой истории по совместительству. Освобожден от занимаемой должности в связи с отъездом из Свердловска.

Подарил университету личную библиотеку. В последующие годы — ведущий преподаватель кафедры новой и новейшей истории Московского университета. Умер в 1977 г. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 103; Уральский университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 218—219]

Долгое время со стороны руководства факультета и студентов к курсу «Новая история» были большие претензии. Этот факт уже отмечен выше, в записках Е. Давыдова, добавим лишь немного: «Хуже всех наши студенты посещали лекции преподавателя новой истории Федора Ивановича Сурина. Может быть, по содержанию эти лекции и были хорошими (он очень добросовестно к ним готовился, перечитывал всю литературу и был особенно специалистом по истории США), но манера чтения — переключивания бумажек-текстов из одной стопки в другую — не внушала уважения».

Курс истории СССР XX века читала преподаватель-почасовик (позднее совместитель) из пединститута В.Н. Розенталь. О ее предвоенных занятиях в университете сведений нет.

Что касается лаборантов и препараторов, то и до войны на этих должностях временно работали многие студенты, состав часто менялся. Восстановить биографии лаборантов, препараторов, других категорий обслуживающего персонала очень сложно (хотя и возможно по личным учетным карточкам). Например, препаратором был короткое время студент И.Н. Чемпалов, ныне здравствующий профессор.

На факультете работала

Розенталь Вера Наумовна. С 1 августа 1941 г. по совместительству исполняла обязанности доцента кафедры истории СССР. Защитила кандидатскую диссертацию 14 мая 1943 г. Позднее стала доктором наук. [Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005. С. 11]

В соответствии с приказами вышестоящих органов, регулярно проводились контрольные письменные работы или коллоквиумы по всем основным дисциплинам учебного плана. На совещаниях в деканате подводились итоги и делались обобщающие выводы. Они, к удивлению, традиционны и не совсем приятны для студентов и преподавателей. Основной набор недостатков выглядел всегда однообразно:

- Огромное количество студентов работало не систематически над читаемыми курсами.
- Основная литература по читаемым курсам не была проработана.
- Многие студенты не вели рабочие записи лекций и прочитанной литературы, а некоторые студенты, особенно первокурсники, в принципе и не умели вести записи.
- Обнаружилась наиболее слабая ориентировка в материалах тех курсов, экзамен по которым должен был быть не в зимнюю, а в весеннюю экзаменационную сессию.

Основные причины неудовлетворительных результатов:

«1. Живучесть среди студентов традиции готовиться к экзаменам только накануне экзаменационной сессии.

2. Отсутствие систематического контроля над самостоятельной работой студентов со стороны научных работников, читающих лекционные курсы.

3. В некоторых случаях не вполне удачное построение учебных планов.

4. Отсутствие элементов проработки читаемого лекционного курса на практических занятиях»¹.

Нетрудно заметить, что некоторые проблемы остаются актуальными и в настоящее время, как, например, «живучесть традиции готовиться к экзаменам накануне сессии», слабая ориентировка в материалах тех курсов, экзамен по которым должен быть не в настоящую, а следующую сессию и другие.

Управление по делам университетов Наркомата просвещения РСФСР, кстати, тщательно анализировало годовые отчеты вуза и

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 76. Л. 64–66.

направляло ректору свои заключения (а он знакомил с ними всех деканов).

За исключением традиционной фразы о том, что «коллектив университета в настоящем учебном году добился некоторых успехов в организации учебно-педагогического процесса», заключение обычно представляло собой перечень недостатков. Всегда примерно таких, как по итогам 1939/40 учебного года:

- Итоги учебной работы нельзя признать удовлетворительными. Двести пять человек не выполнили учебного плана...

- Неудовлетворительно укомплектован университет кадрами. Из 73 преподавателей ученую степень имеют только 24 человека. Управление не может признать удовлетворительной работу по повышению квалификации преподавателей.

- Слабо поставлена учебно-методическая работа кафедр...

- Кафедры не оказывают студентам необходимой помощи в организации самостоятельной работы, студенты не работают систематически...

- Из шести преподавателей кафедры основ марксизма-ленинизма только один имеет ученую степень кандидата наук, а некоторые из них не имеют даже законченного высшего образования...

- План научно-исследовательской работы выполняется неудовлетворительно...

- Большой отсев учащихся, причем значительная часть студентов выбыла по причине академической неуспеваемости...

- Слабо поставлена физкультурная работа. В спортивных секциях принимает участие незначительная часть студентов...

Концовка заключения всегда также традиционна: «Управление обязывает вас устранить отмеченные недостатки и обеспечить высокое качество учебной и научной работы в университете»¹.

Такие заключения можно рассматривать с различных позиций. С одной стороны – явная канцелярщина, с другой – все верно, недостатки серьезные, но во все времена трудно исправляемые.

Но, наверное, хватит об учебном процессе, самостоятельной работе, науке. Это был ежедневный кропотливый труд. Студенты

¹ ГАСО. Ф. 211. Оп. 2. Д. 89. Л. 51–52.

и преподаватели еще и отдыхали, занимались общественной работой, решали житейские проблемы... Забот было много.

Во второй половине 1930-х гг. общее материально-техническое состояние университета, где работали преподаватели и учились студенты, исторического факультета, формально можно оценить на «удовлетворительно». Однако трудностей и проблем было значительно больше, чем успехов. Работы по достройке и техническому оснащению учебного корпуса постоянно затягивались и не были завершены вплоть до начала войны. Городское и областное руководство признавало, что «существующее здание совершенно не приспособлено под университет, невозможно его переделать», но их письма в правительство с просьбами проектирования и постройки университетского городка оставались без действенного ответа¹.

Строительство первого жилого дома на 24 квартиры для преподавателей было начато хозяйственным способом в 1937 г. С мая 1938 г. оно было включено в смету Наркомпроса. Смета неоднократно пересматривалась, в итоге дом строился крайне медленно. Сроки окончания строительства постоянно отодвигались. Слабый ход работ объяснялся тем, что единственная по непромышленному строительству подрядно-строительная организация в городе была плохо обеспечена рабочей силой, постоянными были и перебои в снабжении стройматериалами.

Ректорат отправлял письма с просьбами о завершении строительства во все вышестоящие инстанции. Ничего не помогало. Очередное письмо в СНК РСФСР в мае 1940 г. также полно отчаяния: «Университет до настоящего времени не имеет достаточной материальной базы, как то: квартир для профессорско-преподавательского состава и общежитий для студентов. Значительная часть научных работников живет в студенческих общежитиях, в то же время около 50 человек студентов живут на частных квартирах. В результате этого университет не имеет возможности пригласить на работу недостающее количество профессоров и других научных работников. Среди научных работников университета только 4 профессора, вместо необходимых 17 человек. Особенно неблагоприятно с кадрами научных работников обстоит дело на

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 241. Л. 9.

химическом, историческом и филологическом факультетах, где нет ни одного профессора из штатных работников. Основным вопросом, который может улучшить дело с кадрами в университете и значительно облегчить дело размещения нового приема в количестве 300 человек (для этого университет не имеет в общежитиях ни одного места), является достройка 24-квартирного дома научных работников»¹. Но и оно не помогло – в довоенный период дом так и не был введен в строй.

Тяжелое положение было и со студенческими общежитиями. Перед войной в университете училось около тысячи студентов. Исходя из установленной правительством нормы жилплощади в 4,5 кв. м на человека, в общежитиях можно было размесить до 650 студентов. И бытовое обслуживание оставляло желать лучшего. Только одно из общежитий, на Чапаева 20, построенное в 1937 г., отвечало требованиям тех лет. Остальные пять зданий представляли собой каркасно-щитовые дома или же «бараки, переделанные из помещений, предназначенных под свинарник» (на ул. Щорса и Московском торфянике)². Они требовали постоянных ремонтных работ: переделки фундаментов, печей, штукатурки, побелки, малярных работ и т. п. Но денег на эти нужды отпускалось очень мало.

Справедливости ради необходимо отметить, что все общежития были электрифицированы, радиофицированы, оборудованы титанами для кипятка. Прачечных в общежитиях не было, но были «клопы, тараканы и мыши, хотя ежемесячно, по мере надобности, проводилась дезинфекция»³. В красных уголках были газеты, журналы, шахматы, шашки, патефон. Отопление зданий требовало огромного количества дров. Их заготовка была постоянной «головной болью» хозяйственных служб. Лесоотводы находились в 40-50 км от города, 4 лошади, 5 изношенных грузовиков при постоянной нехватке горючего не могли справиться с доставкой дров.

13 апреля 1940 г. директором университета были утверждены правила внутреннего распорядка в студенческих общежитиях. Эти правила распространялись и на студентов, проживающих на част-

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 76. Л. 150–151.

² Там же. Д. 6. Л. 116; Д. 80. Л. 15, 24–25 и др.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 241. Л. 11–12.

ных квартирах, арендованных СГУ. Вполне естественно желание сравнить сегодняшние правила с правилами 68-летней давности. Поэтому приведем основные положения.

Право на проживание в студенческих общежитиях имели все нуждающиеся в жилье студенты и аспиранты. Вселение производилось на основании письменного распоряжения (ордера) помощника ректора по АХЧ. Предоставленные студентам и аспирантам места в общежитиях сохранялись за ними в течение всего учебного года. При этом переселение в течение учебного года, как правило, не допускалось. Семьям студентов места в общежитии не предоставлялось.

За предоставленное место в общежитии со студента-стипендиата взималась плата по ставкам, установленным Постановлением СНК СССР от 22 августа 1938 г., – 7% от получаемой студентом стипендии. Со студентов, не получавших стипендию, но проживающих в общежитиях, плата могла взиматься по решению директора университета в зависимости от материальной их обеспеченности, но не выше размера платы студента-стипендиата. Студенту, проживающему в общежитии, предоставлялись кровать с матрасом, а также необходимый мелкий хозяйственный инвентарь, который выдавался под расписку проживающему. Из коммунальных услуг предоставлялось: отопление, освещение, мытье полов и уборка, дезинфекция помещения и постельных принадлежностей. Кипятком студенты в общежитиях обеспечивались два раза в день – утром и вечером.

Вход в общежитие допускался строго по пропускам. Проживающие обязаны были соблюдать чистоту, порядок, бережно относиться к инвентарю. Запрещалось самовольно переносить инвентарь из одной комнаты в другую, «разводить примуса, керосинки, утюги, спиртовки в жилых комнатах», наклеивать на стены объявления, расписания, «развешивать на фасадных балконах белье, платье и другие вещи, использовать места между оконными рамами для хранения запасов продуктов и других предметов личного пользования, держать под койкой, в гардеробе, в тумбочке, на этажерке вещи и посуду, ненужную в постоянном обиходе». Естественно, запрещались азартные игры, распитие спиртных напитков, курение в жилых комнатах.

Правила часто не соблюдались. Но нарушение правил влекло за собой наказания – предупреждение, постановку на вид, выговор. За систематическое нарушение правил студентов могли исключить из университета.

К этому необходимо добавить, что сотрудники хозяйственной части часто небрежно относились к уборке помещений, иногда грубо обращались со студентами, несвоевременно приходили и уходили с работы.

Неоднократно отмечалось расхитительное потребление электроэнергии как в общежитиях, так и в учебном здании. Оно выражалось в несвоевременном выключении и включении освещения и употреблении лампочек не того вольтажа. Для борьбы с этим 30 января 1941 г. даже был издан приказ: «...установить кочегарке ежедневный расход электроэнергии в количестве не больше 70 киловатт-часов...», а студенты, проживающие в общежитиях, могли быть выселены за пользование незарегистрированными электроприборами.

Регулярные общие собрания сотрудников хозяйственной части осуждали плохую работу отдельных работников и одновременно требовали от каждого работника активно включаться в проводимые конкурсы на лучшую комнату и общежитие, усилить охрану собственности, бережней относиться к оборудованию, не в ущерб здоровью и успеваемости студенчества всемерно экономить электроэнергию и топливо. Обслуживающий персонал, в свою очередь, просил увеличения заработной платы, перевода на прогрессивную сдельную работу¹.

Актуальной в тот период была проблема ежедневных краж. И хотя велась профилактическая и воспитательная работа, кражи не прекращались. Только за два месяца 1940 г. за кражи были отчислены 14 студентов.

В истории университетской жизни, наверное, не найти период, когда бы не критиковались столовая и буфеты. Увы, но в предвоенный период автор не нашел положительных отзывов о работе общепита. И характеризовался он во все годы предельно просто:

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 80. Л. 33–34.

«Столовая не отвечает требованиям, выбор горячих блюд ограничен, ассортимент продуктов в буфете беден»¹.

Многое можно написать, но нужды в этом нет. Заметим лишь, что студентам особо приелся «хлеб с колесной мазью» – бутерброды с яблочным повидлом. Вечернее чаевничание историков в общепитии и столовские этикетки образно представил в воспоминаниях студент-химик И.И. Райхер: «Ребята кучковались у стола и гоняли тощие студенческие чаи... На столешнице в шербатой фаянсовой тарелке поблескивала редкими черными (среди белых) искрами селедочная икра, раскрошенная брынза лежала на листе промасленной бумаги, рядом с кирпичом серого хлеба, и в жестяной банке для чаепития комок подушечек ядовитого зеленого цвета. Последнее уже припахивало роскошью, после Финской со сладостями было трудновато. В нашей столовой вместо выцветшей этикетки «чай с сахаром» появилась другая – «чай с конфетами», а потом и просто «чай без конфет», что и вошло в поговорку, но в данном случае опровергалось»².

Житейские неурядицы, материальные трудности во все времена были спутниками большей части студентов. Но студенческая жизнь многогранна. И одним из важнейших ее компонентов был отдых.

Объемно и точно написала в воспоминаниях блестящий педагог О.Е. Вайнер о нравственном воспитании студенчества: «Довоенный университет формировал и наши вкусы. Кто не помнит концерты филармонии, проходившие регулярно в актовом зале? Классическую музыку в исполнении М. Гальперина, студента физмата? Студенческий театр и работу в нем над Островским, Чеховым и Треневым?»

Другая студентка, староста курса первого набора, Л.Д. Боголюбова, описала студенческую жизнь более подробно: «А какие вечера отдыха были в университете! Встреча Нового года всем вместе стала традицией – я все годы учебы встречала его в шумной студенческой компании. Неистощимы на выдумки и головоломки были историк Леня Коган, физик Юрий Баташов, химик Геннадий Сафронов, они всегда придумывали и выкрикивали, во-

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34. Д. 241. Л. 45 и др.

² Музей УрГУ. Рукописный фонд истфака.

друзившись на стул, забавные вопросы и зал хором, с хохотом и шутками отвечал им.

А концерты! Раз в год ставился спектакль со всеми декорациями – пьеса Шкваркина «Чужой ребенок». И хотя мы все знали почти все выходы и реплики «актеров», зал всегда был полон.

Зачарованные, слушали, как заливается соловьем наш чудесный певец Жора Захар-Невский, погибший позднее на фронте. Обладатель замечательного тенора, он был бы обязательно знаменитым певцом! И сейчас слышатся в ушах его любимые песни «Калинка моя», «Вдоль по улице метелица метет» и другие.

Студентка Ира Килюкова выступала каждый раз с новыми номерами – чтением «под Рину Зеленую», химик Саша Фролов виртуозно играл на балалайке, а физик Тамара Михайлова часами читала нам наизусть части из «Русских женщин» Н. Некрасова.

В тишине огромного полного студентами зала звучала «Лунная соната» и другие произведения Бетховена в исполнении математика Мих. Гальперина, позднее – члена Союза композиторов.

У нас был свой ансамбль песни и пляски (руководитель – артист балета оперного театра Воробьев).

А потом танцы! – Вальс, танго, фокстрот. Танцевал весь зал одновременно. Было так много студентов, что прибегали с третьего этажа (актовый зал был на 4 этаже) предупредить, что потолок в непрочно построенном пристрое может обрушиться».

Не все получалось в культурно-массовой работе удачно. Отдельные мероприятия готовились наспех, без тщательно продуманной программы, редко проводились популярные лекции, не проводились литературные диспуты.

Проводились вечера отдыха и в общежитиях. Только в 1940/41 учебном году здесь было проведено 14 студенческих вечеров, 9 вечеров посвященных студенческим праздникам, 5 вечеров художественной самодеятельности, 2 выступления с участием артистов г. Свердловска. В гостях у студентов был писатель Серафимович. Проводились лекции о международном положении и на общепознавательные темы «Развитие солнечной системы», «Анна Каренина», «Ромэн Роллан».

Историко-филологический факультет был зачинателем смотров университетской художественной самодеятельности, его представители были победителями и городского смотра.

В зимние и летние каникулы значительная часть студентов направлялась в дома отдыха и санатории, на экскурсии по р. Чусовой, ездили в Кунгурскую пещеру, а отличники награждались поездками в Москву и Ленинград¹.

Конечно же, были и официальные праздничные мероприятия. Здесь культурное обслуживание курировали общественные организации. В предвоенные годы историки в них занимали солидные должности: Г. Анциферова возглавляла студенческий профком, Х.Г. Шуляковский – преподавательский местный комитет. Комсомольскую организацию возглавлял студент физмата, но в составе бюро также были историки – Сталинский стипендиат Н. Князев, студент I курса Л. Коган.

Из многочисленных программ, которые сохранились в архивных документах, представим фрагменты празднования 1 мая 1940 года. Мероприятия были спланированы на три дня и включали в себя торжественное заседание, концерты силами студентов и артистов города, олимпиаду художественной самодеятельности с вручением премий, выступление собственного драматического кружка и, конечно, всегда в программу включались танцы, аттракционы, игры. Не были забыты и дети сотрудников – для них планировался специальный утренник. Особое внимание было уделено оформлению учебного корпуса и университетской колонны на демонстрации: «оформить здание и актовый зал лозунгами, портретами членов Политбюро, другими декоративными украшениями; организовать освещение и комнату отдыха; сделать фотовыставки по материалам XVIII партсъезда и по оборонной работе». В университетской праздничной колонне непременно были большие и маленькие портреты руководителей партии и правительства, лозунги, макеты с производственными показателями. Были обязательны и песни. Для этого в плане был предусмотрен отдельный пункт – «провести по общежитиям коллективное разучивание песен, спевки организовать три раза, а 26 апреля провести общеуниверситетскую спевку»².

Старшее поколение, наверное, с ностальгией вспомнило время своих демонстраций, торжественных заседаний и вечеров...

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 79. Л. 88–89.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 10. Л. 48–49.

Участвовали студенты истфака и в общеуниверситетских митингах. Здесь также принимались строго официальные тексты – резолюции. Приведем два фрагмента из 1939 года.

13 января – о проведении Всесоюзной переписи населения: «Коллектив университета обязуется провести великий счет самого ценного капитала в мире – людей – образцово, без единого пропуска и ошибок, разъясняя политическое значение этой работы, разоблачая вылазки классово-враждебных элементов».

1 декабря – о «финской военщине»: «Только сокрушительный удар со стороны нашей могучей Красной армии и Красного Военно-морского флота образумит зарвавшихся шутов гороховых из правительственного балагана Финляндии»¹.

Именно с 1939 года в университете резко улучшилась работа всевозможных оборонно-спортивных обществ. Руководство страны, предвидя возможность военной схватки, готовило народ к обороне. На XVIII съезде партии прямо отмечалось, что СССР «больше чем другие какие-либо страны находится под угрозой военного нападения»². Партия требовала усиления оборонно-массовой работы, мобилизационной готовности всех коллективов, в том числе и учебных заведений.

В этой связи появились определенные трудности. 1 сентября 1939 г. Верховным Советом СССР был принят Закон «О всеобщей воинской обязанности». Студенты и научные работники лишились отсрочек от призыва. Это породило глухое и явное недовольство. Оно дошло до соответствующих органов, и Наркомат просвещения вынужден был прислать в вузы строгие указания. Протицируем только некоторые фрагменты документа: «По имеющимся сведениям в отдельных университетах недостаточно развернута массово-политическая работа по разъяснению закона о всеобщей воинской обязанности и работа со студентами-призывниками. Ректорам университетов вместе со всеми общественными организациями необходимо немедленно и решительно улучшить постановку этой работы, обеспечив широкое разъяснение закона через вузовские и факультетские собрания, особенно комсомольские... Надо усилить работу по овладению студенчеством военными знаниями

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 2. Д. 13. Л. 39; Д. 10. Л. 4.

² XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 187.

и специальностями, по подготовке значкистов. Особое внимание обратите на организацию массовой политической работы со студентами-призывниками, наилучшую подготовку их к вступлению в ряды Красной Армии, ... на проведение организованных товарищеских проводов их в Красную Армию»¹.

Нет необходимости приводить цифры (они частенько оказывались, на поверку, завышенными или неточными) о количестве значкистов ГТО, Красного Креста или Осоавиахима. Отметим самое существенное – во всех мероприятиях истфак принимал самое активное участие. Студенты не могли в то время на равных состязаться с большим по численности коллективом физмата (это произойдет через 20 лет), но несомненные успехи были. Были и победы.

В марте – мае 1941 г. прошли многочисленные межфакультетские оборонные соревнования. По ПВХО и Осоавиахиму историко-филологический факультет занял второе место, по стрельбе и ГСО – третье. Но в личном зачете по ПВХО первое место было за студенткой II курса Т. Криулиной, а по ГСО историки П. Корепанова и И. Кокорина заняли соответственно первое и второе место. Студенты истфака выезжали и на всесоюзные военно-спортивные соревнования в Пермь, Новосибирск, Куйбышев.

Студентки факультета были лидерами в университете и в обучении на курсах медицинских сестер. В начале июня 1941 г. закончили их без отрыва от производства и получили благодарность: И.М. Кокорина, М.Я. Губанова, А.И. Желтышева, Г.О. Штейнбрюк, А.Я. Тараканова, З.Д. Трапезникова, П.А. Корепанова, Н.С. Печатальщикова. Помимо благодарности, за отличные знания путевкой в дом отдыха были премированы П.А. Корепанова и Н.С. Печатальщикова, И.М. Кокориной выдали премию в размере 100, а Н.А. Метревели – 75 рублей.

Проводились и обязательные мероприятия. Все лица от 16 до 60 лет привлекались к учениям по противовоздушной и противохимической обороне. В числе санитарных и пожарных звеньев отмечались благодарностями студенты-историки: О. Вайнер, Б. и С. Вольфсон, И. Кокорина, А. Назаров, Н. Печатальщикова, А. Серов и многие другие. Почетные грамоты получали и сотрудники: А.С. Белозерова, Г.А. Кулагина. В массовом порядке сдава-

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 76. Л. 27, 49.

лись нормы комплекса «Готов к труду и обороне», многие студенты учились в автошколе. Функционировал конноспортивный клуб, желающие могли даже заниматься в авиаклубе. Студент истфака (в будущем профессор) В. Зуйков курировал детскую экскурсионно-туристическую станцию, здесь также проводились военно-спортивные мероприятия.

Новый, 1941 год начался для историков с маленьких неприятностей. Приказом ректора «поставили на вид» (было такое наказание) двум студентам за пропуски занятий по физкультуре. А студенту I курса Е. Аксенову был объявлен выговор с предупреждением (и такое наказание было) «за дезорганизацию работы группы». В приказе нет разъяснения состава «дезорганизации».

Были и хорошие новости. Видимо в новогодние праздники состоялась свадьба студентов III курса Г.Сергейчик и Г.Захар-Невского, 13 января появился приказ о смене фамилии. В этот же день на III курс экстерната был зачислен И.Н. Чемпалов (он ушел с факультета в конце 1940 года). 9 июня 1941 г. подписан приказ о графике отпусков. То есть жизнь текла своим чередом¹.

И вполне логично было бы закончить эту часть выдержками из официального отчета декана факультета Х.Г. Шуляковского за 1940/41 учебный год. Но выполнен он очень стандартно и сухо – отражены все виды деятельности преподавателей, сотрудников и студентов, представлены сравнительные таблицы, отмечены недостатки и успехи.

Составлялся отчет 8 июля 1941 г. Поэтому вполне естественно, что в конце отчета главная задача факультета сформулирована предельно просто – процитированы слова из речи И.В. Сталина 3 июля – всю работу подчинить «интересам фронта и задачам разгрома врага».

Но автор закончит предвоенный период истории несколько иначе – материалом о подготовке нового набора и фактом из биографии студента, который будет работать со многими поколениями истфаковцев.

Готовить новый прием студентов истфак начал в декабре 1940 г. конкурсом на лучшее сочинение по истории среди учеников 10-х классов школ Свердловска. В период зимних и весенних

¹ Архив УрГУ. Д. 71. Л. 303, 323, 327 и др.

каникул впервые были проведены «дни открытых дверей»: встреча будущих абитуриентов с профессорами и студентами. Исторический кабинет к весеннему мероприятию подготовил выставку «Отечественная война 1812 года и поражение Наполеона». Преподаватели факультета выезжали на специальные собрания со школьниками не только в города Свердловской области, но и в Омск, Челябинск. В итоге качество набора обещало быть очень солидным. Примечательно, что на август была запланирована специальная культурно-массовая программа «студент – абитуриент» с лекциями, спортивными играми, гуляниями и экскурсиями. Увы, война перечеркнула все планы.

17 июня 1941 г. состоялось последнее предвоенное заседание партбюро университета. В числе других вопросов было рассмотрено заявление студента III курса истфака В.В. Адамова о приеме в кандидаты ВКП (б). В автобиографии он отметил: сын служащего – учителя, репрессированных родственников нет, но «со стороны жены репрессированы родители». Решение было принято положительное. Партсобрание, на котором окончательно решались вопросы приема, было назначено на 26 июня. Оно состоялось, В.В. Адамов стал кандидатом в члены партии большевиков¹. Но за четыре дня до собрания началась война...

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 6. Л. 13.

Часть 2 ВОЙНА

Шла последняя неделя сессии. 21 июня 1941 г. ректор подписал очередной приказ: кто-то вернулся из командировки, кому-то продлили сессию – обычные, текущие дела... А первый параграф приказа от 23 июня уже гласил: «Освободить от занимаемой должности в связи с призывом в РККА с 24 июня П.В.Чистякова, военного преподавателя»... На университет накатилась война. Было собрано внеочередное заседание партбюро, состоялся массовый митинг студентов и преподавателей. От факультета выступили декан Х.Г. Шуляковский и студент В. Адамов. После окончания митинга началась запись добровольцев на защиту Родины.

Первым на фронт с историко-филологического факультета на четвертый день войны был призван И.А. Дергачев – филолог, помощник декана. На университетском стенде отражен его боевой путь. 21 июля в горнило войны ушла и прошла его до конца первая девушка, медсестра, студентка II курса исторического отделения И. Кокорина.

Военный вопрос стал для страны основным. Историки были ее частицей. С оружием в руках нашу Родину защищали преподаватели Н.И. Шатагин и Х.Г. Шуляковский; студенты – В. Адамов, Г. Анциферова, Б. Бабошина, П. Бычков, О. Вайнер, Б. Вольфсон, В. Воскресцов, Е. Давыдов, Г. Захар-Невский, В. Калачев, В. Калужный, А. Князева, И. Кокорина, А. Корешков, И. Корольков, В. Лесников, А. Назаров, П. Обухова, Б. Овчинников, В. Петров, В. Попов, Е. Рябухина, Н. Секистов, Г. Сергейчик, Э. Смейкал, М. Соляк, С. Старков, Б. Сторожев, В. Султанов, И. Сушков, Н. Таншер, Б. Хмельнов, И. Чемпалов.

Возможно этот список не полный. Сбор документов об участниках Великой Отечественной в первые послевоенные годы, к сожалению, не проводился. Только 14 декабря 1957 г. студенты исторического и филологического факультетов впервые обратились

с призывом ко всем студенческим группам университета увековечить имена всех сотрудников и студентов, погибших в боях за Родину. Итоги практической работы после обращения-призыва также, видимо, подведены не были.

Но накануне празднования 20-летия Победы комиссия исторического факультета провела кропотливую работу по сбору сведений о преподавателях и студентах-фронтовиках.

В очерке об истфаке Г.А. Кулагина отметила: «Большая роль в сборе этих материалов принадлежит бывшей студентке первого набора, а в годы войны лучшей медицинской сестре Н.С. Печатальщиковой, работающей и поныне ст. лаборантом кабинета всеобщей истории. Жизнь Ники Семеновны с 1938 г. неразрывно связана с факультетом. Она для студентов и советчик, и друг, и консультант, и хранитель традиций и разных документов, в которых отразилась жизнь факультета за все эти годы, она – живая история истфака. Неудивительно потому, что имя Ники Семеновны было названо первым при выдвижении кандидатов в учрежденную в 1966 г. общеуниверситетскую «Книгу Почета».

Большая заслуга в сборе материалов принадлежит студентке III курса Ире Комаровой, которая весной 1965 г. установила связь с очень многими историками – бывшими фронтовиками»¹.

Работа по сбору сведений продолжалась, хотя и менее интенсивно, в последующие годы. В настоящее время можно констатировать, что на факультете в различные годы работало более 20 фронтовиков. О них будет рассказано в следующих частях книги. Материал этой части посвящен преподавателям и студентам, уходившим на войну из стен исторического факультета. И, уважая работу предшественников, собравших материал о героях, основой повествования являются музейные рукописные материалы и очерк, опубликованный в 1967 г.², с некоторыми уточнениями и дополнениями.

Открыть памятную страницу необходимо списком погибших в смертельной схватке с фашизмом. С полей сражений Великой Отечественной войны не вернулись студенты исторического факультета:

¹ См.: Кулагина Г.А. Исторический факультет // Очерки истории уральского университета. Свердловск, 1967. С. 110–122.

² Там же.

Анциферова Галина Федоровна (1918–1944). Студентка первого набора, в начале войны возглавляла партийную организацию вуза. Погибла в 1944 г.

Бычков Петр Васильевич (1917–1941). Спортсмен. Боец взвода разведки. Воевал на Смоленском направлении. Пропал без вести в декабре 1941 года.

Вольфсон Борис Ильич (1922–1945). Отличник учебы. Рядовой. Пал в боях за Кенигсберг.

Воскрецов Вадим Яковлевич (1921–1943). Отличник учебы, активист университетского драмтеатра. Лейтенант. Погиб 28 сентября 1943 г.

Давыдов Евгений Николаевич (1920–1944). Студент первого набора, отличник, писал стихи. Сержант. Пулеметчик. Командир стрелкового взвода. Погиб при прорыве блокады Ленинграда.

Захар-Невский Георгий Федорович (1918–1941). Студент первого набора. Участник художественной самодеятельности. Погиб в 1941 г. под Москвой.

Калачев Виктор Иванович (1918–1944). Активист художественной самодеятельности, писал стихи, играл на фортепиано. Окончил университет в 1942 г. Погиб в 1944 г.

Корешков Александр Константинович (1921–1941). Активист университетского драматического театра. Погиб в партизанском отряде под Ленинградом в 1941 г.

Назаров Андрей Павлович (1918–1943). Староста группы. Активист оборонной работы. Окончил университет в 1942 г. Связист. Погиб под деревней Прохоровка в Курской битве.

Петров Виталий Павлович (1920–1941). Активист студенческого духового оркестра. Погиб осенью 1941 г. под Ельней.

Попов Василий Петрович (1914–1944). Выпускник факультета 1942 года. Пропал без вести в 1944 г.

Соляк Мария Васильевна (1912–1944). Инструктор ЦК коммунистической партии Западной Украины (1932–1934). Студентка в 1941–1942 гг. Политработник, член оперативной группы Львовского обкома комсомола. Погибла при освобождении города Косова Ивано-Франковской области в 1944 г.

Вечная им память.

Нет полных сведений о военных дорогах историков-фронтовиков. Но документы, воспоминания и письма позволяют отразить хотя бы некоторые моменты. Начнем повествование с писем деканов предвоенной поры. Они уже в первый месяц войны ушли на фронт.

В очень теплом письме с воспоминаниями о молодом и дружном коллективе исторического факультета предвоенных лет и о своем боевом пути Х.Г. Шуляковский сообщал: «В июле 1941 года я был назначен на должность командира разведроты 201-го отдельного разведбатальона. В боях я участвовал с августа 1941 года и до конца Отечественной войны, в начале в должности комроты, а с октября 1941 года до конца войны в должности начальника войсковой разведки стрелковой дивизии. Воевал на Ленинградском, Волховском, Прибалтийском и 1 Белорусском фронтах. Был ранен. 2 мая 1945 года дошел до Эльбы, до Берлина. Награжден двумя орденами «Красного Знамени», орденом «Отечественной войны» II степени, орденом «Красной Звезды» и 4 медалями. После Победы был назначен на должность начальника разведотдела 125 Берлинского корпуса»¹.

Еще один декан предвоенных лет и заведующий кафедрой истории СССР Н.И. Шатагин подробно написал о встречах с историками, которые ему подарила судьба: «На фронтовых дорогах встречал я Анциферову Галину Федоровну. Она была очень способной студенткой истфака. По велению своего сердца и сознанию партийного долга Галя Анциферова пошла на фронт медицинской сестрой. Не один десяток солдат она вынесла с поля боя. Не одну сотню советских воинов она (конечно, под руководством врачей) выходила в полевом госпитале. Ее отзывчивое сердце и богатство духовного облика помогали раненым легче переносить свои страдания, а ее заботливый уход за ранеными помогал им излечиваться и возвращаться в строй вооруженных защитников Родины. Но ей не пришлось разделить счастье победы. Она пала смертью храбрых.

Медицинской сестрой прошла всю войну и студентка истфака Кокорина Ия. Участвуя в боях и сражениях, она дошла до Вены.

¹ Музей УрГУ. Рукописный фонд истфака. Все последующие письма и воспоминания фронтовиков также находятся в музее, поэтому ссылки далее не даются.

Там, в далекой Австрии, мне и посчастливилось получить от нее записку во время своего выступления перед солдатами и офицерами одной воинской части, в которую она приехала специально, чтобы пригласить меня выступить с докладом в их гарнизоне. Нельзя выразить словами, как радостна была встреча с одной из студенток истфака, который был мне близок и любезен по причинам, понятным каждому из вас.

Позднее, там же в Австрии, в войсках одной их воздушных армий была мимолетная встреча с Секистовым Николаем. Он работал в редакции армейской газеты. Никто из нас не располагал временем для беседы, т. к. все находились в стремительном движении. Впоследствии, когда наступили мирные дни, я специально заехал в ту армию, чтобы повидаться с Н. Секистовым, его не было на месте».

О себе Н.И. Шатагин написал очень скупой и скромно (хотя его грудь украшает большое количество орденов и медалей): «Что касается меня лично, то мое участие в войне не было таким заметным, чтобы об этом можно было говорить особо. Конечно, и мне приходилось бывать в жарких боях и схватках на различных участках многих фронтов в войне с фашистской Германией, а заканчивать войну пришлось в войсках 1-ой Краснознаменной Дальневосточной армии, а с форсированием реки Мудальцзян в войсках 5-ой армии дойти до Харбина».

Оба вышеупомянутых декана истфака не вернулись в Свердловск. Но оба не изменили исторической науке.

Многие студенты, ушедшие на войну, позднее стали преподавателями вузов. В воспоминаниях 1960-х годов В.П. Султанов, работавший в Пензенском пединституте, написал: «Вскоре после выпуска многие выпускники были призваны в армию. К сожалению, я могу сообщить только о судьбе двух из них – Андрея Назарове и самом себе. Мы были призваны в армию в сентябре 1942 года, а с 10 октября получили уже боевое крещение под Сталинградом. Я был простым стрелком, Андрей превратился в связиста. За участие в Сталинградской битве мы были награждены медалями «За Отвагу» и «За оборону Сталинграда». После разгрома Сталинградской группировки, наша часть (92 гвардейская, впоследствии Криворожская дивизия) была переброшена под Курск. Во время Курской битвы Андрей погиб. Скромный, полный энергии и

веры в победу, он под огнем противника восстанавливал связь и погиб от прямого попадания мины под деревней Прохоровкой. Посмертно Андрей был награжден орденом «Отечественной войны» II степени. Университетская комсомольская организация по праву может гордиться своим воспитанником, который без колебаний отдал жизнь в боях за Родину. С лета 1943 года я был назначен переводчиком и оставался им до конца войны. Войну закончил в Болгарии».

Преподаватель вуза Челябинска Эдуард Теодорович Смейкал в 1960-х годах в воспоминаниях отметил: «Меня мобилизовали в армию в феврале 1944 года. Служил я в чехословацком корпусе. Наша воинская часть принимала участие в освобождении чехословацких городов Попрац, Кошице, Ружомберок и Жилина. За освобождение этих городов наша часть и весь личный состав получили благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего. Так же как и другие солдаты, я трудился, выполняя свой воинский долг. Мой труд был отмечен чехословацкими медалями «За храбрость» и «Памятной медалью», а также медалями «За освобождение Праги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.».

Вы спрашиваете о наиболее запечатлевшемся в памяти. Дорогие друзья, каждое и большое сражение, и небольшая стычка, в которой участвует солдат, запечатлеваются в памяти надолго. Но все это очень трудно передать словами. Самой большой радостью была Победа. Запомнился навсегда день без шума войны».

Фронтовой день, также без шума войны, но в госпитале, запомнил еще один студент истфака. В биографическом словаре «Герои Советского Союза» представлена следующая историческая справка об Иване Васильевиче Королькове: родился 5 октября 1919 г. в с. Тундрино Тюменской области. Окончив среднюю школу, учился в Свердловском университете, в Советской Армии с октября 1942 г. Наводчик станкового пулемета гвардии ефрейтор И.В. Корольков при форсировании Днепра с группой бойцов в числе первых достиг берега и пулеметным огнем прокладывал путь пехоте. Звание Героя Советского Союза присвоено 15.01.44. В 1944 г. демобилизован, в 1949 г. окончил Пятигорский педаго-

гический институт, работал преподавателем всеобщей истории в вузах, умер 1 января 1984 г.¹

В своих воспоминаниях он отметил: «Война началась, когда сдавал экзамены за II курс исторического факультета Уральского университета. Военкомат. Отказали – мои очки внушали опасение. Но в декабре 1942 г. я все-таки стал курсантом военного училища. Никогда не забыть конец сентября 1943 года. В эти дни полк получил задание – форсировать Днепр ниже города Чернигова. Началась переправа на понтонных лодках. Вокруг стало светло, как днем. Это фашисты повесили над рекой парашюты с осветителями. Наша лодка была уже на середине реки, когда в нее попал снаряд. Впереди родная земля, занятая фашистами. И мы, ни минуты не задумываясь, бросились вплавь к берегу. Уступы крутого берега прикрыли нас. Но приближался рассвет, и я сказал ребятам: «Днем будет труднее». На зорьке наша семерка с громовым «Ура» бросилась к немецким окопам. В рукопашной схватке мы отбили 30 метров окопов, пулеметы, боеприпасы. Неожиданность и дерзость нашего броска отвлекли внимание большого соединения немцев. Полк, воспользовавшись замешательством фрицев, форсировал Днепр. Но бой не окончился. В рукопашной схватке, длившейся минут 20, я был ранен. Меня доставили в госпиталь. Вот и все. Я и не знал, что я герой. Уже в госпитале сосед по палате стал читать указ Президиума Верховного Совета СССР и назвал мою фамилию».

В Свердловск И.В. Корольков не вернулся. Но также не изменил исторической науке. В послевоенные годы работал ректором Пятигорского и Читинского пединститутов. В последние годы жизни работал в вузе Смоленска.

В 1943 г. ушла добровольцем на фронт студентка III курса истфака и медицинская сестра О. Вайнер. Военные дороги привели ее в медсанбат 61 гвардейской дивизии, позднее она училась на курсах военных переводчиков в Ставрополе и в Москве, а после их окончания была зачислена в десантные войска.

В 1980-е годы научный сотрудник Свердловской группы института общего и политехнического образования Академии педагогических наук РСФСР по методике преподавания истории и об-

¹ Герои Советского Союза. Т. 1. М., 1987. С. 736.

ществоведения, Ольга Евгеньевна Вайнер вспоминала: «В 1944 году нас выбросили в районе озера Балатон и зачислили в состав 9 гвардейской армии. Вначале я работала в штабе разведотдела, потом в дивизии этой же армии. Наша армия прошла Венгрию, Румынию и 7 мая 1945 г. пришла в Чехословакию. День Победы встречали в Праге. Кончилась война. И я через Силезию и Румынию вернулась на родную землю. Университет я кончила не с моими однокурсниками, а только в 1946 году».

В послевоенное время также закончили истфак студенты-фронтовики Е. Лесников, И. Сушков, Н. Таншер. Об их военных дорогах пока известно очень мало.

В феврале 1943 г. в Уральский Добровольческий танковый корпус ушел И.Н. Чempалов, учившийся на экстернате истфака. В составе инженерно-технической роты он разминировал шоссе Можайск–Наро-Фоминск, позже принимал участие в битве на Курской дуге, учился в военном училище, потом в составе советских войск охранял дальневосточные рубежи Родины. Вернулся в университет и окончил факультет с отличием в 1948 году. До настоящего времени не прерывает с ним связь. Об этом человеке подробнее будет написано в очередных частях повествования.

Вернулась в родной город и студентка первого набора Галя Сергейчик. Осенью 1942 г. она добровольно ушла в армию. Окончила курсы связистов, прошла боевой путь от берегов Волги до Берлина.

После тяжелого ранения в боях на Волховском фронте в июле 1942 г. вернулся в университет студент первого набора В. Адамов. В 1944 г. он с отличием окончил истфак, вел большую общественную работу, возглавлял партийную организацию университета.

Студент-историк Евгений Давыдов, погибший в январе 1944 г. под древним русским городом Новгородом, написал родителям в одном из первых военных писем: «Я мужественно перенесу все испытания и честно выполняю свой долг перед Родиной»¹. Он выполнил свой долг, как и все фронтовики-историки. А долг сегодняшних преподавателей и студентов – создать полную летопись боевого пути не только погибших истфаковцев, но и вернувшихся в стены университета студентов-историков-фронтовиков.

¹ Цит. по: Уральский университет. 1 апреля 1965, № 14–15.

... Студенты и преподаватели уходили на Священную войну. 26 ноября 1941 г. в ряды РККА был призван и ректор университета Н.П. Попов. Менее месяца его обязанности исполнял Н.А. Бортник. В декабре университет возглавил новый ректор – А.Ф. Елютин.

Университетом руководил

Елютин Андрей Федорович. Родился в 1902 г. в д. Каменка Нижегородской губернии. В 1925–1928 гг. окончил курсы марксизма-ленинизма и университет им. Я.М. Свердлова по специальности философия. Ученой степени не имел.

В Свердловск был направлен из г. Калинина в 1939 г. директором педагогического института, а с 3 декабря (по другим данным с 26 декабря) 1941 г. стал исполнять обязанности директора университета (утвержден 20 апреля 1942 г.). Работая в вузе, читал курс основ марксизма-ленинизма. Именно на его имя была прислана благодарственная телеграмма коллективу университета за подписью И.В. Сталина.

Освобожден от должности 20 июня 1944 г. в связи с назначением директором Курского педагогического института. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 82]

Н.И. Шатагин написал в 1965 г., на наш взгляд, справедливые слова: «Было бы излишне говорить, что все студенты, преподаватели и сотрудники Свердловского государственного университета в первые дни войны были охвачены благородным патриотическим порывом и выражали свою готовность защищать социалистическое отечество с оружием в руках. Но далеко не каждому удалось осуществить свое желание быть в рядах вооруженных защитников Родины. Надо было кому-то выполнять свой патриотический долг, оставаясь студентами и преподавателями и одновременно обучаясь военному мастерству...»¹.

Да, не ушедшие на войну студенты учились у оставшихся в Свердловске преподавателей. Жизнь, хотя и круто изменилась, но продолжалась. Без первокурсников в университете было 492 сту-

¹ Музей УрГУ. Рукописный фонд истфака.

дента: 166 химиков, 186 учились на физмате и 160 – на историко-филологическом факультете. Университет ждал пополнения.

В июле – начале августа 1941 г. был проведен новый набор историков, 13 августа вышел приказ о зачислении. 13 человек стали студентами на основании отличных аттестатов по окончании школ, еще 28 человек были определены по конкурсу аттестатов. Позднее проводились дополнительные наборы (в это же время по разным причинам, главным образом из-за отсутствия общежитий, отчислялись новоиспеченные студенты). Так что определить точное количество студентов-первокурсников в 1941 г. очень затруднительно. Всего на объединенном факультете в августе 1941 г. числилось чуть более 300 студентов¹.

В середине августа ректор направил в Наркомпрос сведения о наборе и составе студентов. В конце сводки он отметил, что «учебными помещениями и кадрами университет обеспечен, не хватает сорок мест в общежитиях». Однако уже через 10 дней сложились совершенно иные условия. 26 августа 1941 года, на основании приказа Наркома Вооружений СССР и наркома Просвещения РСФСР, здание университета по ул. 8 Марта, 62 переходило к заводу № 217. Различным организациям были переданы общежития по ул. Белинского 165, Чапаева 20, Щорса 23 и недостроенный 24-квартирный дом на ул. Степана Разина, 41.

И ректор был вынужден написать в Москву: «Учебное здание и общежития университета переданы организации для использования по специальному назначению. А университету передано учебное здание государственного института журналистики полезной площадью всего лишь 1684 кв. м. При условии использования кабинетов (историко-филологического, основ марксизма-ленинизма, иностранных языков, педагогики) для проведения учебных занятий в одну смену могут учиться только 300 студентов. Университет не имеет студенческих общежитий. Разместить студентов в общежитиях, переданных другой организации, исключительно трудно. Принято решение зачислять в университет абитуриентов, главным образом имеющих жилплощадь»².

¹ Архив УрГУ. Д. 79. Л. 153; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 85. Л. 111–112.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–3; Д. 81. Л. 63–64, 96–100; Д. 85. Л. 111; Архив УрГУ. Д. 71. Л. 153–154.

Материальное положение всех вузов города в годы войны оказалось крайне тяжелым. Помещения были отданы для размещения эвакуированных заводов, эвакогоспиталей, других учреждений. Просьбы о помощи писались во все инстанции. 5 мая 1942 г. высшее руководство страны приняло специальное решение о помощи вузам. Но реализовать его также было сложно. Партийная организация университета констатировала: «Исторические решения ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 5 мая 1942 г. об улучшении материальной базы вузов, принятое в жестоких условиях войны, должно было повернуть местные организации лицом к нуждам вузов, готовящих кадры для фронта и тыла. Но этого не случилось в Свердловске»¹.

Автор не располагает данными по реализации решения в других регионах страны. Но в Свердловске к нуждам вузов, «готовящих кадры для фронта и тыла», улучшений, на наш взгляд, не могло произойти, ни в 1942 году, ни в последующие годы. По одной объективной причине. Об этом забывают многие историки. Город принял в годы войны население (с заводами и фабриками!), составляющее треть его довоенной численности. Население составляло более полумиллиона человек! И можно только сочувствовать людям, удивляться тому, как все они выживали. В их числе студенты, преподаватели и сотрудники университета.

В Свердловск, имевший перед войной 439 тыс. населения, эвакуировалось более ста тысяч человек разных национальностей. В связи с этим необходимо отметить, что истфак, как и университет в целом, не задела волна грубой национальной неприязни и антисемитских настроений. Они были в городе и области, особенно тяжелым оказался 1942 год.

В специальной записке начальник управления НКВД по Свердловской области в адрес заместителя наркома внутренних дел и секретаря обкома ВКП (б) 13 октября 1942 г. прямо писал: «Начиная с июня месяца с. г. почти по всем находящимся в разработке делам агентура неизменно фиксирует попытки... антисоветских элементов активизировать свою деятельность под углом пропаганды антисемитизма». Автор оперативно сообщал конкретные данные, приводил многочисленные факты высказываний различ-

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1468. Л. 16–18.

ных лиц – от артистов до рабочих. Прочитируем лишь одно такое заявление: «Посмотрите внимательно – во всех наркоматах, во всех торгующих, снабженческих и планирующих организациях ответственные посты заняли евреи. Не может быть ничего хорошего, раз в стране управляют люди, заботящиеся прежде всего о себе, о своем благополучии, о своем брате, свате, тетушке, бабушке...»¹.

И в следующем году он вынужден был написать секретарю обкома о том, что незадачливые руководители горпищеторга разрешили отпускать белую муку «для выпечки мацы, в связи с приближением еврейского религиозного праздника». Отмечая, что «само распоряжение явилось политически неправильным... и нарушало установленный государственный порядок отпуска мучных изделий по хлебным карточкам», он требовал призвать к порядку виновных².

Коллектив университета эта беда миновала. На основании документов можно утверждать, что она глухо звучала на партийных собраниях. Поднимал проблему доцент Н.Х. Юдикис. Он задавал один и тот же вопрос: «Знает ли наша парторганизация о случае антисемитизма?» И обычно добавлял: «У нас на идеологическом фронте самотек и анархия». Но ни ответов, ни выступлений по вопросу доцента протоколы не зафиксировали. Коллектив решал другие важнейшие, в том числе и идеологические, жизненные вопросы.

Можно с уверенностью сказать, что «в годы войны гуманитарии не имели своего угла для проведения аудиторных занятий, самостоятельной подготовки, сдачи экзаменов и зачетов. Основной корпус был занят под лаборатории и кабинеты химического и физико-математического факультетов. Читальный зал вмещал 50 мест, библиотека уместилась в одной комнате, кабинет истории превратился в «помещение книговыдачи».

Документы зафиксировали около десятка помещений, которые арендовал вуз, или же его «пускали туда просто так» – три школы,

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 146. Л. 218–230. Рассекреченные в 1995 г. документы любезно предоставил автору профессор В.П. Мотревич.

² Там же. Д. 163. Л. 90–91.

сельскохозяйственный, горный, педагогический институты и др. Но у них были свои заботы в те годы. Поэтому неудивительно, что историкам доставалось «то, что осталось». В итоге в отчетах деканов военного времени были постоянными фразы: «в школе декан лишен возможности распоряжаться аудиториями, а дирекция не давала помещений»; «нередки случаи срыва занятий или проведения их в коридорах»; «в школе № 5 факультет занимается в третью смену, с 6 часов вечера до 12 часов ночи» и многие им подобные.

1 декабря 1942 г. единый факультет был разделен на исторический и филологический. Деканом истфака был назначен доцент кафедры основ марксизма-ленинизма Ф.П. Быстрых.

Факультетом руководил

Быстрых Федор Павлович. Родился в 1901 г. В 1937 г. получил степень кандидата исторических наук, работал в школе.

С 16 октября 1941 г. зачислен доцентом кафедры основ марксизма-ленинизма СГУ. После краткого пребывания на посту декана, в штате истфака не работал, но читал здесь лекции и был тесно связан с преподавательским коллективом факультета. Умер в 1976 году.

Однако автономная деятельность факультетов продлилась недолго. Уже 7 мая 1943 г. они были вновь объединены, деканом был назначен П.А. Вовчок.

Факультетом руководил

Вовчок Павел Акимович. Родился в 1910 г. в Киеве. В 1937 г. с отличием окончил филологический факультет Ленинградского университета и был оставлен в аспирантуре. Прибыл в Свердловский университет в 1940 г. на филологический факультет, сразу же возглавил кафедру русского языка и общего языкознания. 7 декабря 1942 г. утвержден доцентом. В 1941–1944 гг. был заместителем и деканом историко-филологического факультета. Умер в 1980 году. [Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 271; Архив УрГУ. Д. 89. Л. 1 об. и др.]

17 октября 1941 г., на основании приказа ВКВШ при СНК СССР, все кафедры исторического отделения были объединены в одну. Заведующим был назначен с окладом 1200 рублей А.А. Введенский¹.

Штатное расписание выглядело следующим образом:

Юдикис Н.Х., доцент – 700 руб.

Руткевич Н.П., доцент – 450 руб. – совместитель, полставки.

Застенкер Н.Е., доцент – 450 руб. – совместитель, полставки.

Бортник Н.А., доцент – 350 руб., полставки, основная работа в ректорате.

Сурин Ф.И., и.о. доцента – 600 руб.

Розенталь В.Н., и.о. доцента – 350 руб. – совместитель, полставки.

Бортвин Н.Н., ассистент – 250 руб. – совместитель, полставки.

На факультете работал

Введенский Андрей Александрович. Родился 21 июля 1891 г. Окончил Пермскую гимназию в 1912 г., поступил на историческое отделение Петербургского университета. В 1920 г. окончил факультет общественных наук в Петроградском университете, был оставлен в аспирантуре, которую закончил в 1923 г., получил удостоверение на право чтения русской истории в вузах. Эвакуировался из Киевского университета, где с 1938 г. исполнял обязанности профессора и заведующего кафедрой истории СССР. С 31 июля 1941 г. работал заведующим кафедрой истории СССР. Читал курс «История народов СССР» и спецкурс «Строгановы и покорение Сибири». 14 октября 1942 г. защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории Строгановых в Поморье и на Урале в XVI–XVII вв.». Работал в университете до 29 сентября 1943 г. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 68. Л. 1–3, 34; Перевалов В.А. Историк А.А. Введенский в Уральском университете // Известия Уральского государственного университета. 2000. № 14. С. 150–153]

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 79. Л. 74.

В марте 1942 г., когда в Свердловск уже приехали многие преподаватели столичных вузов, единая кафедра была разделена на две – кафедру истории СССР и кафедру всеобщей истории. А.А. Введенский возглавил первую, а заведующим второй был назначен Н.Х. Юдикис. На кафедре истории СССР работали в основном преподаватели МГУ, кафедра всеобщей истории пополнилась, кроме столичных профессоров, совместителем М.Я. Сюзюмовым и двумя ассистентами – Е.Л. Житомирской и С.В. Житомирской. Об однофамильцах и их работе сведений практически нет, видимо, они были связаны с истфаком очень короткое время¹.

Сменился и заведующий историческим кабинетом. Г.А. Кулагина стала преподавателем, ее место занял И.В. Герчиков.

На факультете работал

Герчиков Израиль Вениаминович, кандидат исторических наук, 3 декабря 1941 г. был эвакуирован из Московского государственного педагогического института. В СГУ работал старшим лаборантом исторического кабинета, в 1943 г. уехал в Москву.

С отъездом А.А. Введенского в сентябре 1943 г. в Кзыл-Орду², кафедру возглавил И.И. Крыльцов. Он руководил ею до марта 1945 г. С его отъездом во главе кафедры встал М.А. Горловский. В мае 1945 г. сменился и заведующий кафедрой всеобщей истории – им стал Н.А. Бортник.

В военные годы историкам трижды изменяли сроки обучения. 9 июля 1941 г. ВКВШ при СНК СССР утвердил переходные (сокращенные) планы обучения. Срок обучения (по времени набора) был определен в 3–3,5 года. Реализовать это удалось один раз: по сокращенному плану состоялся выпуск 1942 года.

6 июня 1942 г. Москва приняла решение о переводе всех университетов на пятилетние планы обучения. Но уже 8 апреля 1944 г. последовало очередное Постановление СНК СССР, по которому

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 68. Л. 20; Д. 85. Л. 45.

² В.А. Перевалов отправил его в сентябре 1943 г. в еще не освобожденный Киев – см.: Известия Уральского государственного университета. 2000. № 14. С. 150–153.

факультеты исторический, филологический и журналистики переводились на новый – четырехгодичный срок обучения студентов¹.

На факультете работал

Новицкий Георгий Андреевич. Родился в 1896 г. в с. Михайловское Тульской губернии. В 1922 г. окончил МГУ. Работал в государственном музее, с декабря 1935 г. — кандидат исторических наук, преподаватель истории в ряде московских вузов. С 1937 г. — в МГУ. 16 октября 1942 г. зачислен доцентом кафедры истории СССР исторического факультета СГУ. Уехал в Москву летом 1943 г. [Летопись Московского университета 1755–1979. М., 1979. С. 251; ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 86. Л. 6 и др.]

Не было стабильности. Поэтому сложно четко отразить учебные планы (как это было сделано в первой части). Отметим лишь, что в этот период студенты IV-V курсов прослушали и сдали отчетности по дисциплинам: история русской литературы, история философии, диалектический и исторический материализм, история всеобщей литературы, источниковедение и историография, педагогика и психология, методика преподавания истории, новая история, история колониальных и зависимых стран. В планах были специальные курсы и семинары. Студенты прошли педагогическую практику в школах города, производственную практику в музеях и архивах.

В качестве обязательных дисциплин в военные годы были введены основы сельского хозяйства, военная подготовка, политико-просветительская работа в РККА. В 1944 г. в вузе была сформирована военная кафедра.

В этой части книги продолжим знакомить читателей с преподавателями военного времени.

Так как Свердловск в годы войны был одним из центров эвакуации вузов, истфак внешне не испытывал в 1941–1943 гг. недостатка в квалифицированных кадрах. Здесь работали академик В.П. Волгин, крупные ученые МГУ Н.А. Машкин, А.И. Неусыхин, С.Д. Сказкин, М.Н. Тихомиров, из Киева приехал А.А. Введен-

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 86. Л. 26–29. Д. 87. Л. 21–24, 46–48

ский. Продолжали работать преподаватели пединститута. Но внутренне историческое отделение факультета не росло и не совершенствовалось, более 50% совместителей или временных (хотя и высококвалифицированных!) работников могли в любой момент уйти. А замена им не готовилась. Это внешнее благополучие совсем скоро обернется новыми проблемами. И решать их будет, как и в предвоенные годы, сложно.

Многие предметы читали преподаватели МГУ. Курс источниковедения читал М.Н. Тихомиров, историографии – Н.А. Машкин, он же вел спецкурс по проблемам Римской империи. Спецкурс по проблемам средневековья читал профессор А.И. Неусыхин. Нет возможности рассказать об их работе.

А вот еще о двух приезжих преподавателях студентка Л.Д. Боголюбова написала в воспоминаниях: «У нас было введено два спецкурса. Один по истории социально-экономических идей, который вел академик Вячеслав Петрович Волгин, а другой спецкурс по теме «Строгановы и Ермак» вел Андрей Александрович Введенский. Для прохождения спецкурсов было составлено две группы, но занятия В.П. Волгина заставляли слушать всех, так как была уже война и студентов, посещающих лекции, становилось все меньше. В.П. Волгин чувствовал себя плохо, а может быть, был даже голоден. Сидел он в шубе в неотопленном помещении в одной из аудиторий юридического института. Читал неинтересно, а в конце занятий называл нам том и страницы в его труде «История социально-экономических идей», где все это можно было прочесть.

Андрей Александрович Введенский был человеком, который мог увлечь, научить, заинтересовать студентов исторической наукой. Никакого плана проведения семинара-спецкурса «Строгановы и Ермак» он не придерживался, мог совершенно неожиданно отвлечься и рассказывать подробности из жизни историка-исследователя, о которой нигде не прочтешь. Иногда его увлечения какой-нибудь деталью были даже анекдотичны. Например, А.А. Введенский подробно рассказывал, как на Урале у жены одного священника – около солеварницы Строганова – он ел вкусный пирог с рыбой. И вдруг он увидел, что пироги попадая печет не на листах в прогретой русской печке, а прямо на тех древних пергаментях, за которыми он охотился все это время. Но обраще-

ние его к священнику показать склад пергаментов привело к тому, что, когда его не было около церкви, священник велел возчику вывезти пергаменты на свалку, чтобы А.А. Введенский пореже ходил есть пироги к попадье... Все было увлекательно, захватывало. Перерыв в занятиях нас тогда не интересовал»¹.

Добрыми словами вспоминают студенты своих преподавателей. О Н.П. Руткевиче опубликовано много работ, все авторы восхищаются этим человеком. Но и здесь написать о нем просто необходимо словами студентов тех дней. А.Г. Рахманова пишет: «Как мне кажется, первым преподавателем, читавшим курс на самом высоком уровне, подлинно научном и методически совершенном, был Николай Паулинович Руткевич. Курс новой истории мне не удалось слушать полностью – с октября 1941 г. я служила в госпитале. Но начало курса осталось в памяти с такой отчетливостью, как будто слушала его совсем недавно. Он читал без всяких скидок на нашу молодость и необразованность. Николай Паулинович умел общаться с нами как с равными, приглашать к совместному размышлению. Лекции Николая Паулиновича – строгие по форме, отличались законченностью, логикой, аналитичностью. Слушая его, мы постигали, что история – не сумма фактов, «хронология» – а наука, со своим методом, своими закономерностями, своим логическим строем. Лекции были для меня настоящим откровением. Ничего облегченного, школярского! Но Николай Паулинович не подавлял нас своей эрудицией. По-моему это одна из главных черт истинной интеллигентности. Он умел сочетать научность, глубину содержания с формой изложения чрезвычайно отточенной, четкой, я бы сказала, изящной. Из всех университетских преподавателей Николай Паулинович Руткевич оставил самый глубокий след».

О.Е. Вайнер дополняет: «Заинтересовать школой, даже увлечь работой учителя, заставить в подготовке к уроку не просто готовиться, а углубленно работать и соревноваться всю студенческую группу, научили два человека – Галина Александровна Кулагина и Николай Паулинович Руткевич.

¹ Музей УрГУ. Рукописный фонд истфака. Далее воспоминания студентов см. там же.

Г.А. Кулагина, тогда ассистент кафедры всеобщей истории, вела практические занятия по методике преподавания истории, после того как были прослушаны группой весьма непопулярные среди студентов лекции по методике преподавания. Она предлагала до школьной практики разработать урок и продемонстрировать его собственной (студенческой) группе. Помнится, мой урок по крестовым походам занял два лекционных часа и не закончился. У товарищей было примерно так же, у тех, кто в школе не работал. Наши «уроки» зато были хорошим справочным материалом, подготовленным основательно...

Лекции Н.П. Руткевича остались в памяти всех, кто его слушал. Это превосходный образец лекторского творчества. Непросто рассказать о том, что наиболее впечатляло: очень дельно данная библиография, марксистский анализ событий, логичность и обоснованность, яркие портретные характеристики исторических деятелей, приемы для запоминания, рекомендуемые тут же... или контраст воздействия самого лектора – его голоса, взгляда, скупого жеста.

Не только лекционная работа Николая Паулиновича запомнилась, но все «рабочие» встречи с ним на экзаменах, зачетах, на открытых уроках, на которых он обязательно бывал и, сидя на последней парте, всем своим видом убеждал, что наслаждается твоей работой, впитывает каждое слово. Потом, правда, ждал анализ, иногда и очень суровый, и тогда с глазу на глаз. Удивительно, как знал каждого из нас он и как каждая встреча с ним была педагогически ценна, хотя не несла никакой назидательности».

На факультете работал

Руткевич Николай Паулинович. Родился в 1894 г. В 1917 г. окончил Киевский университет и долгое время работал на Украине, в 1932–1935 гг., был деканом историко-экономического факультета Краснодарского педагогического института. В 1931 г. получил звание профессора без защиты диссертации.

В 1935 г. был приглашен в Свердловский педагогический институт для чтения лекций по новой истории. В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию. Заведовал кафедрой всеобщей истории СГПИ (1938–1949), был деканом исто-

рического факультета (1944–1945). С 1941 г. — в университете доцент по совместительству кафедры новой истории. Умер в 1949 г.

В воспоминаниях отмечена Г.А. Кулагина. О ней необходимо сказать и словами А.Г. Рахмановой: «Методике преподавания нас учила Галина Александровна Кулагина, она же руководила педагогической практикой. Курс методики был очень интересный и полезный. Считаю, что Г.А. Кулагина вполне справилась с нелегкой задачей чему-то нас научить. Тем более, что никаких учебных пособий в то время я лично и в глаза не видала, все ограничилось ее лекциями, практическими занятиями, недолгой работой в школе — давали по 3–4 урока, один из которых зачетный. Курс методики она построила очень лаконично и конкретно. Помню, что в лекциях не было никакого лишнего материала, все шло на пользу, все подкреплялось практикой. Во время педагогической практики очень детально обсуждались уроки. И эти обсуждения, в которых принимали участие учителя школы № 5, где мы проходили практику, давали очень много и положительного, и отрицательного — как нужно и как не нужно работать в классе. Мне лично и курс методики, и работа Г.А. Кулагиной с нами во время практики в школе дали очень многое. Поступая в университет, я имела очень туманные представления о будущей работе... Теперь же, после практики, я вдруг почувствовала, что могу стать преподавателем, могу еще чему-то научиться на собственном опыте и, главное, на опыте всех моих преподавателей».

Запомнились студентам лекции Н.Е. Застенкера. О.Е. Вайнер отмечала, что «они были суше, строже, отточеннее». А.Г. Рахманова представила более широкую картину лекций профессора С.З. Каценбогена. Он «читал курс истории философии, диалектического и исторического материализма, мы сдавали два экзамена по этому курсу. Мне кажется, что историю философии он любил читать больше. Лекции его мы тоже любили, т. к. они были весьма насыщены сведениями о философии и философах. У С.З. Каценбогена была несколько приподнятая, торжественная речь, весьма витиеватый, необычный язык, что тоже импонировало. Но его эрудиция и большие знания меня, например, несколько подавляли, он, мне казалось, стоял как бы над аудиторией».

Одними из важнейших являлись вопросы физического выживания, материального положения, быта. 15 июня 1942 г. Ученый совет вуза констатировал: «Без предоставления учебного здания, одного общежития из 5 изъятых и дома для квартир профессоров, университет не будет иметь минимальных условий для нормальной работы в военное время»¹. На этом заседании было принято обращение-просьба к облисполкому о помощи в создании подсобного хозяйства, выделении земли под огороды, а также призыв ко всему коллективу помогать хозяйственной части осуществлять планы самозаготовок.

Очень сложно решался и вопрос с огородными участками. Более 200 семей просили земли для посадки хотя бы картофеля и овощей. Земля была выделена, но во все военные годы почти всегда не было посадочного материала. Председатель месткома Н.Х. Юдикис на просьбы преподавателей и студентов о помощи даже в 1945 г. откровенно отвечал: «25 апреля городские организации будут распределять картофельные срезки, удастся ли нам их достать – не знаю»².

Весной 1943 г. университет получил собственное подсобное хозяйство. Но земельный участок выделили очень далеко, в 96 км от города, в селе Первомайском. Естественно, начались проблемы. Все их перечислить практически невозможно. Только некоторые факты для примера. Участок в 40 га совхоз не вспахал. В распоряжении университета всего две лошади и полное отсутствие сельскохозяйственного инвентаря, поэтому было «решено провести обработку ручным способом силами студентов и служащих». В мае более 60 человек вскапывали участок, 4 га осилили, – только тогда пришла помощь из совхоза...

Был выделен семенной картофель – 25 тонн, но... в Таборинском районе. Историки должны знать его местонахождение. Из 16 организаций, которым были выделены здесь семена, привезли их только 3, в том числе университет! Это был поистине героический поступок. Поэтому проследуем с этим грузом вместе с профессором Конторовичем, доцентами Волк и Матвеевым, заведующим кафедрой военной подготовки Борщевским, студентами, которые

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 59. Л. 149; Д. 85. Л. 82.

² ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 20. Л. 29 об.

совместно «проявили замечательную дисциплинированность и организованность в выполнении важного задания ректората»¹.

Из района 25 тонн погрузили и довели до райцентра к пристани, далее плыли 100 км по реке до Тавды, выгрузили из баржи и перевезли на железнодорожную станцию, загрузили в вагон и доставили на станцию Дружинино, перегрузили на подводы и через 4 км картофель оказался в конечном пункте – на участке. Комментировать этот путь и труд участников эпопеи нет слов.

На этом беды не закончились. Процитируем только документы, которые зафиксировало партбюро из отчетов парторга подсобного хозяйства Ф.П. Быстрых. «Всходы картошки редкие, ибо часть ее не взошла, а часть вытаскали жители деревни из-за отсутствия охраны. Прополка и окучивание проведены плохо из-за нехватки рабочей силы...». В итоге партбюро было вынуждено признать: «Подсобное хозяйство закончилось полным крахом. Картофеля собрали в три раза меньше, чем посадили, подобная картина с горохом. То же самое произошло и с заготовкой топлива на зиму силами студентов»².

Действительно, обеспечение топливом (дровами и торфом) в годы войны было также крайне сложным. На лесозаготовках 1943 г. в 30 км от города работало 6 студенческих бригад. Хотя парторг Н.Х. Юдикис и писал отчеты о ежедневном перевыполнении плана, но не забывал одновременно сообщать, что у студентов нет опыта, есть «нытье о плохом питании, рваческие настроения», плох инструмент. В итоге к сентябрю было заготовлено лишь 10 % необходимого количества дров. Парторга пожарили. А зима оказалась для всех очень суровой. Температура в помещениях опускалась ниже нуля градусов. Вместо дров выделили торф, но его «нужно возить вручную, на саночках, иного выхода нет. Надо увлечь людей, административными мерами и приказами нельзя действовать», – констатировало партбюро³.

1943 год, наверное, был самым трудным. Вставал даже вопрос о полном прекращении занятий. Ректорат и партийное бюро приняли тяжелое, но спасающее ситуацию решение – перевод на са-

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 59–61.

² Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 19. Л. 60–62.

³ Там же. Л. 48; Д. 20. Л. 5.

мообслуживание. Прозвучали слова: «Студенты сами должны обслуживать свой быт, помогать в деле налаживания учебного процесса. Если этого не будет, не будет и учебы»; «вопрос самообслуживания решает все, решает вопрос о том, будет или не будет работать университет»¹.

На практике эти слова означали – надо на саночках возить с Шарташа дрова, самим чинить водопровод и канализацию, самим обогреть здания и общежития. А чтобы создать там соответствующую температуру, топить сырыми дровами нужно было день и ночь. А как привезти на саночках дрова, которых требовалось в день десятки кубометров? Поэтому неудивительно, что проректор по АХЧ Н.А. Финкельштейн постоянно твердил, что дров осталось на 4-5 дней.

Только студенты и преподаватели могли решить проблему. Лидерами должны были выступить коммунисты и комсомольцы.

В 1944 г. положение с подсобным хозяйством улучшилось. Выделенный в Сухоложском районе участок удалось вовремя вспахать, обработать и получить солидный урожай картофеля, моркови, свеклы, гороха – большое подспорье для коллектива. Помог университету и Уралмаш. С совместного хозяйства, которое содержал завод (но рабочей силой были в основном студенты), вуз получил 10% собранного урожая.

Все, что заготавливалось собственными силами, отправлялось в овощехранилище, магазин и столовую отдела рабочего снабжения – ОРСа. Да, такое подразделение в составе университета начало функционировать с 21 марта 1943 г. Каких только эпитетов не удостоились столовая, магазин ОРСа, его работники!

Сколько скандалов и фактов безобразий вынуждены были разбирать руководство вуза и общественные организации, сколько жалоб приносили преподаватели и сотрудники. Деятельность ОРСа была одной из причин конфликтной ситуации (о которой будет рассказано ниже), итогом которой был отъезд из университета ректора, а также председателя месткома – историка.

Процитируем некоторые эмоциональные высказывания и факты, но текст излагаем строго по документам. «Бушующие безобразия в аппарате ОРСа»; «после 6 часов вечера в столовой вообще

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 20. Л. 55–56 и др.

царит мир князьков»; «ОРС стал кумиром университета»; «зам. начальника ОРСа Соломоник пойман милицией на базаре с 5 килограммами шоколадных конфет»¹...

Так как проблемы ОРСа – тема отдельного исследования, остановимся лишь на важнейших моментах, от которых зависела физическая жизнь студентов и преподавателей. Итак, ОРСу выделили столовую. Здесь «в течение ряда лет не было никакого ремонта, кухонное оборудование пришло почти в полную негодность. Не менее тяжелое положение было с посудой, тарелок недостаточно, стаканов вообще нет. Имеющиеся на столах кленки изношены и не пригодны к использованию. Продуктов на складе не было, получили манную крупу, хлопковое масло и немного мяса. Трест правительственную дотацию не выдал», – таким было начало².

Со временем стало лучше, «столовая приняла культурный вид», в магазине стало регулярным отоваривание карточек. Но так и не было создано здоровой атмосферы между работниками ОРСа, преподавателями и студентами. Взаимные жалобы и оскорбления были постоянными, не смогли исправить ситуацию рабочий контроль, общественные организации, ректорат. Склоки остались неразрешенными, но материально-бытовой кризис все-таки был преодолен. ОРС в системе университета функционировал в течение всего военного времени. Интересующихся этой проблемой автор отсылает к архивным документам³.

Тяжелая ситуация была и с общежитиями. Студенты жили в арендованных помещениях, часто вообще «на птичьих правах». И хотя неоднократно на всевозможных уровнях поднимался вопрос о том, что «необходимо привести общежития в такой вид, который бы не угрожал распространению эпидемий, жили студенты скверно. Очень часто не было света, воды, постельных принадлежностей, обслуживающего персонала, но всегда было холодно и было воровство. В одну плоскость «укладывались» две проблемы – «необходимо, чтобы люди сами заботились о чистоте и опрятно-

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 19. Л. 33–40, 60–61 об. и др.

² Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 52–53.

³ См.: Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 19, 20, 26 и др.

сти» и «нет мыла. Студенты не ходят в баню, даже о самой маленькой стирке нет и речи»¹...

Но в конечном итоге коллектив выстоял. Несмотря на то, что в архивных документах военного времени можно прочесть немалое количество и таких фраз: «Многие студенты стремятся уклониться от мобилизационных работ, несут всякие справки об освобождении»; «санитарное состояние в общежитиях очень плохое, но сами студенты не желают осуществлять санитарные и хозяйственные мероприятия»; «студенты мерзнут, но с их стороны инициативы нет – дрова есть, их надо привезти, а самообслуживанием не занимаются»².

Хотя партбюро и отмечало, что эти явления «встречали должный отпор и осуждение», но одновременно, на очередных заседаниях вынуждены были вновь признавать, что они не изжиты. Отсюда и констатация: «Нельзя не отметить отдельные нездоровые явления среди студентов и профессорско-преподавательского состава (увиливание от мобилизации, злоупотребление продкарточками, обывательски-склочные настроения и др.)»³.

Многое можно было устранить собственными силами. Об этом ярко сказал в конце 1944 г. профессор физмата А.А. Яковкин: «Тормозило нас внешнее бескультурье, грязь. Даже на экзаменационной комиссии, где обычно полагается какое-то внешнее оформление (скатерть, цветы), даже там этого не было. Это не было вынуждено военным временем. Это просто разгильдяйство. Военное время нечего винить»⁴.

Да, люди устали, тяжелое было время, преподаватели по полгода не могли отоварить сахарные карточки. Но не всем было тяжело...

Вновь, как и в довоенный период, возникла конфликтная ситуация между ректоратом и научными сотрудниками. Сменивший ушедшего на фронт Н.П. Попова А.Ф. Елютин не смог завоевать авторитета. Глухое недовольство было уже в 1942 г., а в следующем 1943 г. Ф.П. Быстрых открыто выступил на Ученом совете с

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 20. Л. 28; Д. 32. Л. 46 и др.

² Там же. Л. 22–23 и др.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 3.

⁴ Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 27. Л. 67.

заявлением, что ректор «разваливает университет». Комиссии горкома и обкома ВКП (б) не выявили серьезных нарушений, но появление критической статьи в газете «Уральский рабочий» и выговор, объявленный ректору, свидетельствовали о том, что непорядок был.

Но партбюро в эти тяжелые дни поддержало ректора, на специальном заседании констатировало, что вокруг Ф.П. Быстрых «сгруппировались люди, недовольные порядками в университете», но «жизнь идет своим путем, а Быстрых своим». Смута не прекратилась. В апреле 1944 г. уже на партсобрании оппонент вновь заявил: «И сейчас считаю, что пока руководит Елютин, университет процветать не может». Но ему вновь ответили: «Вы прирабатываете в пединституте, на вечерних курсах, сами в университете ничего не делаете, а только критикуете»¹.

Необходимо отметить, что Ф.П. Быстрых был в конфликтных отношениях со многими преподавателями. Например, на том же партсобрании он заявил: «Носителем отсталых настроений является т. Юдикис. Пренебрежительное отношение т. Юдикиса к советской интеллигенции надо осудить как дикость и хулиганство»². Юдикис парировал очень эмоционально: «За четыре года, что я здесь работаю, университет значительно вырос, без опытной профессуры нам приходилось возглавлять кафедры»; «весь коллектив университета проявляет настоящий героизм, работая даже не в варварских, а в первобытных условиях, в ледяной стуже, и добился, несмотря на это, немалых результатов»³.

Сложный, ортодоксальный, неуживчивый характер Ф.П. Быстрых проявлялся и позднее. Так в мае 1945 г. он довел до партбюро обвинения в адрес профессора С.З. Каценбогена в... троцкизме за то, что он, якобы, в лекциях неверно цитирует В.И. Ленина. Партбюро оказалось на высоте и заявило, что обвинение «чисто клеветническое», а поведение заведующего кафедрой «недопустимое»⁴.

¹ ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 27. Л. 56, 77.

² Там же. Л. 67.

³ Там же. Л. 68.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 27–28.

А ситуация, сложившаяся в 1943 – первой половине 1944 г., конечно, была сложной. Люди делали, казалось бы, невозможное. Материальное состояние их было крайне тяжелым. Конечно, это не прибавляло морального духа.

Общие неурядицы, тяжелое материальное положение, скрытое и явное воровство среди работников пищеблоков (даже зам. начальника ОРСа Соломоника милиция поймала на рынке с 5 кг шоколадных конфет) и, видимо, некоторых руководящих сотрудников вуза, в конечном итоге привели к конфликтной ситуации, которая перманентно продолжалась в течение полутора лет. В документах глухо отмечалось, что «партбюро стояло в стороне от распределения талонов, так называемых бирок на промтовары, а распределение таковых происходило иногда в секретном порядке, вследствие чего имели место несправедливость и ошибки». А преподаватели прямо заявляли: «Почему бы ректору не опубликовать, что было получено и как распределено, профессор Введенский и другие преподаватели остро нуждаются в обуви, а бирок получить не удастся»¹.

Призыв секретаря партбюро В. Адамова «найти деловую почву для ликвидации конфликта» не был реализован. Назревала смена ректора, но об этом позднее. Здесь необходимо отметить еще одного упомянутого в дискуссии человека с неуживчивым характером. Им был доцент истфака Н.Х. Юдикис. Занимая большой пост председателя месткома, он постоянно конфликтовал с деканом, преувеличивал значимость своей фигуры (хотя его лекции и занятия вызывали возмущение студентов), часто выступал с тяжелыми обвинениями в адрес конкретных людей и коллектива в целом. Документов о изложенном много. Приведем только один – выдержку из протокола заседания партбюро от 28 февраля 1944 г.: «Тов. Юдикис зачитывает заявление, в котором говорит, что группа антиобщественных элементов Вовчек (декан ист-филфака), Горловский (пом. декана), проф. Смирнов, доц. Бортник, проф. Малкин поставили себе задачу добиться удаления руководства университета путем оскорблений, дезорганизации работы. На вопрос, в чем же выражаются антиобщественные действия, т. Юдикис дает объяснение, что они незаслуженно оскорбляют, необъек-

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 20. Л. 42; Д. 26. Л. 2–3.

тивно критикуют, дискредитируют профсоюз, игнорируют соцсоревнование. Подсиживают завкафедрой всеобщей истории».

Когда же ему был дан достойный отпор, Н.Х. Юдикис тут же заявил: «Заявление мое неправильно и несвоевременно, поэтому я его снимаю»¹. Последующие скандальные ситуации привели к закономерному итогу – «доцент Юдикис как историк древнего мира и как завкафедрой всеобщей истории не есть благо для университета». В мае 1945 г. он уехал в другой город².

С окончанием 1942/43 учебного года началась реэвакуация ранее прибывших в Свердловск вузов. Это событие не могло положительно отразиться на работе факультета и университета в целом. В 1943–1944 гг. практически все приезжие преподаватели покинули истфак. Последним в середине 1945 г. уехал заведующий кафедрой истории СССР И.И. Крыльцов.

На факультете работал

Крыльцов И.И., профессор, 1 октября 1943 г. был назначен заведующим кафедрой истории СССР на полставки (после ухода с этой должности А.А. Введенского).

Для укомплектования штатов университету требовалось 30 профессоров и 20 доцентов, а общий преподавательский состав в конце 1943/44 учебного года выглядел следующим образом:

Должности	Штатные		Совместители		Итого	
	университет	истфак	университет	истфак	университет	истфак
Профессора	5	–	9	1	14	1
Доценты	23	6	15	4	38	10
Ассистенты	36	4	8	2	44	6

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 26. Л. 11.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 96. Л. 31.

Количественный состав студентов также сократился. Их общее количество и распределение по курсам наглядно отражает таблица¹:

Факультеты	I курс	II курс	III курс	IV курс	Итого
Историко-филологический:	174	79	52	44	349
Историки	59	24	12	13	108
Филологи	115	55	40	31	241
Физико-математический	29	8	5	11	53
Геологический	29	16	6	—	51
Журналистики	105	40	24	—	169
Химический	64	25	21	20	130
Всего	401	168	108	75	752

Комментировать таблицу нет смысла. Отметим лишь, что историко-филологический факультет был самым большим в университете, но филологи почти в 2,5 раза «подавили» историков. По численности они уступали журналистам, химикам, геологический факультет только начинал развиваться, а физико-математический факультет переживал нелегкие времена.

В 1943 г. было принято 48 студентов, из них только 17 имели в аттестате отличные и хорошие оценки. Но, как и в прошлые годы, практически сразу последовали приказы об отчислении — из-за неблагоприятных бытовых и материальных условий, мобилизации, перевода в военные училища и многого другого.

Занятия начались лишь 20 октября. До этого времени все студенты были на сельхозработках, трудились в подсобном хозяйстве, на лесозаготовках и перевозке торфа. Этими же работами они занимались в мае — июне, в итоге накопились серьезные проблемы в выполнении учебного плана и пробелы в знаниях. О стабильной самостоятельной работе не могло быть и речи. Библиотека находилась «в чрезвычайно ненормальных условиях, в тесноте, читального зала не было».

Потому неудивительно, что появилось несколько видов итоговых переводных приказов: переводили на очередной курс, переводили условно, с до-сдачей «хвостов», оставляли на второй год, ис-

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 1238. Л. 10–11.

ключали из числа студентов, а по отдельным студентам даже «оставляли вопрос открытым»!

Деканат систематически информировал, что «дисциплина среди студенчества крайне неудовлетворительная» (а кто придет после трудового дня учиться с 9 часов вечера до часа ночи? – А. Ч.), ректорат же впервые в 1943 г. вынужден был констатировать – из 160 человек, обучавшихся на курсах медсестер, получили дипломы только 40¹.

В первой части была подробно описана система социалистического соревнования. И в годы войны этот вид политико-массовой работы пытались поддержать на должном уровне. Но сделать это было очень сложно. Не вникая в подробности, отметим, что социалистические обязательства включали, как и до войны, несколько направлений: учебно-методическую, научно-исследовательскую и общественную работу. На практике была следующая картина – все, что преподаватель вписывал в свои семестровые и годовые планы (а позднее – в отчеты), он автоматически переносил в пункты обязательств. Например, Ф.И. Сурин включил следующее: «дополнить новым материалом раздел учебного курса...; переработать диссертацию в сторону улучшения стиля...; представить рукопись статьи в сборник...; прочитать в течение 1943 г. 120 лекций...»². Новым был один пункт – непереносимое повышение качества знаний студентов.

Из изложенного видно, что, в сущности, соревновались... ради соревнования – все пункты являлись необходимым условием качественной работы любого преподавателя. А искусственная гонка за отличными и хорошими оценками приводила, в конечном итоге, к снижению требовательности в оценке знаний студентов в период сессий.

Недаром 15 июня 1944 г. ВКВШ при СНК СССР издал специальный приказ, запрещающий включать в пункты обязательств вопросы учебной работы, требовал «пресечь практику оценки работы преподавателей и профессоров по показателям успеваемости, устранить всякое давление на них при оценке знаний студентов»³.

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 32, 56–58, 60 и др.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 59. Л. 171, 174.

³ Там же. Д. 84. Л. 58.

А на партийных собраниях часто звучали слова: «работа по соцсоревнованию дискредитирована. Никогда ничего не делается в срок». Да, война была экстремальной ситуацией, никаким срокам, планам и обязательствам она не подчинялась. И все-таки, когда в 1943 г. было учреждено университетское Красное Знамя (оно вручалось кафедрам и факультетам – победителям соцсоревнования), первым по итогам летней сессии его получил историко-филологический факультет, а «борьба между кафедрами продолжается», – так отмечало партбюро в июле 1943 г.¹

Главное, что необходимо отметить в представленной выше проблеме, – это перестройка всех лекционных курсов преподавателей-историков в связи с потребностями военного времени. Вводились дополнительные разделы по «разоблачению мифа о непобедимости германцев» (Н.Х. Юдикис), «разоблачение фашистской фальсификации истории средних веков» (Н.А. Бортник), «нелепость расистских измышлений древних германцев» (М.Я. Сюзюмов) и многие другие².

На факультете работал

Сюзюмов Михаил Яковлевич. Родился 21 ноября 1893 г. в Ставрополе. В 1916 г. окончил историко-филологический факультет Юрьевского университета. Был оставлен при университете для выполнения магистерской диссертации. Работал на кафедре всеобщей истории СГПИ, в годы войны по совместительству преподавал в СГУ. Здесь в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию «Проблемы иконоборческого движения в Византии». Об этом профессоре более подробно будет написано в последующих частях книги. [Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 250; Архив УрГУ. Д. 89. Л. 86 об.–87]

Научные исследования историков также обрели ярко выраженную направленность – писались статьи об агрессивной роли пруссачества в европейской политике, о борьбе чехов против немцев в

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 20. Л. 10–11, 52 и др.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 59. Л. 55–63. Д. 85. Л. 58 и др.

Х–XIV вв., о причинах поражения Германии в Первой мировой войне...

В этом плане особо необходимо отметить общественную работу преподавателей-историков и студентов-активистов. Уже 29 июня 1941 г. решением партбюро «для развертывания агитационно-массовой работы» был создан агитколлектив, его руководителем был назначен историк Ф.И. Сурин. И главным «оружием» общественников были лекции. Они постоянно читались в госпиталях, учреждениях, на предприятиях, призывных и сборных пунктах. Тематика была разнообразной: история войн, сущность германской агрессии, история орденов России и Советского Союза, о текущем моменте, втором фронте... Нет возможности подсчитать общее количество лекций, прочитанных историками в годы войны. Кроме того, были статьи в газетах «Красный боец», «Уральский рабочий», брошюре «Спутник агитатора» и многое-многое другое.

Плодотворно работали историки и в школах города – они непременно участвовали с докладами на всех методических конференциях учителей по проблемам отечественной и всеобщей истории. Г.А. Кулагина разработала специальную тему: «Патриотическое воспитание на уроках истории в 9-х классах», Ф.И. Сурин в составе научных работников с других факультетов был утвержден внештатным лектором при облоно»¹.

В 1943 г. «для ведения широкой научно-просветительской работы среди населения, чтобы вооружить широкие массы знанием, помочь преодолеть сохранившиеся еще пережитки бескультуры и предрассудков, содействовать формированию научного мировоззрения», при университете было создано бюро по научно-просветительской пропаганде и организована серия научно-популярных лекций по разным областям знаний². Историки стали выезжать со специальными беседами и в сельские районы области. В этом же году был открыт воскресный лекторий – университет для всех категорий слушателей.

И сами преподаватели, и студенты набирались знаний. Проводились встречи с офицерским составом военного округа, с А.С. Новиковым-Прибоем, М. Шагинян, П.П. Бажовым, другими

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 84. Л. 74; ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 48–50.

² Архив УрГУ. Д. 89. Л. 38–40.

крупными литераторами, жившими в то время в Свердловске. Конечно же, были коллективные посещения театра и кино, других культурно-массовых мероприятий¹.

В годы войны в целом, видимо, было не до спорта. Военный кабинет использовался как аудитория, спортзала не было. В мае 1945 г. партбюро констатировало: «было спортобщество «Наука», сейчас оно умерло и все необходимо поднимать заново»².

В целом отчеты ректора и партбюро зафиксировали большой вклад преподавателей и студентов университета в помощь фронту. Регулярными были сбор теплых вещей и отправка посылок, подписка на займы, добровольные отчисления в Фонд обороны, покупка билетов денежно-вещевых лотерей и многие другие благородные мероприятия. Только в 1941 г. вещей и денег было собрано на сумму более 75 тыс. руб., в 1942 г. эта цифра далеко перевалила за 100 тыс. руб.³

Автор не располагает конкретными фактами, но уверен, что преподаватели и студенты историко-филологического факультета внесли посильный вклад в благородное дело вуза. Поэтому текст поздравления И.В. Сталина в адрес ректора к Первомайскому празднику непосредственно можно относить и к ним:

«1943 г.

Свердловск

Свердловский государственный университет им. А.М. Горького

Ректору университета товарищу Елютину

Секретарю партбюро товарищу Сапожниковой

Прошу передать научным работникам, студентам и служащим Свердловского государственного университета имени А.М. Горького, собравшим кроме ранее внесенных 109000 рублей дополнительно 60000 на вооружение Красной Армии — мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин»⁴.

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 30; Д. 1777. Л. 4–45 и др.

² Там же. Ф. 285. Оп. 3. Д. 32. Л. 47.

³ Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 30.

⁴ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 3. Л. 9–10.

В годы войны значительно выросла партийная организация университета. В начале 1945 г. она состояла из 62 человек – 34 членов и 28 кандидатов в члены ВКП (б). По национальности русских было 40, евреев – 17, украинцев – 3, белорусов – 1, прочих – 1¹.

Становились кандидатами, членами ВКП (б) и историки. В конце первой части было отмечено, что 26 июня 1941 г. на первом партийном собрании военного времени кандидатом в члены ВКП (б) был принят В.В. Адамов. Он ответил на сложные вопросы присутствующих – «о родственниках жены», «отношении к событиям, имевшим место в связи с делом Донца» и многие другие, поэтому голосование было единогласным. Членом партии он стал в 1942 г., а 17 февраля 1944 г. ему, студенту V курса, было оказано доверие возглавить партийную организацию вуза².

Летом 1944 г. также единогласно была принята кандидатом в члены ВКП (б) Г.А. Кулагина. И ей «пришлось вспомнить» о тяжелом времени, когда она «была обвинена в потере бдительности и исключена из комсомола в связи с исключением мужа». Кандидатом ВКП (б) стал в 1944 г. и первый завкафедрой 1938 г. – А.И. Виноградов, «который в настоящее время укрепляет истфак»³.

Принимались кандидатами в ВКП (б) и студенты: в 1943 г. – Л. Коган, будущий профессор, С. Лившиц, активист на подсобном хозяйстве, в будущем – преподаватель, В. Зуйков, активный общественник, будущий профессор, в 1944 г. – М.Я. Миссель, отличник учебы, лектор горкома ВЛКСМ, П.П. Журавлев, лучший агитатор, А.Г. Рахманова, «отличница учебы, добровольно окончившая курсы медсестер и долгое время работавшая в госпитале»⁴. Этот список можно продолжить. Но книга – не справочное издание. Отметим лишь два фрагмента.

В этом же, 1944 году, когда принимали в члены партии Л.Н. Когана, на партсобрании прозвучали следующие слова: «Кто у нас не знает Льва Когана. Он хороший общественник, он выдвигнут в преподаватели основ марксизма-ленинизма, добросовестно

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 33. Л. 4 об.

² Там же. Д. 6. Л. 13; Д. 26. Л. 10.

³ Там же. Д. 26. Л. 72.

⁴ Там же. Д. 19. Л. 1; Д. 27. Л. 52.

готовится к занятиям и болеет душой за них... Есть у т. Коган недостаток – элементы зазнайства, их ему надо изжить»¹.

А в ноябре 1944 г. на историко-филологическом факультете была создана партгруппа. Парторгом был избран Ф.И. Сурин. Она была пока малочисленной, не насчитывала и 10 человек, работа разворачивалась медленно, за что руководитель получал нарекания от партбюро.

Обратим лучше внимание на фразу, отмеченную в характеристике А.Г. Рахмановой – курсы медсестер. В первой части книги было отмечено, что уже в довоенный период девушки историко-филологического факультета были лидерами в этом начинании. В первый месяц войны начали работать в госпиталях О. Вайнер, Н. Печатальщикова, А. Рахманова, И. Рукавишникова, их подружки-филологи В. Джалалова, Г. Другова, А. Селезнева.

С июля 1941 г. посещение шестимесячных курсов по подготовке медицинских сестер, видимо, стало «добровольно-обязательным». Это предположение (приказ не обнаружен) основывается на том, что в 1941 г. появилось много приказов ректора об исключении из числа студентов за пропуски этих весьма специфических занятий. Под формулировку «за непосещение занятий курсов медсестер из числа студентов исключить» попала и студентка-историк (в будущем известный педагог) З.И. Добрынина².

26 июля начальником курсов была назначена студентка-историк П. Корепанова. И уже в октябре вышел приказ ректора с объявлением благодарности 25 студенткам (16 из них – историки) «за успешное окончание курсов медицинских сестер без отрыва от производства». В их числе была Г. Анциферова, она уже работала в госпитале, с 31 июля возглавляла университетское партийное бюро; позднее она уйдет на фронт и с войны не вернется...

В процитированном выше приказе присутствуют удивительные слова: «без отрыва от производства». Видимо, для студентов военной поры все виды работ стали производством. Уже в июле 1941 г. студенты, в том числе и историки, поехали работать на строительство Алапаевского завода. Каникул не было.

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 27. Л. 10.

² Архив УрГУ. Приказы по личному составу. 1941 г. Л. 118.

Не успела пройти первая неделя учебных занятий (они начались с 1 августа), последовало новое распоряжение – отъезд на уборку урожая в Сысертский район. С середины сентября историки уже в колхозе Артинского района¹.

Трудности пришли неимоверные. Некоторые не выдерживали, отказывались от работ. Следовали приказы ректора об отчислении. Один из них коснулся студента-историка III курса В. Ушенина – «за отказ от сельскохозяйственных работ как дезорганизатора из числа студентов исключить»².

Трудности страны по обеспечению продовольствием проявились уже осенью 1941 г. Предвидя осложнения в будущем, острую нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве, ЦК ВКП (б) и СНК СССР издали совместное Постановление, по которому с 10 декабря во всех вузах был введен обязательный курс по основам сельского хозяйства, практическое обучение сельскохозяйственным работам и обязательное участие в них студентов³.

Многие студенты в связи с возросшими материальными трудностями одновременно с учебой работали на предприятиях. Им, на основании приказа ВКВШ от 5 сентября 1941 г., было предоставлено право «сдавать отчетности по пройденным курсам без обязательного посещения лекций». Постановление СНК СССР от 31 декабря 1942 г. «Об отмене свободного посещения занятий студентами высших учебных заведений» хотя и требовало установить «строжайшую дисциплину в вузах, принимая против нарушителей учебной дисциплины все меры, предусмотренные уставом высшей школы, вплоть до исключения из вуза», но сохранило льготы работающим студентам⁴.

Здесь необходимо отметить, что правительство изменило и порядок назначения стипендии. Если с 1940 г. ее получали только отличники (об этом подробно написано в первой части книги), то согласно Постановления СНК СССР от 13 сентября 1943 г. «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 151. Л. 10.

² Архив УрГУ. Приказы по личному составу. 1941 г. Л. 118.

³ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 84. Л. 64.

⁴ Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1943. № 1.

Красную Армию», вновь всем успевающим студентам назначалась стипендия. На I курсе она составляла 140, на II – 160, на III и IV – 185, на V – 210 рублей в месяц. Студентам-отличникам стипендия увеличивалась на 25%. Студенты предпоследнего и последнего курсов освобождались от призыва в Красную Армию¹.

Для того, чтобы оценить «потребительскую корзину» стипендии, необходимо сравнение карточной системы, которая существовала в годы войны, и подпольной системы «свободных рынков», которые официально были запрещены. Студентка факультета, филолог, писала: «Студенты получали продуктовые и хлебные карточки второй категории – служащие. Получив в конце месяца карточку в карточном бюро, кто хотел питаться в столовой, сдавал в бухгалтерию всю продовольственную карточку, кроме хлебной, и платил деньги за весь месяц. Примерно 100 рублей. Получал на руки абонементы: типографски отпечатанный лист с талонами на каждый день. На каждый день полагалось два талона: обед и завтрак»². Хватало? Конечно, мало. Но это военное время. Цены же рынков были страшные. «Для кого война, а для кого – мать родна!»: литр молока – 80-90 руб., килограмм картошки – 280 руб., 200 грамм сливочного масла – 170 руб. и т. д. Со студенческой стипендией на рынок ходить было не нужно. Будем откровенны – спекуляция процветала. И нечего греха таить, были спекулянты и среди студенчества, более того, среди членов ВКП (б). Они были и на истфаке...

Выше было отмечено, что партийная организация университета значительно выросла. Но были и исключения из партии. Протицуем документ, нелицеприятный для историков, но необходимый для установления исторической справедливости.

11 апреля 1944 г. партбюро университета рассмотрело «Дело Калюжного и Брейер». В. Калюжный – студент истфака, был в РККА, демобилизовался по болезни, в 1943 г. был принят в партию, как и Брейер, студентка, но какого факультета, установить не

¹ Сборник постановлений. 1943. № 12. С. 217.

² Сырова Т. М. Студенческие будни // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 140–142. В цитируемом тексте серьезная ошибка – студенты были приравнены в снабжении к II группе рабочих. А карточки рабочих и служащих были не равнозначны. – ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1662. Л. 76–87 – годовой отчет университета за 1942/43 учебный год.

удалось, видимо, филолог. Семейная пара. Ее, кстати, очень защищали в 1943 – начале 1944 г. от «нападок» со стороны партбюро Ф.П. Быстрых и Н.Х. Юдикис (она была председателем рабочего контроля по столовой и магазину университета).

Суть дела проста – спекуляция продовольственными карточками. Взяв фиктивно на иждивение младшего брата (на которого мать получала по месту работы также карточки), они их использовали на свои, семейные нужды, утверждали, что им не было известно, что мать также получает карточки.

Нет нужды разбирать подробно это грязное дело. Прочитируем только вопрос ректора и ответ на него:

«т. Елютин. С завода сообщают, что часто на квартире Калюжного устраивались вечеринки, часто бывали гости.

Ответ. Вечера были, но в складчину».

А также выдержки из выступления ректора и секретаря партбюро университета В. Адамова:

«т. Елютин. Калюжный клеветает на мать. Установлено, что отношения в семье нормальные, по всем данным с матерью они жили в ладах. Мать призналась, что о незаконном получении карточек вся семья знала. Брата Калюжный взял на свое иждивение для удобства и с выгодой: с тем, чтобы получать на него карточку, а не с тем, чтобы воспитывать брата. Ребенок и после того, как Калюжный взял его на свое иждивение, воспитывался матерью и все заботы лежали на ней. Калюжный совершил два преступления: 1. Незаконно получил карточку. 2. Подделал подпись Лызловой, сфабриковал справку, чтобы уклониться от ответственности. Брейер тоже знала о незаконном получении карточки на нее. За время ее работы в столовой за Брейер замечались нехорошие дела: продажа в большом количестве белых булочек. Было обнаружено, что Брейер уносила домой по 10 порций каши и масло и др. Пришлось предложить т. Брейер уйти с должности пом. директора столовой. Это характеризует моральный облик студентки Брейер.

Т. Адамов. Это тяжелый случай для парторганизации и притом – второй. Необходимо положить конец этим злоупотреблениям. Предать дело гласности.

Т. Брейер и Калюжный потеряли партийную совесть. Она отрицает свою вину, цепляется за каждое слово, чтобы избежать ответственности. Мать подтвердила, что все делалось с ведома се-

мы. Как коммунисты т. Брейер и Калюжный были обязаны следить за образом жизни матери и предостеречь ее от преступления, а не помогать ей в этом. Известно, что Брейер и Калюжный живут не по средствам. Вещи покупались за счет денег, идущих извне. Летом 1943 г. в университете раскрылось дело незаконного получения карточек. Брейер и Калюжный в это время уже совершали преступление и не сделали для себя выводов. Предлагаю исключить из кандидатов в члены ВКП (б) т. Брейер и Калюжного».

Партийное бюро приняло решение: «т. Брейер и Калюжного за незаконное получение двух карточек, за подделку подписи и фабрикование справки и за неискреннее поведение, выразившееся в непризнании своей вины исключить из кандидатов в члены ВКП (б). Секретарь Парتبюро: Адамов»¹.

В годы войны перед ВКВШ при СНК СССР вновь был поставлен вопрос о создании в университете Совета по защитам диссертаций. Первая попытка 1940 г. не была решена положительно. В военные годы, когда в Свердловск эвакуировались многие крупные ученые по различным специальностям, такое право университет получил. В 1942–1944 гг. из штатных сотрудников истфака кандидатскую диссертацию в 1944 г. защитил Ф.И. Сурин. Из преподавателей-совместителей степень кандидата наук была присвоена В.Н. Розенталь, М.Я. Сюзюмову, Д.Л. Похилевич. Доктором исторических наук в Свердловске стал А.А. Введенский. Он возглавлял кафедру истории СССР. Более подробно работа Ученого Совета военной поры отражена в двух публикациях Г.А. Кулагиной².

В 1944 г. ВКВШ при СНК СССР утвердил новое «Положение о научно-исследовательской работе». Здесь четко были определены (на основании предшествующих документов, упомянутых в предыдущей части) основные задачи деятельности вузов:

– подготовка в вузах научно-преподавательского состава, «смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки» (Сталин);

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 26. Л. 24–25; см. также Оп. 3. Д. 27. Л. 59–61.

² Кулагина Г.А. Записки секретаря Ученого Совета // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000. С. 113–122;
Кулагина Г.А. Свидетель века. Екатеринбург, 2005.

– наиболее полное привлечение профессорско-преподавательских кадров к выполнению научно-исследовательских работ;

– повышение научной квалификации профессорско-преподавательских кадров;

– практическое ознакомление учащихся высшей школы с постановкой и разрешением научных и технических проблем и привлечение наиболее способных из них к выполнению научных исследований.

Представлены и основные направления исследований:

– проведение теоретических и экспериментальных исследований общенаучного характера;

– разрешение научно-технических проблем, имеющих важное народнохозяйственное значение;

– выполнение научно-исследовательских работ по заданиям наркоматов, предприятий, научно-исследовательских институтов и других учреждений, а также оказание им научной и технической помощи;

– создание учебников и монографий, отражающих современное состояние науки и техники;

– выполнение исследовательских работ учебно-методического характера;

– популяризация достижений науки и техники путем проведения лекций и научных конференций, организация выставок и музеев, издания популярных брошюр, научно-исследовательских трудов вузов, сборников рефератов и аннотаций исследовательских работ по отдельным отраслям науки и техники¹.

В военный период реализовать изложенные в Постановлении пункты истории, конечно же, не могли. Но в научную работу активно стали вовлекаться студенты. На базе кружков в конце 1944 г. в университете появилось научное студенческое общество. Был выработан Устав, работало 11 кружков. И хотя президент общества, доцент Н.А. Финкельштейн, в мае 1945 г. отмечал, что «СНО пока не удовлетворяет запросов и стремлений студентов, занимающихся научной работой», начало было положено².

¹ Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1948. С. 302.

² ЦДОСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 32. Л. 25–26.

На факультете работал

Финкельштейн Наум Абрамович. В СГУ начал работать с 19 мая 1942 г. помощником ректора по административно-хозяйственной части. С 1 сентября 1944 г. исполнял обязанности доцента кафедры истории СССР. [Архив УрГУ. Приказы. Д. 89. Л.5]

В середине 1944 г. университет возглавил новый ректор – И.Д. Седлецкий. С первых дней руководства вузом он целенаправленно начал решать вопрос о переименовании университета. Помимо восстановления исторической справедливости, он, конечно же, решал насущные задачи – обретение помещений, оборудования, всестороннее обновление вуза. Война шла к победному завершению, ректор-ученый глубоко чувствовал необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов во всех отраслях знаний.

Уже 4 июля 1944 г. ректор выступил на партийном собрании с докладом «Об укреплении университета и перспективах его развития». Из многочисленных пунктов выделим лишь наиважнейшие: открытие новых факультетов, ботанического сада, астрономической обсерватории, «кафедры должны возглавлять профессора с именем», «в обучении необходим перелом – студент обязан быть высококвалифицированным»¹. Летом его доклады по проекту Постановления СНК СССР были заслушаны в ЦК ВКП (б), Наркомпросе.

В октябре 1944 г. планы были озвучены более широкой аудитории – на пленарном заседании университетской научной конференции И.Д. Седлецкий сделал доклад «24-я годовщина декрета СНК РСФСР об университете на Урале». (К слову – в секционных заседаниях здесь выступили 5 преподавателей истфака, в том числе Н.А. Финкельштейн с докладом об изучении истории Урала).

¹ ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 27. Л. 66–68 и др.

Университетом руководил

Седлецкий Иван Дмитриевич. Родился в 1907 г. в Винницкой губернии. В 1931 г. закончил сельскохозяйственный институт, с 1942 г. — доктор геолого-минералогических наук, с 1944 г. — профессор.

В Свердловск направлен из Московского гидромелиоративного института, 12 июня 1944 г. утвержден ректором. Именно при нем была восстановлена историческая справедливость — на основании Постановления СНК СССР № 339 от 22 февраля 1945 г. университет вновь стал именоваться Уральским.

Первый (с 1930-х годов) ректор-ученый. Видимо, не поладил с партийными органами и в 1946 г. направлен в Ростовский университет. Через год после его отъезда секретарь Свердловского обкома ВКП (б) по пропаганде необоснованно, на наш взгляд, писал: «... в результате негодного руководства бывшего ректора Седлецкого университет переживал крайне тяжелый период своей жизни».

Да, период жизни был тяжелый, но И.Д. Седлецкий много сделал для улучшения материально-бытовых условий вуза, учебной и научной работы. Необходимо глубоко изучить его деятельность на посту ректора и, естественно, включить его портрет в галерею ректоров УрГУ. [ГАСО. Ф. 2110. Оп. 5. Д. 111]

В это же время секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву было отправлено письмо, в котором отмечалось, что в 1920 г. он был «первым председателем организационного комитета по реализации декрета В.И. Ленина об учреждении университета в Екатеринбурге». Далее, естественно, следовала просьба — ускорить подписание нового документа. В письме отмечалось: «Существует проект Постановления Совнаркома СССР об Уральском университете. Проект исчерпывает вопрос о здании, о выделении специальных средств на оборудование и приобретение аппаратуры, о транспорте, о квартирах для профессоров и преподавателей и т. д. Этот проект в данное время находится в Совнаркоме СССР у товарища В.М. Молотова».

В конце письма убедительно звучало, что «празднование двадцатипятилетия Уральского университета и широкая подготовка к юбилею в ближайшее время дадут возможность привлечь к университету внимание широких кругов общественности и способствовать его роли как рассадника науки и культуры на Урале»¹.

В этой книге нет необходимости проследивать дальнейшие перипетии вопроса переименования. Отметим лишь, что 22 февраля 1945 г. вышло Постановление СНК СССР, в котором зафиксировано: «В целях создания на Урале научного и культурного центра по подготовке высококвалифицированных специалистов по различным отраслям наук, преобразовать Свердловский государственный университет им. А.М. Горького в Уральский государственный университет им. А.М. Горького, возложив на него подготовку научных и педагогических кадров для Урала и Западной Сибири»².

На основании Постановления университету выделялись значительные средства на приобретение литературы, ремонтные работы, новый автотранспорт и «промтовары для научных работников и студентов», определены две ежегодные премии (15 и 10 тыс. рублей) для награждения преподавателей за лучшие научные труды и многое другое. Важнейшим моментом заботы правительства о вузе было то, что местным властям приказывалось выделить университету солидное помещение для всех факультетов.

... Пока власти ищут подходящее помещение, прочитаем один важный документ 1944 года и представим историческое отделение на заключительном этапе военного времени.

В первой части книги было отмечено, что 5 сентября 1938 г. СНК СССР утвердил типовой Устав вуза. В начале 1939 г. Ученый совет утвердил Устав университета. А 6 марта 1944 г. ВКВШ при СНК СССР, на основании типового Устава, утвердил еще один важный документ – правила учебного распорядка в вузах. Они содержали 33 пункта, которые определяли организацию и порядок проведения учебных занятий, основные обязанности студентов, работу кафедр и профессорско-преподавательского состава, обя-

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1877. Л. 131–132.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 3. Л. 35–36.

занности декана факультета. Особо был выделен раздел о взысканиях за нарушение дисциплины.

33 пункта цитировать сложно, некоторые из них сегодня не актуальны. Но некоторые пункты документа почти 65-летней давности представляют интерес.

«I. Организация и порядок проведения учебных занятий.

... 3. Продолжительность академического часа определяется в 45-50 минут. О начале учебного занятия преподаватели и студенты извещаются двумя звонками: первый дается за две минуты до начала академического часа, в целях своевременного сбора студентов, второй звонок извещает о начале занятий. По окончании занятий дается один звонок.

4. Вход студентов в аудитории после второго звонка запрещается до перерыва...

7. В каждой группе приказом директора (по представлению декана) назначается староста из числа наиболее успевающих и дисциплинированных студентов.

8. Староста группы подчиняется непосредственно декану факультета, проводит в своей группе все его распоряжения и указания.

9. В функции старосты группы входит:

а) персональный учет посещения студентами всех видов учебных занятий;

б) представление декану факультета ежедневного рапорта о неявке или опоздании студентов на занятия, с указанием причин опоздания;

в) наблюдение на лекциях и практических занятиях за состоянием учебной дисциплины в группе, а также за сохранностью учебного оборудования и инвентаря;

г) своевременная организация получения и распределения среди студентов группы учебников и учебных пособий;

д) извещение студентов об изменениях, вносимых в расписание деканом факультета;

е) назначение на каждый день, в порядке очереди, дежурного по группе.

10. Распоряжения старосты в пределах указанных выше функций обязательны для всех студентов группы.

11. В каждой группе ведется журнал установленной формы; журнал хранится у старосты группы, который отмечает в нем присутствующих и отсутствующих на занятиях студентов.

II. Основные обязанности студентов.

... 13. Студент обязан успешно сдавать зачеты и экзамены в установленные расписанием сроки.

14. Посещение студентами всех видов учебных занятий является обязательным.

15. При неявке на занятия по уважительным причинам, студент обязан не позднее, чем на следующий день поставить об этом в известность декана факультета и в первый день явки в учебное заведение представить данные о причинах пропуска занятий. В случае болезни студент представляет декану факультета справку амбулаторного врача или лечебного учреждения.

16. При входе преподавателя в аудиторию студенты обязаны приветствовать его вставанием.

При вопросах и ответах преподавателю студенты обязаны вставать».

Опустим раздел о работе кафедр и обязанностях профессорско-преподавательского состава (этому в обеих частях книги уделено значительное место). Более примечателен раздел, где определены обязанности декана:

«Декан факультета:

а) организует методическую работу кафедр и руководит ею, а также проводит методические совещания на факультете по установленному плану;

б) составляет в конце семестра расписание учебных занятий, а также сводный график выполнения студентами заданий, проектов и т. п. и после обсуждения их с заведующими кафедрами данного факультета представляет на утверждение директору вуза;

в) организует персональный учет успеваемости студентов;

г) регулярно посещает кафедры своего факультета, присутствует на лекциях и практических занятиях, проверяет работу научных сотрудников кафедр, следит за дисциплиной студентов;

д) заслушивает не реже одного раза в семестр отчеты ведущих кафедр об учебной, методической и научно-исследовательской работе кафедр;

е) представляет директору вуза предложения о наложении дисциплинарных взысканий на студентов, нарушивших учебную дисциплину».

Взыскания студентам, изложенные в заключительном разделе правил, были традиционными: замечание, выговор, строгий выговор. По истечении года они, если студент не допустил нового нарушения, снимались приказом ректора. Но заключительный пункт был строгим: «Студенты, систематически не посещающие учебных занятий без уважительных причин, нарушающие правила распорядка, а также совершившие порочащие их поступки, приказом директора исключаются из вуза»¹.

По этим правилам и жили студенты в начале 1945 г., когда с 5 по 22 февраля, во время зимней экзаменационной сессии, в университете проводилась комплексная проверка комиссией из Уральского индустриального института во главе с профессором Н.С. Сиуновым. Она фактически подводила итоги его работы в военное время. Комментировать выводы комиссии по обследованию исторического отделения нет необходимости. Поэтому предоставим слово самим проверяющим.

«Трудовая дисциплина студентов чрезвычайно низкая. Сотрудники деканата много грозили, но не приводили угрозы в исполнение. Теснота, холод, грязь, ночные смены и т. п. — все это, естественно, не создавало нормальных условий для работы студентов. Были случаи, когда занятия проходили в совершенно пустой комнате, без столов, стульев и доски. Как студенты, так и преподаватели занимались стоя. Отсутствие подходящих аудиторий, света часто было причиной срыва занятий.

Узаконенным было и снятие студентов с лекций на хозяйственные нужды.

Аудиторий для экзаменов нет, поэтому они проходили всюду, в любых условиях. Так по расписанию занятия по иностранному языку стояли с 11 часов 30 минут до 1 часа ночи. Никто из студентов на эти часы не оставался, и занятия систематически срывались.

¹ Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1944. № 3.

На кафедрах календарных планов проведения лекций нет, отсутствие контроля приводит к невыполнению программ. Так, лектор Юдикис по курсу «Древняя история» из 72-часового курса израсходовал 42 часа на один раздел – Египет. Такие разделы, как Индия, Китай, Ассирия совершенно остались незатронутыми....

Внутрисеместровый контроль за работой студентов не осуществляется, деканом не планируется и фактически не регулируется.

Исключительно тяжелое положение с учебно-вспомогательными помещениями привело к тому, что серьезной планомерной постановки методических вопросов пока нет. Проводятся открытые лекции и их стенографирование. В последнем случае лектор предупреждается за пять минут до начала. Стенограмма дается на отзыв и после этого обсуждается на заседании кафедры.

Очень много академических задолженностей. Повседневная борьба за их ликвидацию отсутствует. Контроля за самостоятельной работой студентов нет»¹.

Побывали члены комиссии и на экзаменах, как по отечественной, так и по всеобщей истории. В обоих случаях они отметили желательность повышения качества знаний студентов. Привели они и некоторые примеры ответов.

«Низкий уровень был на экзамене «История народов СССР». Ответы студентов были сугубо фактологическими, носили примитивный характер. Говоря о Крымской войне, студенты не могли указать причины ее возникновения, ее влияние на дальнейшую жизнь России. Студенты имеют весьма путанные понятия о реформе 1861 г. и т.д. Нет понимания исторического процесса. Несмотря на плохие знания студентов, неудовлетворительных оценок не было».

На экзамене у доцента Н.Х. Юдикиса приведен более конкретный пример: «На вопрос экзаменатора – существует ли сейчас Египет? – студентка совершенно уверенно ответила, что нет. На вопрос – чья территория больше, Советского Союза или древнего Египта, студентка также уверенно ответила, что территория Египта значительно больше. На вопрос – где имелось золото в древнем Египте, студентка ответила – в Сицилии, спутав, как потом было установлено при помощи экзаменатора, Сицилию с Синайским

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1879. Л. 21–25.

полуостровом. Несмотря на это, студентка получила посредственную оценку»¹.

Комиссия в целом удовлетворительно оценила историков, и итоговая оценка очень мягкая – «одним из решающих факторов, определивших неудовлетворительные итоги экзаменационной сессии, являются исключительно трудные условия работы: отсутствие учебных помещений, теснота и холод»². Но для объективности необходимо добавить – по многочисленным причинам во время войны качество обучения снизилось. Снизился и уровень подготовки выпускников. Решением этой проблемы займется уже послевоенный истфак.

Помещение для университета было найдено...

И.Д. Седлецкий был ярким сторонником жесткой, но разумной дисциплины, не терпел расхлябанности и разгильдяйства. Очень часто в строки его суровых приказов попадал историко-филологический факультет и конкретные историки. Так по результатам проверки ректор издал обширный приказ. Чтобы избежать ошибок в очередную сессию, «штурмовщины» перед экзаменом, он требовал от преподавателей создания на семинарских занятиях «интенсивной самостоятельной работы каждого студента», установления обязательного минимума домашних заданий по всем дисциплинам и их проверки и многого другого. Обычный, но в то же время и необычный, приказ ректора после проверки и сессии...

В этом приказе вновь повторен пункт о необходимости выполнения приказа полугодовой давности: «Прикрепить к каждой учебной группе преподавателя из числа наиболее опытных педагогов, возложить на него проведение воспитательной работы и оказания помощи в самостоятельных занятиях»³. Да, с ноября 1944 г. в университете, как и на факультете, стала внедряться система кураторов студенческих групп. Она успешно работала длительное время, существует и по сей день. Первыми кураторами у историков были доценты Н.А. Бортник и М.А. Горловский.

В приказе ректора от 1 апреля 1945 г. отражены негативные моменты руководства факультетом: «Работа деканата историко-

¹ ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 6. Д. 1879. Л. 34–35.

² Там же. Л. 25.

³ Архив УрГУ. Д. 89. Л. 35–37.

филологического факультета проходит неудовлетворительно. В частности, в неудовлетворительном состоянии дисциплина на факультете. Декан факультета, доцент Виноградов А.И., на факультете бывает мало, не принимает никаких мер для укрепления дисциплины и даже не сообщает в учебную часть о срыве занятий». Декан получил выговор, его обязали «ежедневно бывать на факультете с 11 до 14 часов»¹.

Постепенный, но столь желанный переход к мирной жизни наметился. Он ощущался по многим косвенным моментам. Так, 28 мая 1945 г. на полтора месяца для работы в архивах и библиотеках Москвы были разрешены командировки доцентам Н.А. Финкельштейну и Ф.И. Сурину². Ранее, в марте этого года, «для проведения кандидатских испытаний В.Я. Кривоногова» (в будущем профессора истфака – А.Ч.) была создана комиссия под председательством И.И. Крыльцова³. А еще ранее, в 1944 г., студентам впервые за годы войны были предоставлены двухнедельные каникулы «без мобилизации на любые работы»⁴. Можно приводить и другие подобные примеры. Остановимся на главном.

В военный период состоялось три выпуска историков. Первый, ускоренный (студенты заканчивали вуз по сокращенной программе), был проведен в июне – июле 1942 г. А до этого выпускники в течение двух месяцев сдавали государственные экзамены.

Положение о государственных экзаменационных комиссиях (ГЭК) и требования, предъявляемые к выпускникам, были утверждены СНК СССР 9 мая 1938 г.⁵. Небезынтересно отметить некоторые пункты этого документа.

Председатель ГЭК утверждался ВКВШ при СНК СССР, а члены ГЭК – начальником главного управления учебными заведениями наркомата. Работа ГЭК происходила по сессиям два раза в год – с 1 по 30 июня и с 1 по 31 октября. Сдача государственных экза-

¹ Архив УрГУ. Д. 91. Л. 30.

² ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 84. Л. 85.

³ Архив УрГУ. Д. 89. Л. 114.

⁴ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 84. Л. 20.

⁵ Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957. С. 137–138.

менов и защита дипломного проекта позднее, чем через два года после окончания обучения в вузе, не допускалась.

Директор вуза подписывал приказ на всех лиц, допускаемых к государственным экзаменам или к защите дипломного проекта.

Для подготовки к госэкзаменам студентам предоставлялся отпуск – 1-2 месяца, для выполнения дипломного проекта – 4-6 месяцев. Решение об оценке по каждой дисциплине, о защите дипломного проекта, присвоении квалификации, степени диплома принималось ГЭК на закрытом заседании большинством голосов.

Студенты, не сдавшие госэкзамены или не защитившие дипломный проект, допускались к повторной сдаче или защите в следующую сессию. Но они были обязаны сдавать экзамены вторично по всем дисциплинам, кроме тех, по которым получили отличные оценки. В случае неудовлетворительной повторной сдачи госэкзаменов или защиты дипломного проекта, выпускниками выдавался не диплом, а свидетельство без присуждения квалификации с перечнем сданных дисциплин.

Студенты, выполнившие учебный план с отметкой «отлично» и «хорошо» по всем предметам и сдавшие госэкзамены (защитившие дипломный проект) на «отлично», получали диплом с отличием.

Первым председателем комиссии у историков был утвержден вице-президент АН СССР академик В.П. Волгин. Он не присутствовал на заседаниях по уважительным причинам – болезни и служебной командировки в Москву, – но итоговый отчет подписал.

В состав комиссии входили профессора А.А. Введенский и Мемоданов, доценты Н.Х. Юдикис, В.Н. Розенталь.

В первом отчете председателя ГЭК были следующие строки: «Уровень знаний студентов-выпускников историков по всем предметам был невысок. Он ограничился лишь учебником, да и тот был недостаточно изучен. Слаба начитанность, особенно монографических работ и источников, рекомендованных программой. Но необходимо учесть, что истфак к тому моменту существовал только четвертый год, делал первый выпуск. Студенты-историки учились первые три года с большими перебоями: мало было квалифицированных преподавателей (профессоров и доцентов), не было стабильных вузовских учебников, ощущался острый недостаток в университетской библиотеке монографической, историко-коведческой, иностранной и журнальной литературы, практикумов

было мало, курсы историографии и источниковедения не читались.

Немаловажное значение имело и сокращение срока обучения на 1 год. Это привело к тому, что студенты не сумели углубить знания по специальности, так как не было итоговых курсовых работ.

Ректоратом была проведена основная подготовительная работа: заблаговременно составлены программы и списки литературы, экзаменаторы составили вопросники. Были организованы и проведены, хотя и с опозданием и в недостаточном количестве, консультации и обзорные лекции. Студенты не были проинструктированы, по вине деканата, как лучше готовиться к комплексному экзамену. Недостаточен срок для подготовки – 3 недели.

Основы марксизма-ленинизма, историю ВКП (б) и основы диамата студенты знали, читали отдельные произведения классиков марксизма-ленинизма, но усвоили это очень поверхностно. Понимая суть диамата, не все студенты могли доказать отдельные его положения разнообразными примерами-фактами из естественных и гуманитарных наук. Хронология важнейших фактов и сами факты были усвоены не твердо.

Нехватка времени привела к тому, что исторический процесс был изучен неглубоко, без знания деталей и историографии. Студенты слабо ориентировались в источниках по литературе нового времени, знании истории Средней Азии и Кавказа, международных отношений XVIII–XIX вв., ощущались пробелы в вопросах культуры».

Заключительная фраза отчета все-таки была положительной: «Несмотря на пробелы в знаниях, результаты экзаменов в целом были признаны удовлетворительными»¹.

Дипломы об окончании СГУ с квалификацией *учитель средней школы по специальности «история»* получили:

1. Анциферова Галина Федоровна	13. Найштейн Валентина Исааковна
2. Бойняк Александр Степанович	14. Остренко Анатолий Филиппович
3. Богомолова Людмила Дмитриевна	15. Попов Василий Петрович
4. Бузановский Людвиг Фомич	16. Печатальщиков Ника Семеновна
5. Гаузнер Николай Дмитриевич	17. Пелегова Ирина Викторовна
6. Дудочка Семен Дмитриевич	18. Пестова Людмила Дмитриевна

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 89. Л. 18–22.

-
7. Коваленко Вадим Павлович	19. Ростунов Иван Иванович
8. Кравцова Зинаида Михайловна	20. Румянцева Нина Михайловна
9. Князев Николай Николаевич	21. Смирнов Михаил Израилевич
10. Калачев Виктор Иванович	22. Серов Андрей Иванович
11. Мишин Михаил Григорьевич	23. Султанов Владимир Петрович
12. Назаров Андрей Павлович	

Три выпускника – Н.Н. Князев, И.И. Ростунов, М.И. Смирнов – получили диплом с отличием¹.

Истфак СГУ дал первых молодых специалистов. Они начинали трудовую деятельность. А к молодым специалистам у руководства страны всегда было пристальное внимание. Они строго смотрели на их предназначение. Еще 15 сентября 1933 г. ЦИК и СНК СССР зафиксировали:

«1. Все оканчивающие высшие учебные заведения и техникумы молодые специалисты обязаны, как обучающиеся за счет государства, проработать в течение пяти лет в определенных пунктах на производстве по указанию наркоматов, в ведении которых находятся соответствующие учебные заведения. В течение указанного срока наркоматам и учреждениям, в ведении которых находятся высшие учебные заведения и техникумы, запрещается оставлять на работе в управленческом аппарате окончивших учебу молодых специалистов.

2. Все молодые специалисты... обязательно должны пройти школу низшего административно-технического персонала. В этих целях они должны направляться на работу по своей специальности непосредственно на производство в качестве рядовых специалистов. Категорически запрещается использовать молодых специалистов не по специальности, по которой они готовились в учебном заведении.

3. Всякое самовольное устройство на работу после окончания учебного заведения и неприбытие к месту работы согласно выданному ведомством наряду должно рассматриваться как нарушение закона. А виновные в этом должны привлекаться к судебной ответственности.

4. Распределение молодых специалистов производится наркоматами, в ведении и подчинении которых находятся соответст-

¹ Архив УрГУ, текущее делопроизводство. Алфавитная книга выпускников.

вующие учебные заведения. Обязать наркоматы поставить дело распределения таким образом, чтобы за год до окончания учебного заведения учащийся знал, на какое предприятие он будет командирован, и чтобы его преддипломный проект и дипломная практика обязательно были связаны с характером его будущей работы»¹.

И позднее послаблений не было. Напротив, меры ужесточались. В 1936 году было определено:

«а) Полностью отменить практику распределения окончивших высшие учебные заведения непосредственно вузами.

Установить, что персональное распределение окончивших вузы утверждается лично наркомом и назначения о направлении их на работу, с указанием места работы, должности и зарплаты, выдаются за подписью народного комиссара и начальника соответствующего главного управления...

в) Обязать наркоматы за шесть месяцев до сдачи студентами государственных экзаменов и защиты ими дипломных работ персонально ознакомиться с оканчивающими вузы и наметить план их распределения на работу.

г) Установить, что план персональных назначений на работу оканчивающих высшие учебные заведения наркоматы обязаны предоставлять в СНК СССР и в Центральный Комитет ВКП (б) не позднее, чем за месяц до выпуска.

д) Запретить наркоматам снимать со стипендии и отчислять из вузов выпускников, защитивших дипломные работы и сдавших государственные экзамены до получения ими путевок на работу.

е) Предложить наркоматам взять на персональный учет всех специалистов, имеющих высшее образование, и установить такой порядок, при котором наркомат знал бы о перемещениях этих специалистов на другую работу»².

А 8 мая 1941 г. вообще было зафиксировано, что «всякое уклонение молодых специалистов от работы по нарядам надлежащего ведомства, в частности, самовольное устройство на другую работу и неприбытие в срок к месту работы по наряду, должно квалифи-

¹ Собрание законов СССР. 1933. № 59. С. 356.

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Правда. 1936. 6 марта.

цироваться по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.»¹. А указ был очень жесткий.

20 декабря 1943 г. начались Государственные экзамены второго выпуска. Студенты имели всего 20 дней для подготовки, но для них были прочитаны обзорные лекции и проведены консультации по всем дисциплинам.

Государственную комиссию возглавлял доктор юридических наук профессор И.И. Крыльцов. В ее состав входили доценты Ф.П. Быстрых, В.Н. Розенталь, Н.А. Бортник, Н.Х. Юдикис. Дополнительными экзаменаторами были и.о. доцента М.А. Горловский и Ф.И. Сурин.

На факультете работал

Горловский Моисей Аронович. Родился в 1912 г. в Гомеле. Окончил в 1937 г. криминалистический факультет Ленинградского юридического института. В 1938—1941 гг. — аспирант этого вуза. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «юридические науки» и был направлен в Свердловск, работал заведующим учебной частью Свердловской юридической школы. В СГУ с 10 октября 1942 г. С 1944 г. — доцент, с 1945 — заведующий кафедрой истории СССР. В послевоенные годы также работал в университете. Умер в 1964 г. [Историки Урала XVIII—XX вв. Екатеринбург, 2003. С. 16]

На экзамене студенты получали билеты с вопросами. Для подготовки к ответу им предоставлялась возможность использовать программы и исторические карты. Был сделан вывод о том, что подобный метод ведения государственного экзамена необходимо сохранить и в дальнейшем.

Председатель комиссии в отчете отметил: уровень политических знаний студентов был вполне удовлетворительным, что трудно сказать относительно их специального развития. Заметна была недостаточная начитанность студентов, как по общим вопросам, так и по специальным.

¹ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР. Приложение. М., 1941. С 125.

Лучшими были ответы студентов С.Д. Гинзбург, С.И. Вольфсон, Б.И. Вольфсон, Л.Г. Томашпольского, «обнаруживших не только знание материала учебников, но и знакомство с монографической литературой. Они твердо знали хронологию и хорошо ориентировались по исторической карте, говорили четко, ясно, культурно». Л.Г. Томашпольский был рекомендован в аспирантуру.

По итогам экзаменов комиссия пришла к выводу, что необходимо отменить комплексный экзамен по истории, так как он «исключает всякую возможность глубокой проверки знаний студентов»¹.

Второй выпуск 1944 года дал еще 20 профессиональных историков. В.В. Адамов получил диплом с отличием, был оставлен работать на факультете.

Список выпускников представляется в следующем виде²:

1. Адамов Владимир Васильевич	11. Зыкова Нина Ивановна
2. Андреева Валентина Васильевна	12. Калужный Вячеслав Иванович
3. Баннова Александра Васильевна	13. Колобаева Вера Андреевна
4. Бурак Нина Кирилловна	14. Комячина Мария Ивановна
5. Вольфсон Борис Ильич	15. Корепанова Полина Александровна
6. Вольфсон Соломон Ильич	16. Махнев Анатолий Константинович
7. Гинзбург Сара Давыдовна	17. Михайлова Галина Васильевна
8. Губанова Мария Яковлевна	18. Рахманова Анна Гавриловна
9. Дегтярева-Андреева
Валентина Максимовна	19. Томашпольский Лев Григорьевич
10. Зуйков Валентин Николаевич	20. Шиленко Павел Карпович

Работа ГЭК 1945 г. была особой. В этом году факультет одновременно заканчивали студенты IV курса (они учились на один семестр меньше срока) и V курса исторического и филологического отделений. Поэтому и состав комиссии был сборным. Возглавлял ее профессор С.З. Каценбоген, в состав входили профессор А.П. Георгиевский, доценты Н.А. Бортник, А.И. Виноградов, Л.А. Гладковская. В качестве дополнительных экзаменаторов по истории были привлечены доценты В.Н. Розенталь, М.А. Горловский, Ф.П. Быстрых и преподаватель В.В. Адамов³.

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 89. Л. 78.

² Архив УрГУ, текущее делопроизводство. Алфавитная книга выпускников.

³ Там же. Д. 90. Л. 40–41.

На факультете работал

Адамов Владимир Васильевич. Родился 16 января 1914 г. в г. Мценске Орловской губернии. В 1938 г. поступил на исторический факультет СГУ. В начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. В июле 1942 г. после тяжелого ранения вернулся в университет. Был секретарем партийного бюро вуза. С 1944 г. работал в должности старшего преподавателя кафедры истории СССР. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Горнозаводская промышленность Урала в годы Первой мировой войны». С 1956 г. — доцент, в 1966—1974 гг. возглавлял кафедру истории СССР. Умер в 1985 году. [Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000. С. 200]

Ввиду того, что выпускники также впервые, кроме госэкзаменов, защищали дипломную работу, работа ГЭК была длительной, по сессиям. Всего с 28 апреля по 25 августа было проведено 19 заседаний. Все они впервые протоколировались секретарем ГЭК. Историков было немного — всего 17 человек, все они заключительный этап обучения прошли успешно, 7 человек защитили дипломную работу на «отлично», 3 — на «хорошо» и 7 — на «посредственно»¹.

В приказе об окончании вуза значились:

1. Битюцкая Елизавета Михайловна	10. Пинус Валентина Зиновьевна
2. Гурке Моисей Абрамович	11. Рязанцева Александра Антоновна
3. Гонштак Жозефина Марковна	12. Ринтель Михаил Яковлевич
4. Дэр Юлия Густавовна	13. Рукавишниковна Ирина Владимировна
5. Зотова Вера Вячеславовна	14. Тихомирова Зинаида Григорьевна
6. Коган Лев Наумович	15. Штейнбрюк Гизелла Оттовна
7. Лукашевич Лариса Николаевна	16. Эпштейн Сусанна Иосифовна
8. Лесина Маргарита Александровна	17. Язева Татьяна Васильевна
9. Миссель Михаил Яковлевич	

Л.Н. Коган и Ж.М. Гонштак получили дипломы с отличием. Им, а также М.А. Гурке, Ю.Г. Дэр, М.Я. Ринтель была присвоена квалификация научного работника в области исторической науки,

¹ ГАСО. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 89. Л. 58–59.

преподавателя вуза и звание учителя средней школы. Остальным выпускникам было присвоено звание учителя средней школы¹.

Таким образом, в военные годы факультет подготовил 60 молодых специалистов-историков. У сегодняшних студентов есть широкое поле для исследований – изучить жизненный путь этих выпускников. А на факультете возможно открытые специальной портретной галереи студентов, закончивших обучение с «красным дипломом».

На факультете работал

Судаков Сергей Александрович. В 1929 г. окончил Ленинградский институт истории искусств. В 1932–1941 гг. участвовал в археологических исследованиях на территории Узбекистана и Туркмении. В 1940 г. защитил диссертацию на степень кандидата искусствоведческих наук. Знал французский, иранский, таджикский и иные языки.

С 1941 г. на фронте, был контужен, находился на лечении в госпитале в Свердловске. С 1944 г. — на истфаке, преподаватель археологии. [Архив УрГУ. Связка 23. Личное дело С.А. Судакова]

Университет и факультет готовились к новому учебному году. 18 июля 1945 г. ректор потребовал от деканата, заведующих кафедрами и кабинетами (на факультете их было три: кабинет археологии и этнологии возглавлял доцент С.А. Судаков, истории Урала – и.о. доцента Н.А. Финкельштейн, диалектологии Урала – профессор А.Л. Георгиевский) к 1 сентября закончить « всю организационную работу » в новом помещении².

14 сентября 1945 г. ректор подписал приказ о зачислении на I курс исторического отделения, в котором значились следующие студенты:

¹ Архив УрГУ, текущее делопроизводство. Алфавитная книга выпускников.

² Архив УрГУ. Оп. 1. Д. 91. Л. 43–44.

1. Афанасьева О.К.	18. Парамонова Н.Н.
2. Бабушкин С.М.	19. Пермякова А.А.
3. Борисова В.М.	20. Петрова М.Н.
4. Брюханова З.А.	21. Поздеев Д.П.
5. Вильчко Я.А.	22. Полухина ЗИ.
6. Деньшина Г.С.	23. Протасова Т.И.
7. Дергачева Е.Т.	24. Разумовская И.Н.
8. Дьякова Ю.Г.	25. Сапунова В.М.
9. Житкова И.Ф.	26. Скобелина Р.Я.
10. Замураев Е.Н.	27. Словцова И.Н.
11. Иващенко Н.М.	28. Стрельцова А.М.
12. Добрынина М.Г.	29. Сыроежкина М.К.
13. Кормина Р.Д.	30. Фяшко Н.И.
14. Клюева Н.А.	31. Цыпина Л.Л.
15. Королева Я.П.	32. Шевелева М.М.
16. Лимонов Г.А.	33. Шилина Г.В.
17. Малых Е.П.	34. Шуплецкова Н.И.

Начинался новый, первый послевоенный учебный год. Это уже и новый этап в истории факультета. Его развитию и дальнейшему совершенствованию будет посвящена третья часть книги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закончилось повествование о первых сложных, пасмурных, героических, трудных, счастливых годах жизни факультета. Он родился и окреп. Нет нужды подводить итоги, писать – в результате проделанной работы можно сделать следующие выводы... Подводить итоги и делать выводы будем позднее, когда факультет проживет вторую половину XX века, войдет в XXI, – к 75-летию.

Поэтому заключение будет кратким. В дате основания исторического факультета присутствует цифра «8». Она означает бесконечность. Значит, читателя ждут новые страницы истории. Автор исследования короткого исторического периода прекрасно видит недочеты и нерешенные проблемы. И все же он удовлетворен проделанной работой – начало изучению истории факультета положено. Но освещенной оказалась лишь десятая часть пройденного им пути.

Критикам автор желает написания альтернативных книг, а к доброжелателям только одна просьба – быстрее лично включиться в работу по написанию дальнейшей истории факультета. Работы на всех хватит, как доброжелателям, так и критикам.

Работа над книгой окончательно убедила – факультету необходим архив-музей. Здесь должны храниться документы всех поколений историков. Собирать материалы пришлось очень сложно. Нужны студенты-активисты. Уверен, что и сегодня они есть, как были в середине 1960-х годов, когда собирался материал о Великой Отечественной войне.

И последнее. К очередной «круглой» дате предполагается издать полную, дополненную и исправленную, историю факультета, а также специальную энциклопедию. Поэтому необходимо создать портретную галерею деканов факультета, а на кафедрах, в лабораториях и кабинетах нужно восстановить, а если их нет, то создать заново Альбомы истории. Это очень важно, так как чрезвычайно трудно по имеющимся документам проследить судьбу лаборантов

кафедр и других сотрудников факультета. Как правило, это были студенты, которые, окончив университет, уходили и продолжали свою работу – кто в университете, а кто и на ином поприще.

Поэтому всем заинтересованным лицам необходимо представить в деканат замечания и предложения по данной книге, новые материалы, воспоминания, документы о преподавателях, сотрудниках, выпускниках факультета, о работе кафедр, кабинетов и лабораторий. Только солидный комплекс документов позволит выполнить задуманные начинания. Срок работы ограничен. Пройдет всего 5 лет, и факультет будет отмечать свое 75-летие.

Историки должны знать свою историю.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОЧНИКИ

1.1 Опубликованные источники

Собрание законов СССР. М., 1933. № 59. С. 356; 1937. № 73. С. 354.

Сборник постановлений СССР. М., 1940. № 1. С. 6; № 18. С. 433; № 27. С. 637; № 28. С. 676; № 31. С. 785; 1941. С. № 16. С. 311.

Постановления партии и правительства о высшей школе. Сборник постановлений ЦК ВКП (б) и СНК СССР и РСФСР за 1931–1939 гг. М.: Изд-во Наркомпроса РСФСР. М., 1939.

Бюллетень ВКВШ при СНК СССР. 1943. № 1.

XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1939.

Высшая школа. Основные постановления и инструкции. М., 1948.

Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957.

О преподавании гражданской истории в школах СССР: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б). Правда. 1934. 16 мая.

О распределении окончивших высшие учебные заведения студентов: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б). Правда. 1936. 6 марта.

Вертлецкая Е.В., Реброва Е.Ф., Федорова М.А. Репрессии в среде преподавателей высших учебных заведений города Свердловска в 1937–1938 гг. // Архивы Урала. 2006. № 9-10. С. 260–281.

Евгений Давыдов: 1920–1944. Дневники и письма. Екатеринбург, 2005.

Степанова Г.И. Наука на службе фронту (к 85-летию Уральского государственного университета им. А.М. Горького) // Архивы Урала. 2006. № 9-10. С. 9–25.

1.2 Неопубликованные источники

Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. Р-1 – Управление Федеральной службы безопасности по Свердловской области. Оп. 2. Д. 15800.

Государственный архив Свердловской области. Ф. 2110 – Уральский государственный университет. Оп. 2. Д. 3, 5, 6, 7, 10, 40, 49, 59, 68, 73, 74, 78–89, 312, 1237–1239. Оп. 5. Д. 35, 40, 42, 68, 103, 111, 151.

Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4 – Свердловский областной комитет КПСС. Оп. 9. Д. 1058. Оп. 34. Д. 241. Ф. 161 – Свердловский городской комитет КПСС. Оп. 6. Д. 717, 1009, 1468, 1662, 1877, 1879. Ф. 198 – Свердловский городской комитет ВЛКСМ. Оп. 1. Д. 82. Ф. 285 – Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Оп. 2. Д. 7, 8, 9, 10, 13, 16. Оп. 3. Д. 6, 19, 20, 26, 27, 32, 33.

Архив Управления Федеральной службы безопасности по Свердловской области. Ф. 1 – Фонд приказов и распорядительных документов. Оп. 1. Д. 146, 163.

Архив УрГУ. Документы по основной деятельности и личному составу. Д. 71, 89–93; Алфавитная книга выпускников.

Музей УрГУ. Рукописный фонд истфака.

2. ИССЛЕДОВАНИЯ

Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М., 1957.

Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958.

Герои Советского Союза. Т. 1. М., 1987.

Горловский М.А., Чуфаров В.Г. Уральский государственный университет (краткий исторический очерк). Свердловск, 1956.

275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись. СПб., 1999.

Елютин В.П. Высшая школа СССР за 50 лет (1917–1967). М., 1967.

Елютин В.П. Высшая школа страны социализма. М., 1950.

Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2003.

Исхаков Р.Л., Ситникова М.В. Прикосновение к харизме. Екатеринбург, 2006.

- Кафтанов С.В.* Высшее образование в СССР. М., 1950.
- Коган Л.Н.* Таким лектором надо гордиться // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000.
- Кулагина Г.А.* Записки секретаря Ученого совета // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000.
- Кулагина Г.А.* Исторический факультет // Очерки истории Уральского университета. Свердловск, 1967.
- Кулагина Г.А.* Свидетель века. Екатеринбург, 2005.
- Летопись исторического факультета МГУ (1934–1994). М., 1995.
- Летопись Московского университета (1755–1979). М., 1979.
- Мазур В.А.* Война не проходит бесследно // Уральский университет. 1944. Декабрь. № 10.
- Мазур В.А.* Политические настроения студентов в начале Второй мировой войны (1939 – июнь 1941 гг.) // 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 1995.
- Московский государственный университет. М., 2005.
- Мы постигаем логику живого. 60 лет биологическому факультету Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2004.
- Перевалов В.А.* Историк А.А. Введенский в Уральском университете. // Известия Уральского государственного университета. 2000. № 14.
- Синецкий А.Я.* Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950.
- Сырова Т.М.* Студенческие будни // Уральский государственный университет в воспоминаниях. Екатеринбург, 2000.
- Уральский государственный университет. Свердловск, 1980.
- Уральский государственный университет в биографиях. Екатеринбург, 2000.
- Чуткерашвили Е.В.* Развитие высшего образования в СССР. М., 1961.
- Энциклопедический словарь исторического факультета Московского университета. М., 2004.

А. В. Черноухов

Исторический факультет
Свердловского университета
1938 – 1945

Авторская редакция

Компьютерный набор О. В. Замятина

Макет А. А. Сафронов

Подписано в печать 20.10.2008 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура «Таймс».
Тираж 350 экз.

Отпечатано на ризографе в лаборатории оргтехники отделения архивоведения,
документоведения и информационно-правового обеспечения управления ист. ф-та УрГУ.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.